

跨文化研究

MULTICULTURAL RESEARCH

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL / НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / 学术期刊

中国 湖州

№ 1 (22)
2025

主办单位:
湖州师范学院

地址:
湖州师范学院
跨文化研究中心
(浙江省湖州市
二环东路 759 号)

邮箱:
02546@zjhu.edu.cn

电话:
0572-2321033

邮政编码:
313000

主编: 李姬花
教育学博士, 副教授

湖州师范学院
(中国)

副主编: 彼洛仁科·莉迪娅
教育学博士, 教授

湖州师范学院
(中国)

执行秘书(负责期刊发布):
沙利娅科娃·巴赞卡·伊丽娜
语言学博士, 副教授

湖州师范学院
(中国)

国际编委会成员

阿布拉扎德·古尔纳兹
哲学博士, 教授

巴库音乐学院
(阿塞拜疆)

阿列克谢耶夫-阿普拉辛·阿纳托利
文化学博士、教授

圣彼得堡国立大学
(俄罗斯)

扎哈林娜·尤利娅
艺术学博士, 教授

白俄罗斯国立师范大学
(白俄罗斯)

拉普提诺克·亚历山大
哲学博士, 教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

马蒂修克·帕维尔
文化学、哲学博士, 教授

白俄罗斯国立文化艺术大学
(白俄罗斯)

梅格雷利什维利·塔蒂亚娜
语言学博士, 教授

格鲁吉亚技术大学
(格鲁吉亚)

梅尔尼科娃·安吉拉
语言学博士, 教授

白俄罗斯戈梅利国立大学
(白俄罗斯)

米赛克·依丽娜
哲学博士, 教授

南乌克兰国立教育学院
(乌克兰)

纳吉耶娃·弗洛拉·苏丹·吉兹
语言学博士、教授

巴库斯拉夫大学
(阿塞拜疆)

巴利齐科·根纳迪
教育学博士, 教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

鲁塞茨基·瓦西里
教育学博士, 教授

白俄罗斯教育科学院
(白俄罗斯)

斯内普科夫斯卡娅·斯维特兰娜
教育学博士、历史学博士, 教授

白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

宋珊珊 文化学博士

湖州师范学院 (中国)

陈陈林 语言学博士

湖州师范学院 (中国)

Editor-in-Chief:

Li Jihua,
PhD (Pedagogy),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Deputy Editor-in-Chief:

Pyrozhenko Lidiia,
Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor
Huzhou University
(China)

Executive Editor:

**Shauliakova-Barzenka
Iryna,**
PhD (Philology),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Главный редактор:

Ли Цзихуа,
кандидат педагогических
наук, доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

**Заместитель главного
редактора:**

Пироженко Лидия,
доктор педагогических
наук, профессор
Университет Хучжоу
(Китай)

**Ответственный
секретарь
(выпускающий редактор):**

**Шевлякова-Борзенко
Ирина,** кандидат
филологических наук,
доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

International Editorial Board

Abdullazade Gulnaz,
Doctor of Philosophy,
Professor
Baku Academy of Music
(Azerbaijan)

**Alekseev-Apraksin
Anatoly,**
Doctor of Cultural
Studies, Professor
St Petersburg University
(Russia)

Zakharina Yulia,
Doctor of Arts, Professor
Belarusian Pedagogical
State University named
after Maxim Tank
(Belarus)

Laptenok Alexander,
Doctor of Philosophy,
Professor
Belarusian State University
(Belarus)

Martysiuk Pavel,
Doctor of Cultural
Studies, Doctor of
Philosophy, Professor
Belarusian State University
of Culture and Arts
(Belarus)

Megrelishvili Tatiana,
Doctor of Philology,
Professor
Georgian Technical
University
(Georgia)

Melnikava Angela,
Doctor of Philology,
Professor
Francisk Skorina Gomel
State University
(Belarus)

Mysyk Irina,
Doctor of Philosophy,
Professor
South Ukrainian State
Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
(Ukraine)

Международный редакционный совет

Абуллазаде Гульназ,
доктор философских наук,
профессор
Бакинская музыкальная
академия имени
Узеира Гаджибекова
(Азербайджан)

**Алексеев-Апраксин
Анатолий,**
доктор культурологии,
профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
(Россия)

Захарина Юлия,
доктор искусствоведения,
профессор
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(Беларусь)

Лаптёнок Александр,
доктор философских наук,
профессор
Белорусский государственный
университет
(Беларусь)

Мартысюк Павел,
доктор культурологии,
доктор философских наук,
профессор
Белорусский государственный
университет культуры и
искусств
(Беларусь)

Мегрелишвили Татьяна,
доктор филологических
наук, профессор
Грузинский технический
университет
(Грузия)

Мельникова Анжела,
доктор филологических
наук, профессор
Гомельский государственный
университет имени
Франциска Скорины
(Беларусь)

Мысык Ирина,
доктор философских наук,
профессор
Южноукраинский
государственный
педагогический университет
имени К. Д. Ушинского
(Украина)

Najieva Flora Sultan gizi, Doctor of Philology, Professor	Baku Slavic University (Azerbaijan)	Наджиева Флора Султан гызы, доктор филологических наук, профессор	Бакинский славянский университет (Азербайджан)
Palchyk Henadzi, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Пальчик Геннадий, доктор педагогических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Rusetsky Vasily, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Academy of Education (Belarus)	Русецкий Василий, доктор педагогических наук, профессор	Академия образования (Беларусь)
Snapkovskaya Svetlana, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Снапковская Светлана, доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Song Shanshan, PhD (Cultural studies)	Huzhou University (China)	Сун Шаншан, кандидат культурологии	Университет Хучжоу (Китай)
Chen Chenlin, PhD (Philology)	Huzhou University (China)	Чень Ченлинь, кандидат филологических наук	Университет Хучжоу (Китай)

CONTENT

■ *Cultural studies. Theory and practice*

Pirozhenko Victor 7

The problem of logical correlation of culturally conditioned concepts of the source and translated languages

Labanova Anastasiya 24

Pillow as a sacred artifact in traditional Chinese culture

■ *Pedagogical science and education*

Liu Tingting, Xiao Su 39

The spiritual world of Vasily Sukhomlinsky: origins and essence

Shauliakova-Barzenka Iryna 46

Organizational and pedagogical conditions for improving the school educational environment in the direction of ecologization

Lozitsky Vyacheslav 65

Principles for ensuring the continuity of the information and educational environment of secondary and higher education

Kalmakova Alena, Pisarchuk Nataliya 74

Designing and implementing the geographical component in the interdisciplinary Master's program "Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication"

Aksenchyk Natallia 88

Indicators of efficiency of development of information and educational environment of a regional higher education institution

■ *Philology*

Gibkij Pavel 97

The future tense category in the Chinese language

Osipava Yana 111

Dominant difficulties of interpreter's perception of accented English speech in consecutive interpreting

Lozka Tatsiana 121

Metaphysics of the word in the stikhoskazhes of Ales Ryazanov

Information about the authors 131

Information about the Multicultural Research Center of Huzhou University 137

СОДЕРЖАНИЕ

■ Исследования культуры: теория и практики	
Пироженко Виктор	7
Проблема логической соотносимости культурно обусловленных понятий исходного и переводного языков	
Лобанова Анастасия	24
Подушка как сакральный артефакт в традиционной культуре Китая	
■ Педагогическая наука и образование	
Лю Тинтин, Сяо Су	39
Духовный мир Василия Сухомлинского: истоки и сущность	
Шевлякова-Борзенко Ирина	46
Организационно-педагогические условия совершенствования школьной образовательной среды в направлении экологичности	
Лоцицкий Вячеслав	65
Принципы обеспечения преемственного развития информационно-образовательной среды общего среднего и высшего образования	
Кольмакова Елена, Писарчук Наталья	74
Проектирование и реализация географического компонента в междисциплинарной магистерской программе «Журналистика в межкультурной и геополитической коммуникации»	
Аксенчик Наталья	88
Показатели эффективности развития информационно-образовательной среды регионального учреждения высшего образования	
■ Филология	
Гибкий Павел	97
Категория будущего времени в китайском языке	
Осипова Яна	111
Доминантные трудности восприятия переводчиком акцентной речи на английском языке в ситуации устного последовательного перевода	
Лозко Татьяна	121
Метафизика слова в стихосказах Алеся Рязанова	
Информация об авторах	131
Информация о Мультикультурном исследовательском центре Университета Хучэжоу	137

CULTURAL STUDIES. THEORY AND PRACTICE
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ

UDC167/168

Victor Pirozhenko,
*PhD; Multicultural Research Center,
Huzhou University
(China)*
aktt47@yandex.ru

**THE PROBLEM OF LOGICAL CORRELATION OF
CULTURALLY CONDITIONED CONCEPTS OF THE SOURCE
AND TRANSLATED LANGUAGES**

The problem of the correlation of the concepts of a foreign and native language, the lexical meaning of which has an essential cultural component, is considered. The discrepancy between the cultural practices of speakers of different cultures and languages is reflected in the partial or complete discrepancy of concepts, the meaning of which is largely determined by cultural (value) representations. This creates difficulties for direct comparison and accurate translation of such words, as well as for understanding the cultural practices behind them. A solution to this problem is proposed using logical comparison methods and invariant transformations developed by V. A. Smirnov, which allow us to move from describing the meaning of cultural practices in the source language to describing them in the translated language. The role of this method of solving the problem of correlation in consolidating the intercultural approach in education and promoting the principle of the self-worth of each culture is revealed.

Keywords: cultural practice; cultural values; culturally determined concepts; logical correlation of culturally defined concepts; invariant transformations.

Виктор Пироженко,
*кандидат философских наук;
Мультикультурный исследовательский центр
Университета Хучжоу
(Китай)*
aktt47@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКОЙ СООТНОСИМОСТИ КУЛЬТУРНО
ОБУСЛОВЛЕННЫХ ПОНЯТИЙ ИСХОДНОГО И
ПЕРЕВОДНОГО ЯЗЫКОВ**

Рассмотрена проблема соотносимости понятий исходного (иностранного) и переводного (родного) языков, лексическое значение которых имеет существенную культурную составляющую. Несовпадение культурных практик носителей разных культур и языков

отражается в частичном или полном несовпадении понятий, значение которых в существенной степени обусловлено культурными (ценностными) представлениями. Это создает трудности для непосредственного сопоставления и точного перевода таких слов, а также для осмысления стоящих за ними культурных практик. Предложено решение названной проблемы с использованием логических методов сравнения и инвариантных преобразований, разработанных В. А. Смирновым, которые позволяют переходить от описания смысла культурных практик в исходном языке к их описанию в переводном языке. Раскрыта роль данного способа решения проблемы соотносимости в закреплении межкультурного подхода в образовании и продвижении принципа самооценности каждой культуры.

Ключевые слова: культурная практика; культурные ценности; культурно обусловленные понятия; логическая соотносимость культурно обусловленных понятий; инвариантные преобразования.

Введение. Для целей данного исследования дадим определения ключевых понятий.

Определим понятие «культурная практика» как повседневную деятельность людей, которая рассматривается с точки зрения влияния на нее системы ценностей, обуславливающих индивидуальное и групповое самосознание и обеспечивающих преемственность культурных особенностей носителей данного языка.

Под «культурными ценностями», уточнив определение, данное Ф. В. Макаричевым и Г. В. Елизаровой [1], будем понимать сознательно или неосознанно разделяемые всеми носителями конкретной культуры представления о целях общественной и личной жизни и средствах их достижения, которые выступают внутренними стандартами для всех возможных действий, состояний, событий и явлений.

Культурно обусловленные понятия (то есть культурная составляющая значения понятия или, упрощенно, культурное значение понятия) – это понятия, порожденные особенностями культурных практик носителей исходного языка (далее – ИЯ) в сравнении с носителями переводного языка (далее – ПЯ). Под культурным значением мы понимаем способ применения понятия, то есть употребление понятия в стандартных ситуациях общения, в которых раскрываются отождествляемые с этим понятием определенные культурные практики носителей данного языка. С точки зрения теории языка Г. Фреге можно сказать, что культурное значение понятия составляет смысл этого понятия.

Постановка проблемы «соотносимости». Одной из целей гуманитарных исследований является разностороннее изучение иных культур и цивилизаций. Это важно для их правильного понимания, мирного взаимодействия и обмена опытом между ними. Но системы ценностей и культурные практики разных народов отличаются между собой, зачастую очень сильно. Соответственно

отличаются понятия, обозначающие в иностранном языке культурные особенности его носителей, при соотнесении их (понятий) с родным языком.

Такие понятия могут не иметь совпадения в иных культурах ни по лексическому значению, ни по культурному значению; или у таких понятий может полностью совпадать основное лексическое значение (денотат), но лишь частично совпадать его культурная составляющая (см. [1, с. 380–388]). Соотнесение такого рода понятий чужой и родной культур затруднено, поскольку в родной культуре нет тождественной культурной практики. В результате при осмыслении понятий чужой культуры происходит замещение моделей иностранного языка и культуры моделями родного языка и, как следствие, искажение значений изучаемых слов иностранного (исходного) языка. Возникает проблема соотносимости культурно обусловленных понятий в разных языках, то есть проблема установления взаимных соответствий между их значениями.

Когда значением слова являются конкретные материальные объекты внешнего мира (лес, небо, лошадь, дом, пр.), установить степень соответствия между лексическими и культурными значениями (полное соответствие (эквивалентность), неполное соответствие, отсутствие соответствия) ИЯ и ПЯ несложно. Но когда речь идет о соотнесении отвлеченных понятий («добро», «зло», «душа», «дружба», «судьба», «свобода» и пр.), культурное значение которых обусловлено особенностями культурных практик носителей разных языков и культур, возникают трудности.

Проблема в том, что значения таких понятий являются в наибольшей степени культурно обусловленными, то есть включающими в свое лексическое значение существенную, иногда определяющую (для точного перевода и понимания) культурную составляющую, которая существенно отличается у разных народов. Поэтому при соотнесении такого рода понятий чужой и родной культуры исследователь может не найти в родной культуре тождественной культурной практики, и, соответственно, лексического эквивалента для ее обозначения.

Суть проблемы соотносимости в первом, наиболее сложном случае, в ситуации безэквивалентной лексики удобно рассмотреть на наиболее доступных примерах из русского и английского языков, которые приводят Ф. В. Макаричев и Г. В. Елизарова [1]. Авторы, ссылаясь на исследования А. Вежбицкой, в качестве примера «непереводимых» русских слов указывают на слова «душа», «пошлость», «судьба», «тоска». Все эти слова предельно важны для личной жизни русского человека, так как отражают определяющие ценности и соответствующие практики русской культуры в целом.

Слово «душа» в русском языке обозначает богатство внутреннего мира, сложное сочетание мыслей, чувств, желаний и эмоций, частично осознаваемое, частично безотчетное для сознания. В английском языке это слово переводится,

как *soul*, *heart* или *mind*. Ни в одном из этих вариантов такой перевод не является эквивалентным, то есть не передает русского значения. При разговоре на английском языке полная калька с русского таких предложений, как «У меня сложилось впечатление, что он богатой души человек» (*I have got the impression that he is a rich soul*) или «Физически со мной всё в порядке, но душа болит» (*I am physically all right but my soul hurts*) приводят англоязычного участника общения в замешательство. У носителей русской культуры существование этого слова, как и высокая частота его употребления отражает особое место духовных ценностей, преобладание высоко художественного над безвкусным, нравственного над безнравственным. В англосаксонских обществах, где английский язык является родным для его носителей, не существует культурных практик и, соответственно, культурных концептов в языке, тождественных тем, которые в русской культуре обозначаются словом «душа». «Подобные ценности в прагматически ориентированных англоязычных культурах трудно обнаружить даже на периферии системы ценностей» [1, с. 384].

Также не имеет эквивалентного английского перевода русское слово «пошлость» и производные от него слова. Английский перевод этого слова, как *vulgar*, *common*, *trivial*, *banal* не дает представления о значении данного русского слова и стоящих за ним культурных ценностях, породивших способ его употребления в русском языке. Используя «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, современный смысл слова «пошлый» в русскоязычных культурах можно определить, как «заурядный, низкопробный в духовном и нравственном отношении, чуждый высших интересов и запросов», «безвкусно-грубый» в сочетании с «неприличным» и «непристойным». Употребление этого слова выражает презрение говорящего по отношению к «духовному ничтожеству, лишенному высших интересов» и, одновременно, его двойное – нравственное и эстетическое – осуждение.

Также отсутствует эквивалентный английский перевод русского слова «воспитание». Это слово и образованные от него однокоренные слова означают общественно-нравственные поведенческие стороны формирования личности. Данная общественная практика в русской культуре со временем обособилась от понятия «обучение», которое обозначает предметно-интеллектуальную деятельность. Объединенная семантика разных по значению слов «воспитание» и «обучение» передается в русском языке понятием «образование».

В английском языке, напротив, глагол *to educate* «развил более выраженный дидактический смысл» [2, с. 24], вытеснив на периферию значение, соотносящееся с нравственными и общественными сторонами образования.

В свою очередь, не имеет эквивалентного перевода в русском языке английское слово *privacy*. В англо-русских словарях *privacy* переводится на

русский язык в своем первом значении, как «уединение, одиночество, уединенность». Однако в словаре американской культуры и языка оно толкуется как «желательное состояние, когда вы находитесь вдали от других людей, чтобы они не могли видеть или слышать, что вы делаете, интересоваться вашими делами и т.д. Люди ожидают, что другие будут уважать их частную жизнь» [1, с. 383]. Похожим образом толкует словосочетание *have privacy* А. Вежбицкая: «...чтобы иметь возможность делать определенные вещи незаметно для других людей, как того хотел бы и в чем нуждается каждый; ... предполагается, что каждый человек хотел бы... иметь небольшую стену вокруг себя, по крайней мере, часть времени, и что это совершенно естественно и очень важно» [1, с. 383].

Очевидно, что устоявшийся русский перевод данного английского слова не передает всей полноты культурной составляющей значения английского понятия, что, видимо, связано с отсутствием в русских обществах аналогичной культурной практики и, следовательно, ее понятийной концептуализации в русском языке.

Согласно пояснению Ф. В. Макаричева и Г. В. Елизаровой, *privacy* – это не уединенность и не одиночество, а некая независимость и самодостаточность, «приоритет личных интересов в шкале ценностей отдельной личности и утверждение ее права на полный личный контроль над ними без постороннего вмешательства» [1, с. 383], когда в личной жизни есть такая сторона, о которой никто никогда ничего не знает. Очевидно, что данное понятие связано с индивидуализмом как ценностью, философией и образом жизни современного носителя английского языка. Оно дополняет и проясняет ценности личной независимости и самодостаточности в англоязычных культурах.

Примером второго случая, когда в обоих языках есть слова, совпадающие по своему лексическому значению, но отличающиеся по значению культурному, являются слова «дружба» – «друг» и *friendship* – *friend*.

По мере урбанизации англосаксонских стран, роста подвижности их населения, укрепления индивидуализма как ценности и образа жизни, культурное значение английского слова *friend* со временем меняло свое значение и сейчас больше соответствует таким русским понятиям, как «знакомый», «приятель», то есть партнер по приятному времяпровождению. Таких партнеров может быть много. Друзья в англосаксонской культуре уже не рассматриваются как вечные, что знаменует переход «от идеала вечной дружбы к идеалу перемен, ведущих к знакомствам с новыми людьми» [1, с. 385]. В культуре Русского мира друзей много не может быть по определению, много бывает только приятелей и знакомых; здесь ищут «не партнера по приятному времяпровождению и разговору, но родственную душу, которой можно открыться, поделиться своими несчастьями, трудностями и радостями» [1, с. 386].

В приведенных случаях без точного понимания значения и роли понятий внутри родной для них культуры и без максимально точного, по возможности, их перевода межкультурное общение будет нарушено. Так в науке и образовании появляется общая проблема соотносимости культурно обусловленных понятий исходного и переводного языков, поиск соответствия между ними и следующая из нее проблема наиболее полного, то есть эквивалентного перевода таких понятий.

Далее будет показано, что проблему соотносимости можно в принципе решить тем же способом (несколько видоизменив его), что и проблему соизмеримости языка научных теорий, где соизмеримость включает также процедуру соотнесения как свой частный случай. Применение общих способов и приемов для обоих этих случаев основывается на общей – семантической природе названной проблемы: проблемы преодоления концептуальных и языковых каркасов.

В науке такие каркасы образуются в языке научных теорий и проявляются в процессе борьбы между разными теориями за наиболее точное, то есть максимально соответствующее реальности объяснение фактов человеческого опыта; в языках народов разных культур они обнаруживаются при соотнесении культурно обусловленных понятий исходного (инострannого) и переводного языка. Соответственно, решение данной проблемы возможно на пути применения приемов логической семантики, отработанных при логическом анализе языка науки.

Применение методов логической семантики не исключает бихевиористского подхода к проблеме перевода и соотнесения и вполне согласуется со стимульной теорией значения В. Куайна. Оба метода могут взаимодополнять друг друга, что сделает решение проблемы соотносимости более результативным.

«Языковые каркасы» и принципиальная неопределенность перевода. Семантическая проблема, о которой идет речь, общая в ситуации с обычным языком и в ситуации с языком научной теории. Она вызвана общей особенностью всех языков, которая сформулирована в «теории языковых каркасов» Р. Карнапа: «Признать что-либо реальной вещью или событием, значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами» данного «языкового каркаса» [3, с. 301].

Карнап вводит понятие «языкового каркаса» для решения вопроса «как возможно истинное высказывание?» Подразумевается, что вопрос об истине (в нашем случае, о правильном переводе, то есть о переводе, точно соответствующем смыслу слова в исходном языке) является осмысленным лишь как внутритеоретический вопрос в рамках заданного научной теорией языка и его правил, которые регулируют употребление имен (понятий) абстрактных

объектов [4]. Соответственно, сам по себе вопрос об истинности некой научной теории вне определенного языка и его правил не имеет смысла.

Употребление определенного культурно обусловленного понятия (а это всегда абстрактные имена) в любом языке регулируется правилами (семантическими и синтаксическими) данного языка, которые вполне точно определяют значение этого понятия в этом же языке. Иными словами, правила данного языка задают в этом же языке условия истинности, то есть условия соответствия конкретных понятий определенным культурным практикам. Эти правила являются своеобразным «каркасом» в карнаповском смысле, который отражает созданный ими в данном языке Мир от иных языковых миров.

Проблема заключается в том, что любое сравнение наших знаний с реальностью возможно только в пределах той или иной теории, или, в нашем случае, в пределах конкретного языка, следовательно, эти знания всегда будут ограничены постулатами, посылками и концептуальным каркасом данной теории (языка). Многообразие языков и языковых миров в рамках соответствующих языковых каркасов создает проблему при попытке поиска и взаимного сопоставления тождественных или близких понятий в разных языках.

Как разрушить языковые каркасы исходного и переводного языка, чтобы стал возможен точный (насколько это возможно) перевод и понимание культурно обусловленных понятий исходного языка?

Поскольку в каждом языке его семантические правила и структура определяют «что есть факт?», в частности, «что есть факт культуры?», постольку решение этой проблемы означает также возможность стирания границ между пониманием культурных практик носителей разных языков, – границ, порожденных разными языковыми и концептуальными каркасами.

Иная трудность в решении проблемы соотносимости и, следовательно, эквивалентного перевода культурно обусловленных понятий следует из тезиса В. Куайна о принципиальной неопределенности перевода. Согласно его тезису, в ситуации перевода с абсолютно незнакомого исходного языка (радикальный перевод) могут оказаться одинаково приемлемыми с точки зрения описания объективной реальности несколько способов перевода одного и того же понятия незнакомого языка. Отсюда Куайн выводит, что отсутствуют объективные основания для выбора из ряда приемлемых, но несовместимых друг с другом переводов, а раз так, то и нельзя отдать предпочтение какому-либо одному переводу из этого ряда. Применительно к рассматриваемой проблеме это значит, что одинаково приемлемыми с точки зрения описания культурных практик могут быть несколько способов перевода одного и того же культурно обусловленного понятия ИЯ.

Тезис о неопределенности перевода В. Куайна и следующие из него выводы обуславливаются его лингвистическим бихевиоризмом, в рамках которого развивается поведенческая концепция языка и стимульная теория значения. Согласно ей, значение понятий формируется в процессе воздействия (стимулирования) на органы чувств человека объектов внешнего мира, что отражается в языковом поведении говорящего. Отсюда Куайн выводит принципиальное положение, рассматриваемое им почти как закон – факты, касающиеся значения, должны истолковываться в терминах поведения. «Семантика будет страдать от пагубного ментализма, пока мы рассматриваем семантику человека как что-то, определяемое в уме человека, за пределами того, что может быть явно показано в его поведении» [5, с. 41].

В этой ситуации разные слова (выражения) незнакомого ИЯ, то есть разное речевое поведение могут вызывать у его носителя одинаковые практические реакции. Поэтому стороннему наблюдателю, не знающему этот ИЯ, непонятно, на какие именно слова (выражения) реагирует его носитель. Получается, что неопределенность перевода обусловлена большим количеством способов перевода, которые не подкреплены опытным путем потому, что их невозможно соотнести с конкретной реакцией носителя ИЯ. Данные рассуждения Куайн обосновывает ставшим уже классическим примером со словом «гавагай». Это простой пример, но именно поэтому он позволяет ухватить реальную проблему перевода, которая в более сложных случаях, в том числе, в случаях с культурно обусловленными понятиями создает серьезные трудности.

С точки зрения Н. Гудмэна, который развивает идеи Куайна, существует многообразие правильных версий описания мира, что в полной степени относится и к разным версиям перевода одного и того же текста, поскольку перевод – это частный случай описания объективной реальности. Наличие в каждом языке своего «концептуального каркаса» в карнаповском смысле, аргументы Гудмэна, как и бихевиористская концепция Куайна объясняют практическую невозможность полного соответствия перевода оригиналу и сопряженную с этим неопределенность перевода в целом и в случае с культурно определенными значениями понятий, в частности. Это давняя и хорошо известная проблема не только в языкознании, но и в логической семантике, в философии языка.

В отечественном языковедении она выражена в виде «принципа лексического “рассеивания”» [6] и предполагает «неизбежность “рассеивания” языковых единиц оригинала в переводе, т. е. появления в переводных текстах целого набора соответствий тем или иным элементам исходного текста» [7].

По мнению В. Г. Гака, «общность эквивалентов, которыми пользуется переводчик, может заключаться либо в подобии языковых форм, либо в общности значений при формальном расхождении языковых средств, либо ...в общности

описываемой ситуации». [8, с. 10]. Отсюда следует, что «имеются три модели перевода (формальная, смысловая, ситуативная) и три соответственных уровня эквивалентов» (совпадения) [8, с. 11]. Если оценивать теорию Куайна с этой точки зрения, то неопределенность перевода означает, что невозможно добиться эквивалентности (точного соответствия) перевода одновременно по всем трем названным уровням. То есть невозможно достичь такого формального, смыслового и ситуативного совпадения перевода с оригиналом, которое было бы абсолютно полным (эквивалентным) одновременно по всем этим трем уровням.

Однако общим местом в современном языкознании является понимание, что, несмотря на недостижимость подобного тождественного перевода на практике, вполне возможно достаточно близкое приближение к оригиналу. Поэтому можно говорить о достижимости близкого к эквивалентному переводу, который оптимально передает информацию, смысл, содержание и эмоции текста ИЯ и, соответственно, его культурно обусловленных понятий.

По мнению В. С. Виноградова, под эквивалентностью перевода следует понимать «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [9, с. 18]. В. С. Виноградов считает, что эквивалентность перевода подлиннику всегда понятие относительное. Л. С. Бархударов [10] понимает под эквивалентным переводом такой перевод, который передает неизменный план содержания при соблюдении норм ПЯ.

Отметим, что при всем разбросе мнений среди ученых о признаках эквивалентности перевода, всё же имеется один общий и главенствующий – сохранение при переводе содержательного, то есть смыслового плана.

Логические методы сравнения В. А. Смирнова и инвариантные преобразования как способ решения проблемы «соотносимости». Преодоление описанных трудностей и решение проблемы соотносимости культурно обусловленных понятий видится на пути инвариантных преобразований при переводе данных понятий с ИЯ. Здесь применима та же логическая схема и логические приемы, что и в процедуре соизмеримости научных теорий, которая является частным случаем логической соотносимости понятий естественных языков.

Соизмеримость научных теорий становится возможной только потому, что между целым классом научных теорий существуют инвариантные преобразования, позволяющие переходить от научного описания в языке одной теории к научному описанию в языке другой теории. Данные преобразования, как показал В. А. Смирнов [11], можно провести, используя такие логические методы сравнения научных теорий, как определения (дефиниции) и «погружающие» операции. Посредством таких методов логического анализа, как дефинициальное

расширение, дефинициальная эквивалентность, дефинициальная вложимость, дефинициальная несовместимость можно соизмерить теории, «которые отличаются между собой не только своими словарями, т. е. нелогическими символами, но, также языками и грамматиками» [11, с. 85] и, следовательно, сломать их концептуальные и языковые каркасы.

Покажем возможности инвариантных преобразований, как способа соизмеримости научных теорий, на таком наиболее интересном и симптоматичном примере отношений между ними, как *дефинициальная вложимость*. Вслед за В. А. Смирновым примем, что T_1 *дефинициально вложима* в T_2 , если и только если существует система определения D терминов T_1 в терминах T_2 и, при этом $T_2 + D$ является *консервативным расширением* T_1 . Иными словами, если утверждениям T_1 можно дать объяснение в терминах теории T_2 , то считается, что T_1 дефинициально (то есть через определения основных терминов) вложима в T_2 . Фактически, такое объяснение можно расценивать, как перевод T_1 в T_2 . В частном случае такой перевод является некоторым дефинициальным вложением T_1 в T_2 .

Понятие *дефинициальной вложимости* помогает прояснить тезис В. Куайна о невозможности радикального перевода. Считается, что если невозможно точное и полное толкование терминов (объяснение терминов, включающее их определения) одной теории в терминах другой теории с сохранением их смысла и значения, то это свидетельствует о принципиальной непреодолимости границ между концептуальными каркасами и языками теории, от которых (от каркасов и языков) зависит научное описание. Речь, в конечном счете, идет о принципиальной ограниченности попыток соизмерить теории в терминах друг друга.

Действительно, очевидно, что в общем случае описанное вложение не является единственным вариантом. «Может существовать такая система определения D_1 , что $T_2 + D_1$ будет консервативным расширением T_1 , и – другая система определений D_2 такая, что $T_2 + D_2$ также есть консервативное расширение T_1 » [11, с. 83]. Здесь нельзя определить «главное», «правильное» вложение и, следовательно, привилегированный способ перевода. Но, чтобы нейтрализовать приведенный тезис В. Куайна и его скептические выводы относительно невозможности выбрать наилучший в плане точного отражения понятия ИЯ перевод, этого и не требуется. Намного важнее показать, что существуют варианты перехода от одного способа вложения к другому.

Описывая ситуацию с вложением одной теоретической системы в другую с помощью определений, В. А. Смирнов проводит аналогию с системами измерения. Расстояние можно измерять в пределах метрической системы – в метрах, сантиметрах, миллиметрах; можно выйти за ее пределы и измерять в футах,

аршинах и т. д. При этом ни одна из систем сама по себе не является привилегированной. В контексте обсуждаемой темы наиболее значимым является сама возможность переходить от одной системы измерения к другой с помощью инвариантных преобразований [11].

Подобные преобразования возможны лишь при использовании одной системы определений так же, как взаимный перевод разных систем измерений возможен в рамках какой-либо одной системы измерения. Определения при таком способе преобразований устанавливают формальные соответствия между значениями терминов сопоставляемых теорий, выделяя инвариантные элементы в значении сопоставляемых терминов. Одновременно в рамках новой теории конструируется новое составное значение. Это новое значение и является инвариантом, который устанавливает новая теория для всех преобразований над понятиями, входящими в сопоставляемые теории.

Таким образом, для операции соизмерения научных теорий вообще не требуется наличия единственной, привилегированной точки отсчета. Учитывая сказанное, можно рассматривать приведенные здесь или любые другие логические способы соизмерения теорий, с помощью которых совершаются инвариантные преобразования понятийного аппарата и концептуального каркаса сопоставляемых теорий, одновременно и как способы построения новой теории. Особенностью этой новой теории является то, что в нее входит весь массив фактов, входивших до этого частями в опытный базис соизмеряемых теорий.

Предположим, даны теории T_1 и T_2 , каждая из которых имеет некоторую фактуальную (опытную) базу. В такой ситуации, соизмерение теорий T_1 и T_2 возможно произвести только в границах новой теории T_3 . Эта последняя будет иметь свой концептуальный каркас, в рамках которого логическими методами (описанными выше или другими) устанавливаются инвариантные преобразования между понятиями соизмеряемых теорий T_1 и T_2 . В процессе такого переистолкования данных теорий в пределах нового концептуального каркаса T_3 стираются границы между концептуальными и языковыми каркасами соизмеряемых теорий, а, следовательно, и между их фактуальными базами.

Именно наличие инвариантов при подобных переходах лучше всего обосновывает тезис о возможности объективно истинного теоретического знания, независимо от концептуальных каркасов, которые отделяют различные теории друг от друга. Данный вывод, как и всё сказанное выше, в принципиальных моментах распространяется на способы соотнесения культурно определенных понятий исходного и переводного языков. Переводчику, который сосредотачивается на тексте и конкретных словах ИЯ и ПЯ, как и культурологу (этнографу, социологу, пр.), который сосредотачивается на изучении особенностей культурных практик иных народов, приходится в случае

затруднений, вольно или невольно, строить объединительные теории, подобные описанной выше ТЗ, для слома языковых каркасов ИЯ и ПЯ, которые (исходный и переводной языки) аналогичны теориям Т1 и Т2 из нашего примера. В конечном счете объединительная теория ТЗ создает собственный концептуально-языковой каркас.

Это не значит, что в каждом проблемном случае, решая проблему соотносимости, переводчику или культурологу приходится создавать развернутые теории в виде длинных рассуждений и завершенных выводов. В этой роли могут быть (и чаще всего бывают) устные и письменные рассуждения (черновые заметки, наброски, выводы) исследователя с анализом трудностей перевода, осмыслением инокультурных практик, подбором вариантов наиболее точного перевода и обоснованием своего выбора.

Исследователю приходится заново разбираться с лексическими значениями понятий и их культурной составляющей, вникать в смысл соответствующих культурных практик и совершать иную сложную аналитическую работу, которая чаще всего не фиксируется в виде оформленного текста, но которая по всем признакам играет роль такой объединительной теории. Главное свойство таких рассуждений – они создают новые понятия и концепты, объединяющие путем инвариантных преобразований понятия и концепты ИЯ и ПЯ, и ломают между ними концептуально-языковые каркасы.

Все теории, которые создаются переводчиком для решения проблемы соотносимости, подобны строительным лесам: они необходимы во время работы, чтобы осмыслить иную культурную практику или «построить» перевод культурно обусловленного понятия, но по ее окончании разбираются и забываются. Это объяснимо, поскольку основная задача при решении проблемы соотнесения сосредоточена на иных предметах исследования. Поэтому наиболее удобны для исследования описанных выше методов соотнесения культурно обусловленных понятий, специально созданные профильными учеными (логиками, культурологами, лингвистами) объяснительные теории, которые целенаправленно исследуют проблему соотносимости как препятствие при изучении культурных практик иных народов.

Как выглядят объединительные теории, взламывающие языковые и концептуальные каркасы ИЯ и ПЯ при решении проблемы соотнесения?

Обратим внимание на приведенные выше примеры понятий русского и английского языков, которые привлекались для анализа проблемы соотнесения в случае безэквивалентной лексики и лексики, частично совпадающей в своем культурном значении. Представим соотнесение данных слов в виде обобщенной схемы семантического анализа:

- установление значения данного понятия в ИЯ через изучение стандартных контекстов употребления его носителями;
- соотнесение этих контекстов употребления с разными культурными практиками носителей ИЯ и установление соответствия между ними и значением данного понятия;
- выполнение этих же операций относительно ПЯ и культурных практик его носителей; определение круга близких по значению понятий;
- соотнесение культурных значений понятий и соответствующих культурных практик носителей ИЯ и ПЯ и установление степени соответствия между этими значениями и практиками;
- создание в ПЯ для изначально безэквивалентного или частично эквивалентного понятия ИЯ инвариантных преобразований посредством системы определений; они устанавливают соответствие культурных практик ИЯ и ПЯ в рамках нового значения и обосновывают использование этого значения как оптимального, эквивалентного перевода проблемных понятий ИЯ.

Все шаги данной схемы, возможно в несколько иной последовательности, присутствуют, так или иначе, в названных примерах. Это особенно заметно, если проследить их по первоисточникам, то есть по более развернутым исследованиям авторов, упомянутых в ссылках. По сути, в качестве примеров такого описательного объяснения через построение специальной теории, где с помощью определений устанавливается соответствие значений между безэквивалентным понятием ИЯ (то есть не имеющим эквивалентного, точного перевода) и ПЯ, можно рассматривать исследования Е. Г. Труновой, Ф. В. Макаричева и Г. В. Елизаровой.

Е. Г. Трунова на примере значения русского понятия «воспитание» (и глагола «воспитывать») показывает отсутствие эквивалентного ему понятия английского языка и пытается подобрать в английском языке такое описание, которое бы наиболее близко соответствовало значению исходного русского слова. Ее теория последовательно включает в себя: исторический обзор изменений значения слова «воспитание» в русском языке; анализ семантической структуры русского понятия «воспитание» и вычленение всех его значений; вычленение инвариантов – общих составляющих семантики этого понятия, в том числе с помощью анализа сочетаемости глагола «воспитать» с существительными; формулировку современного определения значения понятия «воспитание» в русском языке; подбор английских понятий, значение которых в совокупности наиболее полно соответствует русскому понятию «воспитание» и передает соответствующую русскую культурную практику, поскольку единого понятия с эквивалентным значением в английском языке нет.

В нашем случае Т1 – это теория-описание значения русского понятия «воспитание»; Т2 – теория-описание значения (значений) понятий английского языка, имеющих некие общие свойства с данным русским понятием; Т3 – объяснительная теория, которая с помощью специальных определений строит инвариантные преобразования в английском языке значения русского слова «воспитание» и устанавливает его соответствие с набором всех английских понятий, обозначающих близкую по смыслу культурную практику в англоязычных обществах. В соответствии с представленной выше схемой, в Т3 строится дефиницальное (через определения новых понятий) вложение Т1 в Т2. В ситуации, когда тождественные культурные практики носителей ИЯ и ПЯ отсутствуют, такая объединительная теория Т3 с помощью новых понятий и их определений устанавливает в ПЯ формальные соответствия между соотносимыми понятиями ИЯ и ПЯ (они являются инвариантными преобразованиями этих понятий) и вводит в ПЯ объяснительное описание культурной составляющей лексического значения данного понятия ИЯ. Такое описание будет наиболее точным описанием соответствующей культурной практики носителей ИЯ и, следовательно, его можно рассматривать, как эквивалентный перевод значения данного понятия ИЯ. В итоге названная выше схема целиком является искомой объединительной теорией Т3. Посредством собственных, новых понятий Т3 взламывает концептуально-языковые каркасы ИЯ и ПЯ (аналог теорий Т1 и Т2 в логико-семантическом анализе языка научной теории), создает новую собственную фактическую базу, которая включает культурные практики носителей ИЯ и ПЯ и их соответствующие языковые концептуализации и, таким образом, успешно решает проблему соотносимости.

Логико-семантические методы соотнесения культурно обусловленных понятий не исключают бихевиористских подходов в целом и стимульной теории значения Куайна в частности и вполне с ними совместимы. Чтобы установить связь объяснительного описания значения переведенного понятия ИЯ с соответствующей культурной практикой его носителей, необходимо показать, как выглядит эта практика; иными словами, показать обозначенный предмет (денотат). И наоборот, наблюдение за незнакомой и непонятной культурной практикой стимулирует определенным образом органы чувств, и эти стимулы могут быть осознаны наблюдателем лишь через именование этой практики. А это возможно или через соотнесение с чем-то знакомым, с похожей культурной практикой в родной культуре, что обычно и происходит, или путем инвариантных преобразований культурных значений понятий ИЯ и ПЯ в специальных определениях, по описанной нами схеме. В первом случае почти всегда возможны искажения значений, во втором случае такого искажения можно избежать.

Представленное здесь решение проблемы соотносимости имеет ряд важных следствий-рекомендаций для изучения иной культуры посредством изучения языка ее носителей.

Во-первых, в целом ряде случаев целесообразно вместо употребления неточного, но близкого по значению и смыслу понятия ПЯ как перевода данного понятия ИЯ использовать объяснительное описание его значения (короткое или развернутое, в зависимости от конкретной ситуации перевода) и, таким образом, передать лексическое и культурное значение этого понятия ИЯ.

Во-вторых, инвариантные преобразования значений культурно обусловленных понятий ИЯ и ПЯ показывают относительность культурных категорий и помогают избежать их непосредственного сравнения при соотнесении и изучении. Недостаток такого сравнения в том, что оно, как правило, приводит, по замечанию Г. В. Елизаровой, к укреплению стереотипов в отношении чужой и родной культуры посредством приписывания их культурным практикам положительных или отрицательных оттенков значений. Отсюда следует, что важной задачей обучения иностранному языку является освоение его лексики одновременно с освоением культурной составляющей лексического значения, что особенно важно для отвлеченных понятий. Эта задача решается путем «соотношения их значения не только с толкованием в словаре, которое часто лишено культурного компонента значения, но и с контекстами употребления, позволяющими такой компонент вычлениить» [12].

В-третьих, целесообразно принять «принцип самодостаточности и самооценности разных культур», когда с помощью специальных приемов наблюдения за чужими культурными практиками устанавливается их значение с точки зрения носителей этих практик и языков, а не с точки зрения культуры внешнего наблюдателя.

Список использованных источников¹

1. Макаричев Ф. В., Елизарова Г. В. Значимость национального культурного компонента лексики в процессе межкультурной коммуникации // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. – 2016. – № 2. – С. 380–388.

2. Трунова Е. Г. Воспитание как культурная универсалия: семантический аспект // Педагогика и психология образования – 2017. – № 3. – С. 16–25.

3. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. Москва: Изд-во иностр. лит., 1959 – 382 с.

¹ Списки использованных источников представляются в журнале в авторской редакции. – *Ped.* / References are presented in the journal in the author's version. – *Ed.*

4. Carnap R. Empiricism, semantics, and ontology // *Revue Internationale de Philosophie* 4 (1950): 20–40. Reprinted in the Supplement to *Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic*, enlarged edition (University of Chicago Press, 1956).

5. Куайн В. Онтологическая относительность // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия*. Москва: Логос, 1996. – С. 40 – 61.

6. Лысенкова Е. Л. О законе переводной дисперсии // *Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. – № 1. – С. 111–118.

7. Беглярова А. Л., Асланова М. А., Читао И. А., Хатхе А. А. Гипотеза неопределенности У. Куэйна, переводная дисперсия // [Интернет]. 2020 [протитировано 10 октября 2024 г.] Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipoteza-neopredelennosti-u-kueyna-perevodnaya-dispersiya>.

8. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык: учеб. пособие. Москва: Интердиалект, 2000.

9. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

10. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Международные отношения, 1975.

11. Смирнов В. А. Логические методы сравнения научных теорий // *Вопросы философии*. – 1983. – № 6. – С. 80–90.

12. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. Санкт-Петербург: КАРО, 2005.

References

1. Makarichev F. V., Elizarova G. V. Znachimost' natsional'nogo kul'turnogo komponenta leksiki v protsesse mezhkul'turnoi kommunikatsii // *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova*. – 2016. – № 2. – S. 380–388.

2. Trunova E. G. Vospitanie kak kul'turnaya universal'iya: semanticheskii aspekt // *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* – 2017. – № 3. – S. 16–25.

3. Carnap R. Znachenie i neobkhodimost'. Issledovaniya po semantike i modal'noi logike. Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1959 – 382 s.

4. Carnap R. Empiricism, semantics, and ontology // *Revue Internationale de Philosophie* 4 (1950): 20–40. Reprinted in the Supplement to *Meaning and Necessity*:

A Study in Semantics and Modal Logic, enlarged edition (University of Chicago Press, 1956).

5. Kuain V. Ontologicheskaya otnositel'nost' // *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada: Uchebnaya khrestomatiya*. Moskva: Logos, 1996. – S. 40 – 61.

6. Lysenkova E. L. O zakone perevodnoi dispersii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2006. – № 1. – S. 111–118.

7. Beglyarova A. L., Aslanova M. A., Chitao I. A., Khatkhe A. A. Gipoteza neopredelennosti U. Kueina, perevodnaya dispersiya // [Internet]. 2020 [protsitirovano 10 oktyabrya 2024 g.] Dostupno po: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipoteza-neopredelennosti-u-kueyna-perevodnaya-dispersiya>.

8. Gak V. G., Grigor'ev B. B. *Teoriya i praktika perevoda. Frantsuzskii yazyk: ucheb. posobie*. Moskva: Interdialekt, 2000.

9. Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)*. Moskva: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001.

10. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.

11. Smirnov V. A. Logicheskie metody sravneniya nauchnykh teorii // *Voprosy filosofii*. – 1983. – № 6. – S. 80–90.

12. Elizarova G. V. *Kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam*. Sankt-Peterburg: KARO, 2005.

UDC (39+299.51+745/749) (510)

Anastasiya Labanova,
Belarusian State University
(Belarus)
lobanova_a@bsu.by

PILLOW AS A SACRED ARTIFACT IN TRADITIONAL CHINESE CULTURE

Traditional pillows are an important part of Chinese sleep culture. Typically made from hard materials, they have a wide range of applications. Beyond serving as a bedding accessory, they were also used as safes, heaters, or conversely, cooling devices in hot weather, and for other practical purposes. Based on original written records, this article establishes that in folk beliefs and Chinese self-cultivation practices, pillows acquired special significance. In the traditional Chinese worldview, sleep is associated with the soul leaving the body, so, unsurprisingly, pillows were regarded as objects capable of locking the soul inside or guiding it to various places. This ‘superpower’ underpins beliefs that pillows could perform a protective function, guarding the sleeper against harmful forces that exploit the vulnerability of a person temporarily left without their soul. Containing various remedies and talismans, pillows are also seen as aids in strengthening health and achieving immortality. Moreover, they serve as intermediaries in the process of knowledge transmission.

Keywords: pillow; headrest; traditional Chinese culture; Chinese sleep culture (梦文化); Taoism; Chinese folk beliefs.

Анастасия Лобанова,
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
lobanova_a@bsu.by

ПОДУШКА КАК САКРАЛЬНЫЙ АРТЕФАКТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Традиционные подушки являются важной частью китайской культуры сна. Изготовленные, как правило, из твердых материалов, они обладают широким спектром применения: помимо постельной принадлежности, использовались, например, в качестве сейфа, обогревателя либо, наоборот, для охлаждения в жаркую погоду и в прочих практических целях. В данной статье на основании оригинальных письменных памятников установлено, что в народных верованиях и в китайских практиках самосовершенствования подушки приобрели особое значение. Поскольку в традиционной китайской модели мира сон связан с выходом души за пределы тела, подушки рассматривались как предмет, способный запереть в себе душу, а также провести ее в различные места. Данная «суперсила» обусловила наличие представлений о том, что подушки могут выполнять защитную функцию, оберегая спящего на ней от воздействия дурных сил, пользующихся уязвимостью человека, на время оставшегося без души.

Вмеща в себя различные снадобья и обереги, подушки также рассматриваются как помощники при укреплении здоровья и достижении бессмертия. Кроме того, они оказываются посредниками в процессе передачи знаний.

Ключевые слова: подушка; изголовье; традиционная культура Китая; китайская культура сна (梦文化); даосизм; китайские народные верования.

В Китае сну и сновидениям издревле уделялось пристальное внимание. Данный факт подтверждается письменными памятниками, анализ которых показывает, что можно выделить несколько направлений осмысления рассматриваемого состояния: 1) онейромантические¹ практики и снотолкование; 2) традиционная китайская медицина; 3) философия; 4) народные верования; 5) практики самосовершенствования [1]. Накопившиеся знания и верования получили в китайских источниках название «культура сна» (梦文化) [2].

В китайской культуре сна особое внимание обращают на себя традиционные подушки², поражающие разнообразием своих форм, материалов и способов применения. Помимо их использования непосредственно в качестве подголовника, они также служили в медицинских целях, для отпугивания насекомых, в качестве «сейфа» и пр. (подробнее см.: [3]).

Китайцы верят, что во время сна душа покидает тело и отправляется в странствия. Ярким примером такого путешествия является история о полете души или духа (神游) мифического императора Хуанди в страну Хуасюй [4, с. 298] – идеальное государство, страну всеобщего процветания. Выход души во сне за пределы тела спящего делает человека крайне уязвимым. Я. Я. М. де Гроот в «Демонологии древнего Китая» отмечает, что в провинции Гуанси верят в «повелителей призраков», которые умеют «ловить» жизнь, то есть души здоровых людей, и впускать их в тела умирающих от тяжелой болезни. Ритуал проводится ночью: в светильник при помощи заклинаний и особого музыкального сопровождения ловится душа спящего и передается болящему. Человек, чья душа откликнулась на зов «колдуна», умирал [5, с. 331–332]. Представители народности лису верят в «убийство души» (杀魂) во сне, а также в то, что есть люди, именующиеся коуба (扣扒), которые имеют необычную душу ингуй (鹰鬼, букв.: ‘ястребиный гуй’³) и могут во сне убивать души [6, с. 5].

¹ Онейромантика (греч. *oneiros* ‘сновидение’, *manteia* ‘гадание’) – гадание по снам. В Древнем Китае отличалось тем, что будущее предсказывалось, скорее, по самому факту сна, чем по его содержанию.

² Иероглиф 枕 часто переводится на русский язык как «изголовье», например, в названии танской новеллы 《枕中记》 – «Записки у изголовья». В статье знак 枕 мы понимаем как «подушка», несмотря на то что данное приспособление могло использоваться не только для сна.

³ Данный термин имеет сложную семантику. М. А. Исаченкова указывает, что она формировалась по следующей схеме: «двойник умершего (призрак, фантом) / одновременно и ритуал по усмирению души умершего (дух умершего у алтаря) → дух умершего, неправильно захороненного → нечистый дух, демон вообще» [6, с. 164].

Вера в то, сон и смерть связаны с покиданием душой тела, наделил подушку особыми функциями, о которых речь пойдет ниже.

Подушки являются важным *погребальным атрибутом*. В похоронном ритуале используются особые подушки (寿枕) в виде петуха (鸡鸣枕). Как отмечает Я. Я. М. де Гроот, в Китае эта птица является символом *ян*, Солнца, отпугивает духов тьмы от гроба [8, с. 200–201]. Фигурки петуха применяются, чтобы поймать душу умершего, переместить ее в табличку почивших предков [9, с. 122], то есть выступают «замещающим телом» для души [10, с. 47–53]. Подушка в виде петуха также может выполнять схожую функцию. Подобный предмет был найден при раскопках гробницы иньпаньского человека. Примечательно, что на нем вышиты мифические существа: голубой дракон, белый тигр, обезьяна, грифон, красный воробей. Исследователи считают, что обезьяна символизирует умершего человека, которого нужно защитить, а остальные существа охраняют его [11, с. 11–12]. Ван Шухуа отмечает широкое распространение подобных подушек и фигурок петухов на территории Великого Шелкового пути с периода династий Хань и Цзинь и использование их в похоронной церемонии в целом для защиты от нечистой силы и искоренения зла [12].

Поскольку имели место представления о подушке как ловушке для души, существует запрет спать на подушке умершего, особенно человека, скончавшегося от болезни. Среди погребальных китайских действий (церемоний) есть обряд очищения спальни (净寝), или уборки кана (扫炕), предполагающий сожжение подушки почившего [13].

У подушки-петуха может быть и другое предназначение. В одном из трактатов упоминается подушка-петух (鸡鸣枕), служившая будильником – изнутри доносился барабанный бой. Чиновник, которому она была дарована, решил, что это происки нечистой силы, и разбил подушку. Оказалось, что внутри – особый механизм, который реагировал на *ци* ночи (夜气) и отбивал стражи с первой (с семи до девяти часов вечера) по пятую (с 3 до 5 часов утра) [14].

Отметим также, что в китайской культуре, в частности в благопожелательной традиции, петух считается положительным животным, поскольку иероглиф 鸡 *цзи* ‘петух’ созвучен 吉 *цзи* ‘счастьем, удаче’. Так, на народных лубочных картинах он используется в качестве зашифрованного пожелания благополучия. В связи с этим китайцы говорят: «Если ребенок спит на подушке-петухе, будет ловким и смышленным» [15].

Вероятно, в народной культуре бытовала вера, что в подушке могла находить пристанище душа не только мертвого человека, но и живого, а точнее – спящего. В «Обширных записях эпохи тайпинов» (《太平廣記》) со ссылкой на «Записи об

услышанном удивительном» (《聞奇錄》) приводится следующая история: «Цзиньши по имени Гуй Си летом спал со своим маленьким ребенком в общих покоях, как вдруг громко завопил кот, испугав ребенка. Гуй Си велел слуге бросить в кота подушкой. Подушка попала в кота, и тот упал замертво. Ребенок тотчас же издал кошачий крик и спустя несколько дней умер»⁴ [16].

В данном контексте интересна подушка, которая упоминается в трактате «Духовные письма Учителя Гуйгуцзы о небесной сердцевине» (《鬼谷子天髓靈》): «Из дерева жужуба, в которое ударила молния, изготовьте волшебную подушку. При ее создании необходимо использовать древесину диаметром 7,2 цуня, высотой 2,5 цуня. На рассвете можно визуализировать⁵ тело как будто [оно находится] в подушке и воспользоваться талисманом. Заклинание проговаривайте 49 дней, волшебная подушка превратится в собственное тело, форма и материя будут сходны. Продолжайте проговаривать еще 100 дней, ни в коем случае не прекращайте, запечатлейте в сердце и не отступайте. Тысяча дней – и волшебная подушка будет странствовать, лишь останется подушка в комнате, т. е. собственное тело [остаётся лежать неподвижно], словно дома находится тот, кого следует похоронить. Когда [духовное тело] словно собственное [материальное] тело возвращается, все изумляются и спрашивают: как после смерти можно вернуться? К этому времени люди скажут: в разрытой могиле лишь увидите, что в гробу есть только одна волшебная подушка». Это как раз и есть способ заместить тело, самому умереть и вернуться» [17].

Данная волшебная подушка (神枕) крайне интересна тем, что позволяет адепту перенести в нее так называемое тонкое тело, то есть является замещающим телом. Это напоминает даосскую практику освобождения от трупа, предполагающую выход за пределы «мира форм», а по одной из интерпретаций – «достижение “полного бессмертия” в новом теле после физической смерти “плотского” тела» [18, с. 257].

Еще одной функцией подушки является осуществление взаимодействия между миром людей и миром духов. В рассказе «Даос, который убил себя из-за происков нечистой силы» (《道士作祟自斃》) упоминается история о любителе играть в шахматы – Чжао Цинъюа. Когда он ложился спать, его пытался напугать один даос, то превращаясь в призрака, то с помощью заклинания, которое доносилось до Чжао из подушки [19, с. 512].

Фольклорист Мията Нобору в работе, посвященной традиционным верованиям о ёкаях – японских мистических существах, обладающих

⁴ Если не указано иное, фрагменты текстов представлены в переводе автора статьи.

⁵ Визуализация в даосской практике самосовершенствования – это медитативный прием, направленный на представление так называемым внутренним зрением своего энергетического тела, духов, божеств и пр.

сверхъестественными способностями, отмечает, что в Японии сновидение – это способ наведаться в иной мир, а подушка – своего рода проводник между мирами [20, с. 62]. В китайской традиции мы также встречаем наличие подобной идеи. Ярким примером может служить новелла Шэнь Шицзи (沈既濟) «Волшебное изголовье» (《枕中記》), которая повествует, как однажды даос Люй вручил молодому человеку по имени Лу зеленую фарфоровую подушку, уснув на которой, юноша увидел сон длиною в целую жизнь – альтернативная версия его жизни, в которой реализовалось его стремление к чиновничьей карьере и сбылись прочие мечты. Умерев во сне, он проснулся и оказался все на той же подушке [21, с. 87–95].

В «Забытых историях времен Кайюань и Тяньбао» (《开元天宝遗事》) упоминается легенда о волшебной подушке, которая во сне переносит в различные места (游仙枕, букв.: ‘подушка путешествия к бессмертным’): «Государство Цюцы преподнесло подушку. Цвет ее, словно агат, блестит, словно яшма. Она изготовлена очень искусно. Если положить на нее голову, то во сне увидишь десять континентов и три острова⁶, четыре моря и пять озер⁷. Поэтому император⁸ назвал ее “подушкой путешествия к бессмертным”. Позже даровал ее Ян Гочжуну»⁹ [22].

Необычная подушка – подушка-оборотень – упоминается в «Записях о забытых событиях» (《拾遗记》) Ван Цзя (王嘉), где говорится: «На второй год [правления императора Цао Хуаня] Сяньси ночью вокруг дворца бродил диковинный зверь белого цвета, светлый и чистый. Евнух увидел его и донес императору. Тот велел придворным проследить за ним. Действительно, увидели белого тигра, который ходит по всему зданию. Чиновник хоучжэ бросил в него копье и попал ему в левый глаз, больше тигра не видели. Обыскали дворец, все водоемы и колодцы, но так и не нашли животное. Когда во второй раз осматривали сокровищницу, обнаружили подушку в виде яшмового тигра. Один глаз у нее был поврежден, следы крови были еще свежи» [23]. Император, будучи знатоком истории, пояснил, что это была подушка императора Синя¹⁰, на которой он спал со своей любимой наложницей Да Цзи [23]. В данной истории подушка не просто является порталом в иной мир, а, вероятно, воплощением духа того, кто на ней спал.

Представление о покидающей во сне тело душе, ввиду чего человек

⁶ Десять континентов и три острова (十洲三島) – места, где обитают бессмертные.

⁷ Четыре моря и пять озер (四海五湖) в значении ‘повсюду; в каждом уголке страны’.

⁸ Речь идет о Сюаньцзуне (宣宗).

⁹ Ян Гочжун (杨国忠) – чиновник времен династии Тан.

¹⁰ Речь идет о последнем правителе династии Инь – Ди Сине (帝辛).

становится крайне уязвимым для внешнего воздействия, обусловило веру в то, что живым людям, ступившим на территорию царства сна, нужна защита. Для этого служат подушки в виде животных и мифических существ либо украшенные их изображениями. Например, считается, что от ночных кошмаров избавляет тигр. В «Примечаниях различных комментаторов к фармакопее [Шэньнуна]» («本草经集注») Тао Хунцина (陶弘景) отмечается: «Голова тигра в качестве подушки избавляет от кошмаров. Если поместить на дверь, отводит гуй» [24]. Кроме того, в народной культуре тигр рассматривается как покровитель детей, поэтому им обувают тапочки в виде головы тигра (虎头鞋), надевают традиционные шапочки, напоминающие голову тигра (戴虎头帽), и укладывают их спать на подушках в форме тигра. У китайцев есть прибаутка: 「小猴孩，你别哭，给你买个布老虎；白天拿着玩，黑夜吓‘麻胡’」 [25] – «Маленький шустрец, не плачь, куплю тебе тигра. Днем будешь с ним играть, а ночью будет тебя от Маху¹¹ оберегать». Здесь речь идет об игрушке-подушке, матерчатом тигре – *булаоху* (布老虎) (подробнее см. [26]).

В «Новой истории династии Тан» (《新唐书》) рассказывается: «Младшая сестра императрицы Вэй однажды использовала подушку в виде головы леопарда для того, чтобы защититься от нечистой силы, подушку с Байцзэ для отвода оборотней *мэй* (魅), подушку с медведем для того, чтобы родить много сыновей» [27]. Байцзе (白泽) – рогатый лев с головой дракона. В китайской мифологии предстает помощником Хуанди, знает всех небесных и земных духов, а также оборотней, поэтому неудивительно, что его изображение размещают на данном предмете либо изготавливают подушки в его виде.

Отдельно стоит упомянуть подушки даосских мастеров. Согласно даосскому учению, сновидения – преграда на пути самосовершенствования [28, с. 197]. В связи с этим не удивительно, что даосские мастера использовали особые подушки. В «Тайном толковании собрания снов» (《梦林玄解》) – трактате, посвященном сну и сновидениям, формирование которого относится ко времени династии Мин, указано: «Подушка-тигр успокаивает дух *шэнь* и устраняет сны. Говорится: киноварь истребляет ночные кошмары» [29].

Подушки также могли защищаться специальными талисманами (符), которые, как отмечается в даосском энциклопедическом трактате «Баопуцзы» (《抱朴子》), являются крайне важным средством в поисках обретения долгой жизни [30, с. 294]. Они служат как проявления космических энергий, представления конкретного божества или божеств, а также как указы для мира

¹¹ Маху (麻胡), или Ма Хуцзы (马虎子) – злой китайский фольклорный персонаж, который поедает детей.

духов; как правило, имеют прямоугольную форму, состоят из специфических графических фигур, комбинаций стилизованных иероглифов, геометрических фигур, астральных символов и др. [31, с. 104]. Например, в даосских памятниках встречается упоминание «талисмана в подушке» (《枕中符》), изображение которого сопровождается пояснением, что его следует писать киноварью, класть в подушку, и тогда нечистая сила не сможет навредить [32].

Следует упомянуть еще одну волшебную подушку, из «Жизнеописания святых и бессмертных» (《神仙傳》), которая помогает продлить жизнь: «Старик с горы Тайшань не знал своего имени. Когда ханьский император Уди объезжал с инспекцией восточные земли, увидел старика, роющего землю, посреди дороги. Над головой было белое свечение, рост в несколько чи. Удивился и окликнул его. Старик выглядел на 50 с лишним лет, а лицо, как у подростка, тело светилось, не был похож на обычного человека. Император спросил: “Есть какое-то волшебство?” Старик ответил: “Когда мне было 85 лет, я был стар и уже при смерти, голова седая, зубы плохие. Один даос научил меня искусству отказа от злаков, питья воды и создания необычной подушки. В этой подушке 32 предмета, 24 предмета похожи на 24 сезона, а 8 предметов соответствуют восьми ветрам. Я использую ее, оборачиваю старость к молодости, темные волосы восстанавливаются, зубы выпадают и возвращаются, ежедневно прохожу 300 ли. Мне в этом году 185 лет”. Уди понравился его способ, пожаловал ему золото и шелка. После чего старик вошел в гору Дайшань и более чем 300 лет не возвращался» [33].

Обратим внимание также на то, что в названиях многих китайских текстов встречается сочетание 枕中, буквальный перевод которого – ‘в подушке’. Например, «[Извлеченные] из подушки Важные записи Моцзы о пяти первоэлементах» (《墨子枕中五行要记》), «Лебяжья драгоценность и Тайная книга Юань из подушки» (《枕中鸿宝苑秘书》), «Секреты из подушки» (《枕中秘》), «Канон чудесных заклинаний внутренней добродетели из сокровенной подушки Верховного достопочтенного Владыки Лао» (《太上老君玄妙枕中内德神咒经》), «Мастерство из подушки» (《枕中術》), «Письмо на шелку из подушки» (《枕中素書》), «Канон Лаоцзюня из подушки» (《老君枕中經》), «Канон о прижигании и иглоукалывании из подушки» (《枕中灸刺经》), «Пять свитков трактата о золоте и серебре из подушки» (《枕中黄白经五卷》), «Чистые записки из подушки» (《枕中清记》), «Талисманы, извлеченные из подушки» (《枕中清记》) и др. В данных случаях, вероятно, речь идет о полых внутри керамических подушках, которые использовались для хранения ценностей, как сейф. В «Баопуцзы», например, отмечается, что знание даосских учителей «за прошедшие столетия и тысячелетия» крайне редко, лишь в исключительных

случаях передавалось от учителя к достойному ученику в письменном виде и обнаруживалось в мешках либо изголовьях, а также у локтя либо под мышкой [30, с. 221]. Можно предположить, что упоминание связи текстов с подушками объясняется и тем, что последние воспринимались как своего рода порталы между миром живых и божеств, а значит, тексты, найденные в подушках, наделялись особым значением как откровения божеств.

В данном контексте можно вспомнить историю о том, как основоположник китайской нумерологии – Шао Юн (邵雍) бросил в мышь фарфоровой подушкой, которая разбилась. На внутренней поверхности осколков мудрец обнаружил иероглифы с предсказанием, кому подушка будет продана, в какой день брошена в мышь и разбита. Таким образом один мудрый старец передал послание Шао Юну, который нашел семью загадочного адресата и обнаружил, что ему завещаны книги и результаты многолетней работы по выявлению законов чисел [34, с. 494–495]. Этот сюжет также демонстрирует особую функцию подушки как посредника в передаче знаний.

Интересна и подушка, «сотканная из знаний» – подушка-книга (书枕) из «Восьми толкований соблюдения жизни» (《遵生八箋》), использование которой помогает вызвать изящные сны: «Худощавый отшельник изготовил [подушку-книгу], используя бумагу трех свитков. По форме похожа на пиалу, [свитки] расположены таким образом, что напоминают иероглиф 品. Подголовником является верхний свиток. Каждый свиток украшен красными бирками и свисающими пластинками из слоновой кости. Первый цзюань – “Небесные реестры Высшей Чистоты” (《太清天錄》), второй – “Книга долголетия” (《南極壽書》), третий – “Реестр бессмертных острова Пэнлай” (《蓬萊仙籍》)» [35].

Таким образом, подушка является важным китайским культурным артефактом. Поскольку данный предмет имеет непосредственную связь со сном, который, согласно традиционным китайским представлениям, является результатом выхода души за пределы тела, его функции так или иначе связаны с духовной сущностью человека и миром духов, божеств. В результате обзора оригинальных китайских источников мы пришли к выводу о следующих предназначениях подушек в традиционной китайской культуре:

- вместилище души, замещающее тело;
- оберег-защита от воздействия дурных сил;
- талисман, сулящий благополучие;
- посредник между людьми и мирами;
- талисман для сохранения здоровья и продление жизни, достижение бессмертия;
- предмет для сохранения и передачи знаний.

Список использованных источников

1. Лобанова А. Я. Историография даосской культуры сна // Вести Института современных знания. 2022; 90:100–105.
2. 盖建民, 卢笑迎. 梦文化的多维之思——“梦与中西文化学术研讨会”综述 // 哲学动态. 2009; 5:107–108 (= Гай Цзяньминь, Лу Сяоин. О многомерности культуры сна. Обзор научного семинара «Сон и культуры Китая и Запада» // Чжэсюэ дунтай. 2009; 5:107–108).
3. Лобанова, А. Я. Традиционные китайские подушки: краткий обзор // Весці БДПУ. Серыя 2. 2023; 2:42–146.
4. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. Москва: Мысль, 1995.
5. Де Гроот, Я. Я. М. Демонология древнего Китая / пер. с англ. Р. В. Котенко. Санкт-Петербург: Издательская группа «Евразия», 2000.
6. 姚, 偉鈞. 占夢. 魔幻預言-古中國占夢異兆和西方解夢之謎. 台北: 五南圖書出版股份有限公司, 2004 (= Яо, Вэйцзюнь. Гадания по снам – Удивительные предзнаменования в древних китайских толкованиях снов и загадки европейского снотолкования. – Тайбэй: Унань тушу чубань гуфэн юсянь гунсы, 2004).
7. Исаченкова М. А. К вопросу об интерпретации представлений о душе у китайцев // Проблемы современного востоковедения. Материалы I Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 162–167.
8. De Groot J.J.M. The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions connected therewith. Volume I. Book I. Disposal of the Dead. Part I. Funeral rites. Part II. The ideas of resurrection. Leyden. The Netherlands: E. J. Brill. 1892.
9. Tong Chee-Kiong. Chinese death rituals in Singapore. London and New York: RoutledgeCurzon, 2004.
10. Malinowski B. Magic, Science and Religion. New York: Doubleday, 1954.
11. Wang, T., Fuller, B. T., Jiang, H. et al. Revealing lost secrets about Yingpan Man and the Silk Road // Sci Reports. 2022; № 12 (669). Доступно по: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-04383-5>.
12. 王淑华. 尼雅鸡鸣枕复原研究 // 丝绸之路多媒体系列资源库 [互联网]. 2007年 [引用日期: 2024年12月12日] (= Ван Шухуа. Исследование реставрации ниянской подушки-петуха // Собрание мультимедийных ресурсов Великого шелкового пути [Интернет]. 2007 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: https://www.sxlib.org.cn/dfzy/sczl/whkjp/kxjs/kjqwts/zyyf/201808/t20180808_9-51658.html).

13. 丧葬礼俗 // 荣成市人民政府 [Интернет]. 2014 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Народные похоронные обряды // Городское народное правительство Жунчена [Интернет]. 2014 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: http://www.rongcheng.gov.cn/art/2014/3/27/art_40558_1109999.html).

14. 太白兵备统宗宝鉴 // 识典古籍 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Тайбай биньбэй тунцзун бао цзянь // Изучение древней классики [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://www.shidianguji.com/ens/book/SDZJ0646/chapter/1kg32rwz8k2yy>).

15. 汤梅. 鸡在民间文化中的象征意义 // 国学网 [Интернет]. 2017 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Тан Мэй. Символическое значение петуха в народной культуре // Госюэван [Интернет]. 2017 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <http://www.guoxue.com/?p=41314>).

16. 太平廣記 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Тайпин гуанцзи // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/taiping-guangji>).

17. 鬼谷子天髓灵文卷上 // 识典古籍 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Духовные письма Учителя из Ущелья навей о небесной сердцевине. Первая часть // Изучение древней классики [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: https://www.shidianguji.com/ens/book/DZ0867?-page_from=searching_page&version=2).

18. Торчинов Е. А. Даосизм: опыты историко-религиоведческого описания. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993.

19. Santangelo P. Zibuyu, “What The Master Would Not Discuss”, according to Yuan Mei (1716-1798): A Collection of Supernatural Stories (2 vols). Leiden, The Netherlands: Brill, 2013.

20. 宮田登. 妖怪の民俗学: 日本の見えない空間. 東京: 岩波書店, 1990 (= Нобору, Мията. Ёкай в фольклоре: невидимые пространства Японии. Токио: Издательство Иванами, 1990).

21. Алимов И. А. Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2017.

22. 王仁裕. 开元天宝遗事 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Ван Жэньюй. Забытые истории времен Кайюань и Тяньбао // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=890951&remap=gb>).

23. 王嘉. 拾遺記 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Ван Цзя. Записи о забытых историях // Chinese Text Project

[Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=917450>).

24. 陶弘景. 本草经集注 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Tao Хунцзин. Примечания различных комментаторов к фармакопее [Шэньнуна] // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=-987826&remap=gb>).

25. 王丕琢. 民间虎形器物常被用来避邪 手工布老虎广为流传 // China Folklore Network [Интернет]. 2012 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Ван Цзя. Записи о забытых историях // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://www.chinafolklore.org/-web/index.php?NewsID=9764>).

26. Комаровская П. А. Китайский матерчатый тигр булаоху: традиции и современность // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. К 60-летию С. В. Филонова: в 2 т. Москва: ИВ РАН, 2022. Т. 2. Даосизм, ислам, традиционная культура. С. 383–392.

27. 欧阳修. 新唐书 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Оу Янсюй. Новая история династии Тан // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=182378&remap=gb>).

28. Лобанова А. Я. Сравнительный анализ сна и сновидений в даосизме и тибетском буддизме // Международная научная конференция, посвященная 65-й годовщине начала изучения языков Юго-Восточной Азии в нашей стране. Сборник материалов. Санкт-Петербург: Издательство АИК, 2020. С. 194–207.

29. 邵雍. 梦林玄解 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Шao Юн. Тайное толкование собрания снов // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=333519&remap=gb>).

30. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с кит., коммент., предисл. Е. А. Торчинова. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999.

31. Vance B. E. Textualizing dreams in a late Ming dream encyclopedia: dis. ... Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton University, 2012.

32. 秘藏通玄变化六阴洞微遁甲真经 // 中国哲学书电子化计划 [Интернет]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Мицан тунсюань бяньхуа лю иньдун вэй дуныцзя чжэньцзин // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=727581-&remap=gb>).

33. 神仙傳 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Жизнеописания святых и бессмертных // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/shen-xian-zhuan/zh>).

34. Иллюстрированный гадательный «И Цзин» / пер. с древнекитайского., сост., прим., Гуань Сюоя. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.

35. 高濂. 遵生八箋 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Гао Лянь. Восемь толкований соблюдения жизни // Chinese Text Project [Интернет]. 2024 [процитировано 12 декабря 2024 г.]. Доступно по: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=277199>).

References

1. Lobanova A. Ya. Istoriografiya daosskoi kul'tury sna // Vesti Instituta sovremennykh znaniya. 2022; 90:100–105.

2. 盖建民, 卢笑迎. 梦文化的多维之思——“梦与中西文化学术研讨会”综述 // 哲学动态. 2009; 5:107–108 (= Gai Tszyan'min', Lu Syaoin. O mnogomernosti kul'tury sna. Obzor nauchnogo seminara «Son i kul'tury Kitaya i Zapada» // Chzhesyue duntai. 2009; 5:107–108).

3. Lobanova, A. Ya. Traditsionnye kitaiskie podushki: kratkii obzor // Vestsi BDPU. Seryya 2. 2023; 2:42–146.

4. Chzhuan-tszy. Le-tszy / per. s kit., vstup. st. i primech. V. V. Malyavina. Moskva: Mysl', 1995.

5. De Groot, Ya. Ya. M. Demonologiya drevnego Kitaya / per. s angl. R. V. Kotenko. Sankt-Peterburg: Izdatel'skaya gruppa «Evraziya», 2000.

6. 姚, 偉鈞. 占夢. 魔幻預言-古中國占夢異兆和西方解夢之謎. 台北: 五南圖書出版股份有限公司, 2004 (= Yao, Veitszyun'. Gadaniya po snam – Udivitel'nye predznamenovaniya v drevnikh kitaiskikh tolkovaniyakh snov i zagadki evropeiskogo snotolkovaniya. – Taibei: Unan' tushu chuban' gufen yusyan' gunsy, 2004).

7. Isachenkova M. A. K voprosu ob interpretatsii predstavlenii o dushe u kitaitsev // Problemy sovremennogo vostokovedeniya. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 162–167.

8. De Groot J. J. M. The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions connected therewith. Volume I. Book I. Disposal of the Dead. Part I. Funeral rites. Part II. The ideas of resurrection. Leyden. The Netherlands: E. J. Brill. 1892.

9. Tong Chee-Kiong. Chinese death rituals in Singapore. London and New-York: RoutledgeCurzon, 2004.
10. Malinowski B. Magic, Science and Religion. New York: Doubleday, 1954.
11. Wang, T., Fuller, B. T., Jiang, H. et al. Revealing lost secrets about Yingpan Man and the Silk Road // Sci Reports. 2022; № 12 (669). Dostupno po: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-04383-5>.
12. 王淑华. 尼雅鸡鸣枕复原研究 // 丝绸之路多媒体系列资源库 [互联网]. 2007 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Van Shukhua. Issledovanie restavratsii niyaskoi podushki-petukha // Sobranie mul'timediinykh resursov Velikogo shelkovogo puti [Internet]. 2007 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: https://www.sxlib.org.cn/dfzy/sczl/whkjp/kxjs/kjqwts/zyyf/201808/t20180808_95165-8.html).
13. 丧葬礼俗 // 荣成市人民政府 [互联网]. 2014 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Narodnye pokhoronnye obryady // Gorodskoe narodnoe pravitel'stvo Zhunchena [Internet]. 2014 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: http://www.rongcheng.gov.cn/art/2014/3/27/art_40558_1109999.html).
14. 太白兵备统宗宝鉴 // 识典古籍 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Taibai bin'bei tuntszun bao tszyan' // Izuchenie drevnei klassiki [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://www.shidianguji.com/ens/book/SDZJ0646/chapter/1kg32rwz8k2yy>).
15. 汤梅. 鸡在民间文化中的象征意义 // 国学网 [互联网]. 2017 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Tan Mei. Simvolicheskoe znachenie petukha v narodnoi kul'ture // Gosyuevan [Internet]. 2017 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <http://www.guoxue.com/?p=41314>).
16. 太平廣記 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Taipin guantszi // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/taiping-guangji>).
17. 鬼谷子天髓灵文卷上 // 识典古籍 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Dukhovnye pis'mena Uchitelya iz Ushchel'ya navei o nebesnoi serdtsevine. Pervaya chast' // Izuchenie drevnei klassiki [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: https://www.shidianguji.com/ens/book/DZ0867?page_from=searching_page&version=2).
18. Torchinov E. A. Daosizm: opyt istoriko-religiovedcheskogo opisaniya. Sankt-Peterburg: Andreev i synov'ya, 1993.
19. Santangelo P. Zibuyu, "What The Master Would Not Discuss", according to Yuan Mei (1716-1798): A Collection of Supernatural Stories (2 vols). Leiden, The Netherlands: Brill, 2013.

20. 宮田登. 妖怪の民俗学: 日本の見えない空間. 東京: 岩波書店, 1990 (= Noboru, Miyata. Ekai v fol'klore: nevidimye prostranstva Yaponii. Tokio: Izdatel'stvo Ivanami, 1990).

21. Alimov I. A. Zapisi o sokrovennykh chudesakh. Kratkaya istoriya kitaiskoi prozy syaoshu VII–X vv. Sankt-Peterburg: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2017.

22. 王仁裕. 开元天宝遗事 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Van Zhen'yui. Zabytye istorii vremen Kaiyuan'i Tyan'bao // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=890951&remap=gb>).

23. 王嘉. 拾遺記 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Van Tszya. Zapisi o zabytykh istoriyakh // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=917450>).

24. 陶弘景. 本草经集注 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Tao Khuntszin. Primechaniya razlichnykh kommentatorov k farmakopee [Shen'nuna] // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=987826&remap=gb>).

25. 王丕琢. 民间虎形器物常被用来避邪 手工布老虎广为流传 // China Folklore Network [互联网]. 2012 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Van Tszya. Zapisi o zabytykh istoriyakh // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=9764>).

26. Komarovskaya P. A. Kitaiskii materchatyi tigr bulaokhu: traditsii i sovremennost' // Velikii smysl vrat v Sokrovennoe: Religii, filosofiya i kul'tura Kitaya. K 60-letiyu S. V. Filonova: v 2 t. Moskva: IV RAN, 2022. T. 2. Daosizm, islam, traditsionnaya kul'tura. S. 383–392.

27. 欧阳修. 新唐书 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Ou Yansyui. Novaya istoriya dinastii Tan // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=182378&remap=gb>).

28. Lobanova A. Ya. Sravnitel'nyi analiz sna i snovidenii v daosizme i tibetskom buddizme // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 65-i godovshchine nachala izucheniya yazykov Yugo-Vostochnoi Azii v nashei strane. Sbornik materialov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo AIK, 2020. S. 194–207.

29. 邵雍. 梦林玄解 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Shao Yun. Tainoe tolkovanie sobraniya snov // Chinese Text

Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=333519&remap=gb>).

30. Ge Khun. Baopu-tszy / per. s kit., komment., predisl. E. A. Torchinova. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999.

31. Vance B. E. Textualizing dreams in a late Ming dream encyclopedia: dis. ... Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton University, 2012.

32. 秘藏通玄变化六阴洞微遁甲真经 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Mitsan tunsyuan' byan'khua lyu in'dun vei dun'tszya chzhen'tszin // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=727581&remap=gb>).

33. 神仙傳 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Zhizneopisaniya svyatykh i bessmertnykh // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/shen-xian-zhuan/zh>).

34. Illyustrirovanniy gadatel'nyi «I Tszin» / per. s drevnekitaiskogo., sost., prim., Guan' Syutsaya. Moskva: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001.

35. 高濂. 遵生八笺 // 中国哲学书电子化计划 [互联网]. 2024 年 [引用日期: 2024 年 12 月 12 日] (= Gao Lyan'. Vosem' tolkovanii soblyudeniya zhizni // Chinese Text Project [Internet]. 2024 [protsitirovano 12 dekabrya 2024 g.]. Dostupno po: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=277199>).

PEDAGOGICAL SCIENCE AND EDUCATION
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

UDC 74.03

Liu Tingting,
Beijing Normal University
(China)

202221010063@mail.bnu.edu.cn

Xiao Su,
PhD, Professor;
Beijing Normal University
(China)

xiao_susu@sina.com

**THE SPIRITUAL WORLD OF VASILY SUKHOMLINSKY:
ORIGINS AND ESSENCE**

The pedagogical legacy of Vasily A. Sukhomlinsky is becoming more and more important for the world's scientific and pedagogical community every year. After analyzing Sukhomlinsky's pedagogical ideas, the authors of the article characterized his special pedagogical spirit, the uniqueness of which lies in his vivid practical character, deep reflexivity, high morality, and love for children. Native landscapes, harmonious family life, school culture, and social situation influenced the individual spiritual growth of the teacher. Thanks to his theoretical reflections and practical research, Vasily Sukhomlinsky serves as an excellent example for millions of teachers in China.

Keywords: Vasily Sukhomlinsky; pedagogical ideas of Vasily Sukhomlinsky; the spirit of the teacher; the People's Republic of China; the system of teaching staff training; professional development.

Лю Тинтин,
Пекинский педагогический университет
(Китай)

202221010063@mail.bnu.edu.cn

Сяо Су,
кандидат педагогических наук, профессор;
Пекинский педагогический университет
(Китай)

xiao_susu@sina.com

ДУХОВНЫЙ МИР ВАСИЛИЯ СУХОМЛИНСКОГО: ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ

Педагогическое наследие Василия Александровича Сухомлинского с каждым годом приобретает всё большее значение для мировой научной и педагогической общественности. Проанализировав педагогические идеи Сухомлинского, авторы статьи дали характеристику его особому педагогическому духу, уникальность которого заключается в ярком практическом характере, глубокой рефлексивности, высокой моральности и любви к детям. Родные пейзажи, гармоничный семейный уклад, школьная культура и социальная ситуация оказали влияние на индивидуальный духовный рост педагога. Благодаря своим теоретическим размышлениям и практическим исследованиям Василий Сухомлинский служит прекрасным примером для миллионов учителей в Китае.

Ключевые слова: Василий Сухомлинский; педагогические идеи Василия Сухомлинского; дух педагога; Китайская Народная Республика; система подготовки преподавательских кадров; профессиональное развитие.

26 августа 2024 года Государственный Совет КНР опубликовал постановление «Мнения о продолжении Духа великих педагогов и воспитании высококвалифицированных и профессиональных преподавательских кадров в новую эпоху», в котором на новый, более высокий уровень поднимается историческое значение и задача развития системы подготовки преподавательских кадров в Китае. В «Мнениях...» подчеркивается, что для усиления государства следует в первую очередь укрепить образование, а укрепление образования невозможно без подготовки высококвалифицированных, моральных, сильных духом учителей. В данном документе подчеркивается, что необходимым условием подготовки высококвалифицированных и профессиональных преподавательских кадров в новую эпоху является особое внимание к воспитанию духа педагога. «Мнения...» очертили ряд мер, благодаря которым к 2035 году «особый дух педагога» станет неотъемлемой частью самосознания большинства учителей, сделает преподавание одной из самых уважаемых и завидных профессий в обществе, создаст благоприятные условия для воспитания новых поколений талантливых и преданных делу учителей. В настоящее время в Китае подготовка учителей возведена в ранг национальной стратегии.

В мировом педагогическом наследии, накопленном за долгие годы, есть примеры прекрасных профессиональных характеристик успешных педагогов, почетное место среди которых занимает известный советский педагог Василий Александрович Сухомлинский. Поэтому мы решили еще раз проанализировать суть его педагогических идей, их дух. Для нас представляется важным вычленить те из них, которые могут стать объектом изучения для китайских педагогов, источником для подражания.

В. А. Сухомлинский отдал всю жизнь образовательному делу и непрестанно стремился к обогащению практического педагогического опыта. В качестве практика-педагога он занимает почетное место среди знаменитых образовательных деятелей в мировой истории. Его педагогические идеи простираются за географические и временные границы и тесно связаны с повседневным опытом учителей, непосредственно участвующих в обучении. Таким образом, процесс формирования педагогического духа Сухомлинского является ценным для современных китайских учителей.

В последние десятилетия китайские ученые (Ян Цзяньчэао, Цзинь Шэнхун, У Ган, Цзинь Шэнхун, Дуань Яньян, Ян Дэгуан, Фань Сяосюй, Дуань Яньян и другие) уделяют особое внимание изучению духа известных педагогов прошлого и современности. Существующие исследования делятся на две группы. В первой анализируются сущностные качества духовности педагога: Ян Цзяньчэао («Анализ духовных качеств педагогов, управляющих школам», 2011), Цзинь Шэнхун («Призвание к образованию: духовная сущность педагогов», 2011), У Ган («Педагоги и педагогический дух», 2019). Во второй группе исследований на примере деятельности педагога в области образования анализируются духовные качества педагога и факторы, влияющие на их формирование: Дуань Яньян («История индивидуального развития народного учителя Ю И», 2021), Ян Дэгуан («Духовный мир столетнего педагога Пань Маоянь», 2020), Фань Сяосюй («Развитие педагога на примере Ли Цзилина», 2020).

Образовательные идеи В. А. Сухомлинского анализируются и изучаются китайскими исследователями довольно широко. Однако формирование духовного мира педагога до сих пор мало изучено и требует, по нашему мнению, более пристального внимания исследователей.

Используя произведения В. А. Сухомлинского и его биографию, мы попытались исследовать особенности его педагогического духа, выделить ключевые элементы и проанализировать процесс формирования духовного роста великого педагога. Целью нашего исследования мы видим предоставление полезных рекомендаций для личного профессионального роста современных китайских учителей.

Любовь и уважение к ребенку, гуманистическая направленность творчества и практической деятельности, практическая рефлексия и креативность Василия Сухомлинского отражают отличительные особенности его образовательного духа. Уделяя внимание конкретному человеку, Сухомлинский выражает уверенность, что человек является «мерой всех вещей» [1, с. 472]. Опираясь на идеи великих философов и педагогов, Сухомлинский сделал вывод, что педагогика – это наука о человеке. Великий педагог твердо убежден, что «чуткость и мягкость – та духовная сила, которая способна уберечь детское сердце от огрубения,

озлобления, жестокости и равнодушия» [2, с. 350], что педагог должен «проникнуть в духовный мир ребенка, понять, почувствовать в каждом из воспитанников личное, индивидуальное» [3, с. 35]. Знаменем гуманитарной педагогики В. А. Сухомлинского являются любовь к детям, уважение к ним.

Практический и исследовательский характер являются яркой чертой духа Василия Сухомлинского – педагога-практика, который постепенно развивался, решая разнообразные и сложные педагогические проблемы, непрерывно исследуя и наблюдая ситуации, возникающие в реальной образовательной деятельности. Взяв за образец труды и деятельность Антона Семеновича Макаренко, В. А. Сухомлинский старался избегать в своих работах абстрактных несбыточных теорий образования, предпочитая суммировать практический опыт. Сухомлинский отмечал, что теория образования всегда отстает от практики. Не находя в учебниках и теоретических работах ответов на реальные вопросы образования, он начинал исследовать и искать решения.

Критическое мышление и пытливый ум являлись теми ключевыми качествами, которые позволили Василию Сухомлинскому вырасти в одного из ведущих педагогов не только Советского Союза, но и всего мира. Критический дух и значимость рефлексии Сухомлинского проявились прежде всего в критике авторитетных педагогических теорий.

Еще в 1920-е годы, когда педология стала популярной в сфере образования, Сухомлинский, еще не имевший практического опыта работы и впитывавший педагогические теории, сумел сохранить ясную голову и острую интуицию против такого рода педагогической теории, навешивающей ярлыки на детей на основании только экспериментов. После того, как данные исследования стали подвергаться ожесточенной критике со стороны официальных лиц, педагог не поддерживал огульное отрицание педологии. Кроме того, В. А. Сухомлинский, считавший А. С. Макаренко своим идейным наставником, также не полностью принимал его точку зрения и вносил поправки в некоторые односторонние взгляды своего предшественника. По отношению к различным педагогическим теориям В. А. Сухомлинский всегда сохранял взвешенность рефлексии. Таким образом, возникновение уникальной педагогики Сухомлинского обусловлено его критическим педагогическим духом.

Такие особенности, как твердое гуманистическое убеждение, яркий практический характер и рефлексивность Сухомлинского берут свое начало в личностных качествах педагога. Родина, семья, школа и социальная ситуация оказывали влияние на формирование духа великого педагога.

Глубокий интерес к природе у Сухомлинского сформировался в его родном крае. Педагог родился и вырос в Васильевке – селе Онуфриевского района Кировоградской области Украины, расположенном в низменности реки Днепра.

Выросший в окружении природных пейзажей, Сухомлинский учил детей, что «человек выделился из мира животных и стал одаренным существом не только потому, что сделал своими руками первое орудие труда, но и потому, что увидел глубину синего неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней и утренней зари... увидел и изумился, и начал создавать новую красоту» [4, с. 388]. Во взглядах на природу педагога заложено понимание наиболее существенных ценностей и задач человека. Чувствование и понимание красоты природы В. А. Сухомлинский рассматривает как «важнейшую предпосылку многогранной активной деятельности, возвышающей, облагораживающей человека» [3, с. 520].

Педагог утверждал, что «наиболее благоприятные условия для полноценных человеческих отношений складываются там, где ребенок общается с людьми двух поколений» [5, с. 547]. Тонкая чувствительность В. А. Сухомлинского, проявляемая в его педагогической практике, несет в себе черты семейного воспитания, влияние родителей, бабушек, дедушек.

Мать Сухомлинского, Оксана Авдеевна, была домохозяйкой с типичными для украинской деревенской женщины чертами характера – добротой, трудолюбием и умом. Бабушка педагога была заботливой и чуткой. Под ласковой опекой матери и бабушки у Сухомлинского сформировались пронизательный ум и чуткое сердце. Получая любовь от родных и близких, он научился любить других.

Выросшие на бескрайних равнинах, переживая военные невзгоды, из поколения в поколение его односельчане проникались трудолюбием и бесстрашием. Отец оказал на молодого Василия сильное влияние своей честностью, скромностью и трудолюбием. В зрелом возрасте педагог проявлял огромный интерес к сельскому труду, глубоко постиг все премудрости сельской жизни. Он с детства понимал важность соответствия природе и тщательной обработки поля. Эта убежденность позднее была перенесена на его педагогическую практику. Дедушка привил Василию любовь и привычку к чтению. Книги, оставшиеся после смерти деда, также стали духовной пищей для будущего педагога, мерилom доброты и честности.

Школы, в которых учился Сухомлинский, питали его чувствительность, жертвенность и критическое мышление. В детстве Сухомлинский учился в семилетней школе в своем родном селе, где он познакомился с нежной и талантливой учительницей литературы Анной Самойловной. Там же он встретил директора школы Ивана Савича, который преподавал биологию. Оба учителя были мастерами в том, чтобы вести детей к чувствованию и мышлению на уроках, которые проводились на природе, устанавливая связь между природой и обществом, что сформировало представление об образе учителя у самого В. А. Сухомлинского.

Обучение в Кременчугском педагогическом училище и Полтавском педагогическом институте стало ключевым периодом развития педагогического духа Сухомлинского. В Кременчугском педагогическом училище он познакомился со своим наставником – Григорием, который умел сочетать педагогические принципы с практикой и часто приглашал Сухомлинского к себе домой. Прагматический, рефлексивный дух Сухомлинского, его забота о нравственном развитии детей были тесно связаны с педагогическими мыслями именно этого преподавателя.

Полтавский педагогический институт поощрял студентов вести дискуссии по конкретным вопросам образования. Педагогика там была «не засушенными выводами, а живым, ярким рассказом знания и чувства, искусством воспитания и развития человека» [3, с. 223].

Гуманистический дух В. А. Сухомлинского обрел новое качество в годы Великой Отечественной войны. Испытав войну на себе, Сухомлинский увидел переплетение добра и зла в человеческой природе, что привело к зрелости его гуманистических идей. Василий Александрович глубоко запомнил страдания войны, однако он не попал в плен личной ненависти. Как педагог, Сухомлинский начал размышлять о том, как использовать образование для прекращения зла, превратить свою ненависть к фашизму в любовь к детям, заботу о судьбе всего человечества и борьбу против угнетения.

Оглядываясь на процесс духовного роста В. А. Сухомлинского, можно сделать вывод, что именно прекрасные и величественные пейзажи родины, теплая и гармоничная семья, творческая и рациональная культура учебных заведений, в которых он учился, испытания военных лет сформировали дух великого педагога. В. А. Сухомлинский изучал различные педагогические идеи, критически усваивал идеи предшественников и использовал их для руководства собственной деятельностью.

В последующие годы великий педагог переосмыслил идеи предшественников, личный практический опыт и развил педагогические идеи о гармоничном развитии человека. Современные учителя, основываясь на опыте личного развития В. А. Сухомлинского, могут развивать свою профессиональную карьеру.

Педагогическая мысль В. А. Сухомлинского и его дух педагога оказали большое влияние на китайских учителей. Несмотря на то, что со дня его смерти прошло уже полвека, его педагогическая мысль и дух неизменно пользуются уважением, изучаются и применяются на практике китайскими учителями. В разные времена актуальны разные цели и задачи школьного образования, но глубина гуманистической природы и величие харизматической личности В. А. Сухомлинского позволили его духу педагога и педагогической системе

всестороннего и гармоничного воспитания выдержать испытание временем, преодолеть границы, завоевать сердца многих поколений.

Список использованных источников

1. Сухомлинский В. А. Духовная культура, нравственность и атеизм // Избранные произведения [Текст]: В 5-ти т. / [Редкол.: А. Г. Дзеверин (пред.) и др.; Вступ. статья А. Дзеверина, с. 7–56]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 3.
2. Сухомлинский В. А. Не бойтесь быть ласковыми // Избранные произведения [Текст]: В 5-ти т. / [Редкол.: А. Г. Дзеверин (пред.) и др.; Вступ. статья А. Дзеверина, с. 7–56]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 5.
3. Сухомлинский В. А. О некоторых сторонах воспитания советского патриотизма // Избранные произведения [Текст]: В 5-ти т. / [Редкол.: А. Г. Дзеверин (пред.) и др.; Вступ. статья А. Дзеверина, с. 7–56]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 4.
4. Сухомлинский В. А. Урок и знания // Избранные произведения [Текст]: В 5-ти т. / [Редкол.: А. Г. Дзеверин (пред.) и др.; Вступ. статья А. Дзеверина, с. 7–56]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 4.
5. Сухомлинский В. А. Школа живет ленинскими делами // Избранные произведения [Текст]: В 5-ти т. / [Редкол.: А. Г. Дзеверин (пред.) и др.; Вступ. статья А. Дзеверина, с. 7–56]. – Киев: Рад. школа, 1979–1980. – Т. 4.

References

1. Sukhomlinskii V. A. Dukhovnaya kul'tura, нравstvennost' i ateizm // Izbrannye proizvedeniya [Tekst]: V 5-ti t. / [Redkol.: A. G. Dzeverin (pred.) i dr.; Vstup. stat'ya A. Dzeverina, s. 7–56]. – Kiev: Rad. shkola, 1979–1980. – T. 3.
2. Sukhomlinskii V.A. Ne boites' byt' laskovymi // Izbrannye proizvedeniya [Tekst]: V 5-ti t. / [Redkol.: A. G. Dzeverin (pred.) i dr.; Vstup. stat'ya A. Dzeverina, s. 7–56]. – Kiev: Rad. shkola, 1979–1980. – T. 5.
3. Sukhomlinskii V. A. O nekotorykh storonakh vospitaniya sovetskogo patriotizma // Izbrannye proizvedeniya [Tekst]: V 5-ti t. / [Redkol.: A. G. Dzeverin (pred.) i dr.; Vstup. stat'ya A. Dzeverina, s. 7–56]. – Kiev: Rad. shkola, 1979–1980. – T. 4.
4. Sukhomlinskii V. A. Urok i znaniya // Izbrannye proizvedeniya [Tekst]: V 5-ti t. / [Redkol.: A. G. Dzeverin (pred.) i dr.; Vstup. stat'ya A. Dzeverina, s. 7–56]. – Kiev: Rad. shkola, 1979–1980. – T. 4.
5. Sukhomlinskii V. A. Shkola zhivet leninskimi delami // Izbrannye proizvedeniya [Tekst]: V 5-ti t. / [Redkol.: A. G. Dzeverin (pred.) i dr.; Vstup. stat'ya A. Dzeverina, s. 7–56]. – Kiev: Rad. shkola, 1979–1980. – T. 4.

UDC 371.1-8; 37.01-08

Iryna Shauliakova-Barzenka,
PhD, Associate Professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(China)
shauliakova@yandex.by

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR IMPROVING THE SCHOOL EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE DIRECTION OF ECOLOGIZATION

An effective strategy for developing the national education system involves, among other things, improving the educational environment of general secondary education in the areas of environmental friendliness, convergence, and immersiveness to ensure its full functionality, and actualization of innovative opportunities and potential as an ecosystem environment. The objects of improvement are the components (spatial-subject, substantive-methodological, socio-communicative, information technology, organizational, and managerial) of the environment, the purpose of which is the formation/development of parameters that ensure the innovativeness of the environment; development mechanisms act as complex tools, the possibility and effectiveness of which is ensured by appropriate organizational and pedagogical conditions.

Keywords: general secondary education; educational environment; parameters of the educational environment; environmental friendliness; components of the educational environment; organizational and pedagogical conditions for the development of the educational environment; mechanisms for the development of the educational environment.

Ирина Шевлякова-Борзенко,
кандидат филологических наук, доцент;
Мультикультурный исследовательский центр
Университета Хучжоу
(Китай)
shauliakova@yandex.by

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В НАПРАВЛЕНИИ ЭКОЛОГИЧНОСТИ

Эффективная стратегия развития национальной системы образования предполагает, в числе прочего, совершенствование образовательной среды общего среднего образования в направлениях экологичности, конвергентности и иммерсивности для обеспечения ее

полнофункциональности, актуализации инновационных возможностей и потенциала как среды-экосистемы. Объектами совершенствования являются компоненты (пространственно-предметный, содержательно-методический, социально-коммуникативный, информационно-технологический, организационно-управленческий) среды, целью – формирование / развитие параметров, обеспечивающих инновационность среды; в качестве комплексных инструментов выступают механизмы развития, возможность и эффективность реализации которых обеспечивается соответствующими организационно-педагогическими условиями.

Ключевые слова: общее среднее образование; образовательная среда; параметры образовательной среды; экологичность; компоненты образовательной среды; организационно-педагогические условия развития образовательной среды; механизмы развития образовательной среды.

Школьная образовательная среда современный междисциплинарный дискурс интересует с точки зрения перспектив ее опережающего развития. К середине 2020-х годов в лучших своих версиях он представляет собой многофункциональную образовательную среду-экосистему, насыщенную высокоинновационными технологиями, способную к саморазвитию на основе сочетания процессов самоорганизации, внешних воздействий и взаимодействий (см., например, [1, с. 37–64]). Одной из наиболее эффективных, на наш взгляд, модельных реализаций образовательной среды инновационного типа является интеллектуальная обучающая среда-экосистема конвергентного типа (ИОСЭК) – сложно структурированная полифункциональная образовательная система, которая создается совокупностью условий, материальных и нематериальных компонентов, социальных отношений [подробнее см.: 2; 3] и обеспечивается в плане инновационных возможностей и потенциала свойствами экологичности, конвергентности, иммерсивности. Образовательная среда-экосистема ориентирована на развитие комплекса потенциалов личности, включая гносеологический, аксиологический, социально-коммуникативный, художественно-эстетический, творческий, инновационный.

Совершенствование образовательной среды общего среднего образования как инновационной среды-экосистемы нацелено на развитие свойств экологичности, конвергентности, иммерсивности, которые обеспечивают ее устойчивое функционирование и развитие в оптике опережающего образования.

Указанные свойства выражаются в комплексе *параметров*, в обязательный набор которых мы включаем: инклюзивность, безопасность, природосообразность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность, социальную активность, структурированность, когерентность (согласованность), интенсивность, устойчивость, мобильность, поливалентность. Комбинации (сочетание) и качество названных параметров определяют актуальные возможности и потенциал образовательной среды-

экосистемы, которая как динамичная целостность создается взаимодействием ее пространственно-предметного, содержательно-методического, информационно-технологического, социально-коммуникативного и организационно-управленческого *компонентов*.

В ходе многолетних исследований образовательной среды общего среднего образования нами были определены в качестве наиболее перспективных *направлений* ее развития направления экологичности, конвергентности и иммерсивности (подробнее см. [1, с. 106–146]). Для каждого из направлений были предложены *механизмы* совершенствования образовательной среды, комплекс которых включает механизмы двух типов: механизмы оптимизации и механизмы развития. Последние мы понимаем как как структурированную и алгоритмизированную совокупность процедур, средств, способов, обеспечивающую качественные трансформации этой среды для достижения целей опережающего образования. В функциональном аспекте мы выделяем механизмы развития среды в направлениях экологичности, конвергентности, иммерсивности; в содержательном аспекте – механизмы развития научно- и учебно-методического, нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого, материально-технического обеспечения. Предложенные механизмы развития образовательной среды общего среднего образования предполагают комплексное обновление научно- и учебно-методического обеспечения функционирования и развития среды как образовательной экосистемы конвергентного типа; разработку правовых основ и комплекса нормативных документов, регулирующих развитие и способствующих саморегулированию среды инновационного типа; диверсификацию моделей управления образовательной средой-экосистемой; развитие кадрового потенциала, включая совершенствование системы профессионального (само)развития и мотивирования педагогов, привлечение новых участников образовательной коммуникации; мониторинг состояния и оценку качества функционирования и развития среды-экосистемы и др. То есть эффективная стратегия развития национальной системы образования предполагает, в числе прочего, совершенствование образовательной среды общего среднего образования в направлениях экологичности, конвергентности и иммерсивности для обеспечения ее полнофункциональности, актуализации инновационных возможностей и потенциала как среды-экосистемы. Объектами совершенствования являются компоненты среды, целью – формирование / развитие параметров, обеспечивающих инновационность среды; в качестве комплексных инструментов выступают механизмы развития, возможность и эффективность реализации которых обеспечивается соответствующими *организационно-педагогическими условиями*.

Многие исследователи (Ю. В. Бабанский, В. И. Андреев, А. Я. Найн, Н. М. Яковлева), предлагая собственные трактовки и классификации педагогических условий, так или иначе фиксируют влияние, *воздействие* условий на объект(ы) [4, с. 9–10]. Не менее часто в исследованиях фигурируют содержащиеся в условиях *возможности* для достижения тех или иных образовательных целей (решения задач) (Е. И. Козырева, В. А. Беликов, С. Н. Павлов, Г. П. Жилин [4, с. 11; 5, с. 31]. Н. В. Ипполитова и Н. С. Стрехова, изучив различные определения понятия «организационно-педагогические условия», относят концепты «воздействия» и возможностей» к характерологическим признакам рассматриваемого понятия [4, с. 11–12]. Еще один важный, на наш взгляд, момент обнаруживают в контексте определения сути организационных условий А. А. Володин и Н. Г. Бондаренко: рассматривая названные условия как «существенный компонент комплекса объектов, явлений или процессов, от которых зависят другие, обуславливаемые феномены (объекты, явления или процессы)», исследователи отмечают его (компонента) влияние «на направленное и упорядоченное формирование среды, в которой протекает феномен» [6]. То есть важно принимать во внимание *направленный*, намеренный характер условий совершенствования среды, если они определяются как организационно-педагогические.

Мы рассматриваем *организационно-педагогические условия совершенствования образовательной среды общего среднего образования* как целенаправленно сконструированную совокупность мер организационного и педагогического воздействия, направленных на максимально полное раскрытие возможностей компонентов-подсистем (пространственно-предметного, содержательно-методического, информационно-технологического, социально-коммуникативного, организационно-управленческого компонентов) для воспитания жизнестойкой личности, развития всего комплекса ее потенциалов. В целом мы полагаем целесообразным выделять три группы организационно-педагогических условий совершенствования образовательной среды общего среднего образования, в соответствии с выделенными ранее направлениями развития среды-экосистемы и соответствующими функциональными механизмами ее совершенствования. Речь идет об организационно-педагогических условиях совершенствования образовательной среды общего образования в направлении экологичности, в направлении конвергентности и в направлении иммерсивности. Однако в рамках данной статьи мы сфокусируем внимание на организационно-педагогических условиях первой группы.

С конца XX века экологизация выделяется в один из наиболее важных ориентиров, направлений и каналов развития современного образования. В качестве же *свойства* образовательной среды инновационного типа

экологичность реализует в конкретных параметрах среды-экосистемы идею соразмерности человека и окружающего его мира, взаимодействующих на принципах взаимосбережения. Именно экологичность наделяет образовательную среду аксиологическим смыслом и особой (экологосообразной) эстетичностью, обеспечивает ее природо- и культуросообразность, адекватность контексту реальной жизнедеятельности, здоровьесберегающий характер и компенсаторность [подробнее см.: 7]. Наряду с этим развитие образовательной среды в направлении экологичности означает: обретение средой-экосистемой инклюзивности, понимаемой нами в широком смысле – как гарантирующей равные возможности для обучения, воспитания и развития всех субъектов образования, вне зависимости от каких бы то ни было различий; качественные (содержательно-функциональные) приращения параметров персонализированности и адаптивности среды; широкий спектр условий и возможностей формирования индивидуальных и коллективных идентичностей для жизни в ориентированном на инноватику обществе.

Свойство экологичности раскрывается в совокупности параметров (измеримых качеств); на их формирование и устойчивое развитие, как уже упоминалось выше, и нацелено совершенствование современной образовательной среды. К базовым параметрам, обеспечивающим экологичность среды общего среднего образования, мы относим: инклюзивность, безопасность, природосообразность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность, социальную активность. В разных компонентах среды они формируются и развиваются при наличии определенных организационно-педагогических условий.

Организационно-педагогические условия развития пространственно-предметного компонента в направлении экологичности призваны обеспечить соответствие этого компонента (подсистемы среды) параметрам инклюзивности, безопасности, природосообразности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности. Это достигается в ходе реализации механизмов развития научно- и учебно-методического, нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого и материально-технического обеспечения.

Реализация указанных механизмов предполагает следующие организационно-педагогические условия:

1. Обеспечение безбарьерности физического компонента среды (параметр инклюзивности).

1.1. Разработка структурно-функциональной модели, научно-методических рекомендаций, а также нормативных документов (регламентов), определяющих понятие, характеристики, алгоритм создания и условия поддержания

безбарьерной образовательной среды для учреждений общего среднего образования.

1.2. Модернизация действующей / построение новой среды в соответствии с научно-методическими рекомендациями и кодифицированными (нормативно закреплёнными) представлениями о безбарьерной образовательной среде.

1.3. Разработка информационно-логистической навигационной инфраструктуры, позволяющей субъектам среды максимально эффективно использовать возможности безбарьерной среды конкретного учреждения образования.

1.4. Мониторинг (на постоянной основе) состояния физического компонента среды в аспекте безбарьерности, включая обратную связь с субъектами образовательного взаимодействия (изучение удовлетворённости состоянием среды).

2. Обеспечение эргономичности и безопасности физического компонента среды (параметры безопасности, природосообразности, адаптивности).

2.1. Приведение физических характеристик образовательной среды (освещённость, качество воздуха, температура, достаточность площадей, проветриваемость помещений, эргономичность цветовой насыщенности и др.) в соответствие с современными эргономическими, медицинскими, санитарно-гигиеническими, здоровьесберегающими требованиями.

2.2. Когерентность образовательной среды школы окружающей среде (вписанность в окружение, природный ландшафт, использование его возможностей как дополнительных ресурсов).

2.3. Обновление предметной составляющей (включая мебель, оборудование, оснащение, технику и т. п.):

- в соответствии со стандартами безопасности и рекомендациями эргономики;

- с учетом комбинаторности (здесь – техническими (физическими) возможностями трансформироваться, оперативно перемещаться, передвигаться, совмещаться в разных образовательных ситуациях).

2.4. Повышение осведомленности кадров (педагогических, методических, управленческих) о требованиях и специфике обеспечения безопасности в контексте образовательной среды инновационного типа (проведение обучающих, информационных мероприятий, тренингов, оценка готовности кадров к обеспечению безопасности и др.).

2.5. Разработка информационной инфраструктуры безопасности среды (оснащение среды элементами, материалами, компонентами информативно-ориентировочного, инструктивного, рекомендательного типа).

2.6. Мониторинг (на постоянной основе) физических характеристик среды с точки зрения безопасности (нетравматичности, здоровьесбережения, эргономичности и т. д.).

3. Структурирование (зонирование) пространственно-предметного компонента (включая здания, помещения, пространства, территории и др.) (параметры безопасности, адаптивности, персонализированности).

3.1. Выделение (разграничение) пространств внутри среды учреждения образования для младшей (начальной) школы и учащихся второй и третьей ступеней.

3.2. Выделение функциональных зон для: организации образовательной деятельности различной функциональной направленности – обучающей, воспитательной, развивающей; групповых, коллективных, индивидуальных видов деятельности; реализации обучающимися широкого спектра возможностей самообразования, саморазвития, самореализации; разных форматов обучения (традиционного, дистанционного, смешанного); разных моделей обучения (классно-урочного, проектно-исследовательского, экспериментально-конструкторского и др.); развития творческого и инновационного потенциалов субъектов среды (зоны для занятий разными видами творчества – художественного, технического, социального).

3.3. Обеспечение возможности оперативно реорганизовывать (переструктурировать, зонировать) пространственный компонент силами непосредственных участников образовательного процесса (педагогов, учащихся) для решения конкретных задач.

4. Расширение пространственно-предметного компонента среды учреждения образования для развития личностных потенциалов обучающихся (параметры инклюзивности, адаптивности, персонализированности, культуросообразности).

4.1. Создание нормативной основы для использования ресурсов (помещений, территорий, оборудования и др.) социокультурного образовательного пространства в рамках социокультурного сетевого взаимодействия, инновационного партнерства.

4.2. Совместное планирование активностей и мероприятий, связанных с использованием внешних пространственно-предметных ресурсов, как системной деятельности, рассчитанной на долгосрочный эффект.

5. Насыщение пространственно-предметного компонента эстетическим и аксиологическим содержанием (параметры инклюзивности, культуросообразности, природосообразности, адаптивности, персонализированности).

5.1. Обновление эстетического воплощения физической среды в сотрудничестве дизайнеров, заказчиков (представителей учреждения образования) и потребителей (обучающихся) образовательных услуг, партнеров по социокультурному взаимодействию: проведение консультаций, совещаний, круглых столов, онлайн-обсуждений на стадиях проектирования, планирования и непосредственно в ходе совершенствования, обратная связь по его результатам.

5.2. Представленность в пространственно-предметном компоненте: общенациональных ценностей и базовых компонентов гражданской, нравственной, художественно-эстетической культуры; историко-культурных традиций и специфики социокультурного окружения (региональный, локальный контексты); особенностей культурного многообразия субъектов образовательной среды конкретного учреждения образования.

5.3. Представленность в пространственно-предметном компоненте результатов творческой самореализации субъектов образовательной среды: выставки, открытые творческие мастерские, виртуальные музеи и обзорные площадки и др.

Организационно-педагогические условия развития содержательно-методического компонента в направлении экологичности нацелены на совершенствование содержания образования и его методической реализации в соответствии с параметрами инклюзивности, безопасности, природосообразности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности. Это достигается в ходе реализации механизмов развития научно- и учебно-методического, нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого обеспечения при создании таких условий, как:

1. Разработка, обсуждение и принятие в качестве конвенциональной основы совместных действий в образовательном сообществе концептуального видения инклюзивности образовательной среды (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности). В результате должны быть созданы: концепция инклюзивной образовательной среды (с отражением специфики инклюзивности среды общего среднего образования, среды учреждения образования); структурно-функциональная модель образовательной среды-экосистемы инклюзивного типа (для учреждения образования); научно-методические рекомендации по созданию и обеспечению устойчивого функционирования инклюзивной образовательной среды-экосистемы (с разделами для проектировщиков / разработчиков, специалистов органов управления образованием, администрации учреждения образования, педагогов, методистов).

2. Нормативное правовое закрепление ориентированности общего среднего образования на формирование и устойчивое развитие инклюзивной образовательной среды (параметры инклюзивности, безопасности, культуросообразности). Речь идет об обновлении действующей в конкретной образовательной системе нормативной правовой базы в соответствии с расширением понимания инклюзивности образовательной среды как среды, предоставляющей равные возможности для развития личностных потенциалов всех обучающихся, вне зависимости от этнических, социальных, гендерных, психофизических различий.

3. Формирование / развитие инклюзивной культуры активного типа у всех субъектов образовательной среды-экосистемы (параметры инклюзивности, адаптивности, персонализированности, социальной активности).

3.1. Проведение на постоянной основе информационных, просветительских, тренинговых мероприятий для разных целевых групп (педагогов, методистов, административных работников, обучающихся, родительской общественности, партнеров по социокультурному взаимодействию и др.), нацеленных на формирование компетенций и личностных качеств, необходимых для взаимодействия в контексте *включающего образовательного сообщества*.

3.2. Определение, обсуждение и принятие в конкретном образовательном сообществе принципов «инклюзивной политики» управления учреждением образования.

3.3. Организация и поддержание функционирования коммуникативных площадок (офлайн и онлайн) для обсуждения проблем, планов, перспектив развития среды учреждения как *включающей образовательной экосистемы*.

4. Разработка научно-методического обеспечения для формирования у обучающихся коллективной идентичности инновационного типа (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности).

4.1. Концептуально-теоретическое обоснование сути и специфики формирования индивидуальных и коллективных идентичностей обучающихся в современной образовательной среде-экосистеме.

4.2. Создание структурно-функциональной модели, методик, технологий, диагностических материалов, научно-методических рекомендаций для формирования у обучающихся коллективной идентичности инновационного типа.

4.3. Разработка и оперативное внедрение в образовательную практику учебных материалов, пособий, высокотехнологичных ресурсов, сервисов, других компонентов обеспечения для формирования и развития коллективной идентичности инновационного типа.

5. Экологосообразное обновление содержания обучения и воспитания (концепций, образовательных стандартов, учебных программ), учебного обеспечения (параметры инклюзивности, безопасности, природосообразности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности).

Речь идет о последовательной реализации идей и ценностей:

– экологичной сообразности жизнедеятельности современного человека (соразмерности человека и окружающего мира, необходимости осознавать взаимосвязанность человека и природы, их взаимообусловленность, взаимозависимость, ответственности за окружающий мир);

– многообразия (культурного, этнического, мировоззренческого, конфессионального и т. п.) как источника возможностей для развития и самореализации каждого человека во имя общего блага;

– человекомерности современного образования, нацеленного на обеспечение равных возможностей для всех получать образование, развивать личностные потенциалы вне зависимости от гендерных, социальных, этнокультурных, психофизиологических различий;

– понимания личных приоритетов, стремления к личному успеху (самореализации) как соотнесенных с общим (общественным, коллективным) благом, перспективами благополучия всех и каждого.

6. Обновление методического обеспечения обучения и воспитания с учетом нацеленности образовательной среды-экосистемы на развитие личностных потенциалов обучающихся (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности).

6.1. Расширение использования методов, методик, педагогических технологий компетентностного, личностно ориентированного, проективного типа.

6.2. Разработка и использование методик, технологий и рекомендаций для конструирования и реализации в условиях образовательной среды-экосистемы индивидуальных образовательных траекторий (траекторий обучения, воспитания, развития, маршрутов самообразования, саморазвития и др.).

6.3. Разработка и использование методов, методик, технологий формирования в условиях образовательной среды-экосистемы: коллективной идентичности инновационного типа, навыков и компетенций образовательной и социокультурной кооперации (взаимодействия), сотрудничества, партнерства.

7. Формирование / развитие профессиональной и личной готовности педагогических кадров к реализации обновленного содержания и методического обеспечения среды-экосистемы (параметры инклюзивности,

природосообразности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности).

7.1. Обновление содержания высшего профессионального образования в аспектах отражения проблем экологизации общего среднего образования, возможностей и потенциала образовательных сред инновационного типа для реализации идей инклюзии, персонализации образования и т. д.

7.2. Обновление содержания дополнительного образования педагогических кадров – отражение (в существующих и / или новых курсах) специфики и рекомендаций по практической реализации задач: развития у обучающихся эгоцентричных (в широком смысле) ценностей, установок, качеств личности, компетенций; формирования инклюзивной культуры субъектов среды; разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий для обучающихся; формирования и развития у обучающихся культуры кооперации, компетенций сотрудничества, партнерства, социокультурной коммуникации.

7.3. Стимулирование профессионального и личностного саморазвития педагогических кадров, включая: разные формы поощрения педагогов к использованию содержательных и методических инноваций; создание условий (возможностей, пространств, ресурсов удаленного доступа) для профессиональной коммуникации, обмена опытом, обсуждения проблем и перспектив работы и др.

Организационно-педагогические условия развития социально-коммуникативного компонента в направлении экологичности ориентированы на приведение его к качественному соответствию *параметрам* инклюзивности, безопасности, культуросообразности, адаптивности, социальной активности. Это достигается в ходе реализации *механизмов развития* нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого, материально-технического обеспечения благодаря комплексу условий.

1. Нормативное правовое регулирование коллизий и проблем, неизбежно возникающих в ходе расширения направлений, форм, каналов, субъектного состава участников социокультурного сетевого взаимодействия, инновационного партнерства в образовании, в том числе – в аспекте совершенствования образовательной среды (параметры инклюзивности, безопасности, культуросообразности, адаптивности, социальной активности).

1.1. Уточнение содержания действующих нормативных правовых документов, сдерживающих эффективную практику социокультурного сетевого взаимодействия, инновационного партнерства.

1.2. Разработка нормативной правовой основы, регуляторов, рамочных документов, кодифицирующих права, полномочия, ответственность учреждения образования, связанные с развитием образовательной среды.

1.3. Разработка нормативной правовой основы для совместного использования в целях развития образовательной среды учреждения образования возможностей и ресурсов участников сетевого социокультурного взаимодействия и инновационного партнерства в образовании.

2. Обеспечение безопасности обучающихся в ситуациях расширения социально-коммуникативного компонента среды школы во внешнее социокультурное пространство (параметры инклюзивности, безопасности, адаптивности).

2.1. Мониторинг психологической безопасности обучающихся в ситуациях расширения образовательной коммуникации во внешний (по отношению к учреждению) контекст.

2.2. Обеспечение психоэмоциональной комфортности обучающихся, эффективности коммуникации в контекстах расширенного социокультурного взаимодействия – педагогическое управление коммуникацией.

3. Усиление кадрового потенциала среды благодаря вовлечению в образовательную коммуникацию внешних акторов (участников социокультурного сетевого взаимодействия, инновационного партнерства) (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности, социальной активности).

3.1. Коллегиальное определение наиболее оптимальных точек приложения (направлений, аспектов, ситуаций) возможностей и потенциала новых субъектов образовательного взаимодействия (разработчиков и поставщиков инновационных образовательных услуг, креативных агентов (посредников), тьюторов и др.). – в ходе проведения семинаров, рабочих встреч, диалоговых площадок и т. п.

3.2. Разработка планов (программ), «дорожных карт» социокультурного взаимодействия, инновационного партнерства для диверсификации (расширения) возможностей среды-экосистемы по развитию разных видов личностных потенциалов обучающихся (гносеологического, аксиологического, творческого, инновационного) с помощью внешних акторов среды.

4. Расширение охвата и эффективности действия социально-коммуникативного компонента среды за счет использования ресурсов социокультурного образовательного пространства (параметры инклюзивности, культуросообразности, персонализированности, адаптивности, социальной активности).

4.1. Диверсификация форматов и направлений коммуникации – офлайн и онлайн – с учетом возможностей и ресурсов (физических, цифровых) внешнего социокультурного пространства, региональной (локальной) социокультурной специфики.

4.2. Создание в сотрудничестве с партнерами кастомизированных контекстов (ресурсов, платформ, площадок) для развития коммуникативной культуры, реализации образовательных запросов обучающихся с учетом их индивидуально-возрастных особенностей, склонностей, запросов и интересов.

Организационно-педагогические условия развития информационно-технологического компонента в направлении экологичности ориентированы на приведение его к качественному соответствию *параметрам* инклюзивности, безопасности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности. Это достигается в ходе реализации *механизмов развития* научно- и учебно-методического, нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого, материально-технического обеспечения через создание следующих условий.

1. Разработка и внедрение научного обеспечения, локализованного (соразмерного) к реалиям, потребностям и возможностям учреждения образования (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности).

1.1. Разработка структурно-функциональных моделей и прототипов (действующих образцов) интеллектуальной обучающей среды конвергентного типа с учетом целей национальной системы образования, а также региональных и локальных социокультурных реалий.

1.2. Разработка научно-методических рекомендаций по разворачиванию высокоинновационных (иммерсивных) обучающих сред с учетом реалий и контекста функционирования конкретного учреждения образования.

2. Обеспечение безопасности субъектов среды в условиях ее нарастающей цифровизации (параметры инклюзивности, безопасности, адаптивности, персонализированности), включая: сохранность физического и психологического здоровья; информационную безопасность (предотвращение воздействия нежелательного, опасного контента); безопасность персональных данных (личной информации); безопасность коммуникации и др.

3. Обеспечение персонализированности обучения, воспитания и развития с учетом высокоинновационных возможностей среды-экосистемы, создаваемых иммерсивными технологиями, технологиями ИИ и др. (параметры инклюзивности, адаптивности, персонализированности, культуросообразности).

3.1. Реализация и поддержание вариативности, диверсифицированности, избыточности содержания и ресурсного (учебно-методического, технико-технологического) обеспечения высокоинновационной (иммерсивной) составляющей среды.

3.2. Расширение возможностей кастомизации и адаптивности образовательных траекторий за счет использования информационно-

технологических инфраструктуры, ресурсов, сервисов, услуг, инструментов внешнего социокультурного образовательного пространства.

3.3. Обеспечение возможностей для развития у обучающихся культуры и компетенций сетевой коммуникации.

4. Разработка локального организационного и нормативного обеспечения, необходимого для регулирования процессов, связанных с цифровизацией и персонализацией образовательной среды учреждения образования (параметры инклюзивности, безопасности, адаптивности, персонализированности).

4.1. Закрепление в локальных регулятивах (документах) права на равный доступ всех субъектов среды к ее ресурсам и возможностям.

4.2. Разработка локальных документов, регулирующих процессы сбора, анализа и использования на постоянной основе разнообразной информации, а также вопросы защиты персональных данных субъектов среды.

4.3. Разработка и принятие в учреждении образования локализованных регулятивов (правил, норм), устанавливающих понимание, требования и меры по обеспечению информационной безопасности для субъектов высокотехнологичных образовательных сред.

4.4. Разработка, обсуждение и принятие базового (рамочного) свода норм цифровой этики, признаваемого всеми субъектами образовательной среды-экосистемы.

5. Расширение возможностей компонента для формирования / развития профессиональной компетентности и личностной готовности педагогов к реализации идей индивидуализации образования в условиях высокотехнологичной образовательной среды (параметры инклюзивности, безопасности, адаптивности, персонализированности, культуросообразности).

5.1. Насыщение среды (обеспечение доступа к внешним ресурсам, инициирование собственных разработок) информационными, обучающими, тренинговыми компонентами для (само)образования и (само)развития педагогов.

5.2. Создание и обеспечение устойчивого функционирования системы научно-педагогического, методического консалтинга и технико-технологической поддержки информационно-технологического компонента среды.

5.3. Функционирование на постоянной основе интерактивных диалоговых площадок для обсуждения вопросов использования высокоинновационных разработок в разных сегментах образовательного процесса (в учебной, исследовательской, социально значимой деятельности и т.п.); использования цифровых инструментов для организации педагогической деятельности; работы с растущими потоками информации и данных, обеспечения информационной безопасности обучающихся, многофакторного анализа образовательного процесса и его текущих результатов и др.

Организационно-педагогические условия развития организационно-управленческого компонента в направлении экологичности ориентированы на формирование *параметров* инклюзивности, безопасности, культуросообразности, адаптивности, персонализированности, социальной активности, что достигается в ходе реализации *механизмов развития* нормативного правового, кадрового, организационно-управленческого, материально-технического обеспечения через создание ряда условий.

1. Обновление организационно-управленческого обеспечения в контексте идей и принципов «инклюзивной политики» (параметры инклюзивности, культуросообразности, адаптивности, социальной активности).

1.1. Расширение в структуре методов управления образовательной средой методов и мер мотивирующего, стимулирующего типа.

1.2. Расширение практик коллегиального, консультативного характера принятия решений, связанных с функционированием и развитием образовательной среды.

1.3. Усиление открытости, публичности обсуждения вопросов, связанных с функционированием и развитием образовательной среды общего среднего образования.

2. Реализация идей распределенного управления качеством образовательной среды (параметры адаптивности, социальной активности).

2.1. Разработка и внедрение нормативных правовых инструментов использования возможностей, ресурсов и потенциала сетевого социокультурного взаимодействия, инновационного партнерства для диверсификации развивающего потенциала среды-экосистемы.

2.2. Разработка организационного обеспечения (алгоритмов, рекомендаций, памяток) совместного использования ресурсов в рамках социокультурного сетевого взаимодействия, инновационного партнерства (с распределением функций, ролей, полномочий, ответственности (включая аспекты безопасности) и т.п.).

2.3. Совместное планирование деятельности и мероприятий, связанных с использованием внешних пространственно-предметных ресурсов, как системной деятельности, рассчитанной на долгосрочный эффект.

2.4. Разработка организационно-управленческого механизма, обеспечивающего в рамках инновационного партнерства новое качество персонализированности среды общего среднего образования на основе работы (сбора и анализа) с большими данными.

2.5. Обеспечение разнообразных возможностей обратной связи для обсуждения эффективности, результатов и перспектив использования ресурсов в

рамках сетевого социокультурного взаимодействия, инновационного партнерства, включая постоянно действующие офлайн и онлайн площадки.

3. Обновление организационной структуры и функционала элементов управления образовательной средой учреждения с учетом ее трансформации в высокоинновационную (интеллектуальную иммерсивно насыщенную) обучающую среду-экосистему (параметры инклюзивности, безопасности, адаптивности, персонализированности, социальной активности).

3.1. Коллегиальный аудит и коррекция (уточнение) структуры и функций организационно-управленческого компонента среды с учетом оптимизирующих возможностей высокотехнологичных ресурсов (инструментов управления).

3.2. Обеспечение устойчивого функционирования высокотехнологичных компонентов системы управления и информационно-организационного обеспечения среды, что предполагает:

- стимулирование кадров к постоянному профессиональному (само)развитию;
- обновление на постоянной основе технико-технологического обеспечения, инфраструктуры, сервисов;
- создание системы мультифункционального консалтинга (охватывающего аспекты содержательно-методического, организационного, технико-технического сопровождения).

Выводы

Организационно-педагогические условия совершенствования образовательной среды общего среднего образования мы понимаем как целенаправленно сконструированную совокупность мер организационного и педагогического воздействия, направленных на максимально полное раскрытие возможностей компонентов-подсистем среды (пространственно-предметного, содержательно-методического, информационно-технологического, социально-коммуникативного, организационно-управленческого компонентов) для воспитания жизнестойкой личности, развития всего комплекса ее потенциалов.

Направления развития определяются основными свойствами образовательной среды инновационного типа: экологичностью, конвергентностью, иммерсивностью.

Организационно-педагогические условия внутри каждого направления определяются для каждого из компонентов образовательной среды с учетом обязательного набора формируемых (развиваемых) параметров и содержательных механизмов совершенствования.

Соотношение объектов, целевых ориентиров и комплексных инструментов обеспечения организационно-педагогических условий совершенствования

образовательной среды общего среднего образования в направлении экологичности представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Инструменты и ориентиры совершенствования компонентов образовательной среды общего среднего образования в направлении экологичности

Объект совершенствования – компонент среды	Параметры (целевые ориентиры)	Инструменты совершенствования (группы механизмов)
<i>Пространственно-предметный</i>	Инклюзивность, безопасность, природосообразность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность	Научно- и учебно-методическое обеспечение, нормативное правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационно-управленческое обеспечение, материально-техническое обеспечение
<i>Содержательно-методический</i>	Инклюзивность, безопасность, природосообразность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность, социальная активность	Научно- и учебно-методическое обеспечение, нормативное правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационно-управленческое обеспечение
<i>Социально-коммуникативный</i>	Инклюзивность, безопасность, культуросообразность, адаптивность, социальная активность	Нормативное правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационно-управленческое обеспечение, материально-техническое обеспечение
<i>Информационно-технологический</i>	Инклюзивность, безопасность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность, социальная активность	Научно- и учебно-методическое обеспечение, нормативное правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационно-управленческое обеспечение, материально-техническое обеспечение

Объект совершенствования – компонент среды	Параметры (целевые ориентиры)	Инструменты совершенствования (группы механизмов)
<i>Организационно-управленческий</i>	Инклюзивность, безопасность, культуросообразность, адаптивность, персонализированность, социальная активность	Нормативное правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационно-управленческое обеспечение, материально-техническое обеспечение

Список использованных источников

1. Шевлякова-Борзенко И. Л. Образовательная среда как экосистема: монография; под науч. ред. В. Ф. Русецкого. Минск: Академия образования, 2024.
2. Шевлякова-Борзенко И. Л. Образовательная среда как объект современных научных исследований: исторический и теоретический аспекты // Педагогическая наука и образование. – 2021. – № 3. – С. 42–47.
3. Шевлякова-Борзенко И. Л. Образовательная среда как объект современных научных исследований: исторический и теоретический аспекты // Педагогическая наука и образование. – 2021. – № 4. – С. 20–27.
4. Ипполитова Н., Стрехован Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – pp. 8–14.
5. Галкина О. В. Организационно-педагогические условия как категория научно-педагогического исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук; «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». – 2008. – № 2. – С. 30–37.
6. Володин А. А. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» [Электронный ресурс] // www.cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya>. – Дата доступа: 19.08.2024.
7. Шевлякова-Борзенко И. Экологичность образовательной среды: сущность, параметры, потенциал // Multi-cultural Research / Мультикультурные исследования / 跨文化研究. – 2023. – № 1 (14). – С. 32–39.

References

1. Shevlyakova-Borzenko I. L. Obrazovatel'naya sreda kak ekosistema: monografiya; pod nauch. red. V. F. Rusetskogo. Minsk: Akademiya obrazovaniya, 2024.

2. Shevlyakova-Borzenko I. L. Obrazovatel'naya sreda kak ob"ekt sovremennykh nauchnykh issledovaniy: istoricheskii i teoreticheskii aspekty // *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. – 2021. – № 3. – S. 42–47.

3. Shevlyakova-Borzenko I. L. Obrazovatel'naya sreda kak ob"ekt sovremennykh nauchnykh issledovaniy: istoricheskii i teoreticheskii aspekty // *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. – 2021. – № 4. – S. 20–27.

4. Ippolitova N., Strehovan N. Analiz ponyatiya «pedagogicheskie usloviya»: sushchnost', klassifikatsiya // *General and Professional Education*. – 2012. – № 1. – pp. 8–14.

5. Galkina O. V. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya kak kategoriya nauchno-pedagogicheskogo issledovaniya // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk; «Pedagogika i psikhologiya», «Filologiya i iskusstvovedenie»*. – 2008. – № 2. – S. 30–37.

6. Volodin A. A. Analiz soderzhaniya ponyatiya «organizatsionno-pedagogicheskie usloviya» [Elektronnyi resurs] // www.cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya>. – Data dostupa: 19.08.2024.

7. Shevlyakova-Borzenko I. Ekologichnost' obrazovatel'noi sredy: sushchnost', parametry, potentsial // *Multi-cultural Research / Mul'tikul'turnye issledovaniya / 跨文化研究*. – 2023. – № 1 (14). – S. 32–39.

UDC 37:004:303.732.4(476)

Vyacheslav Lozitsky,
PhD, Associate Professor;
Polessky State University
(Belarus)
bakalaur@yandex.ru

PRINCIPLES FOR ENSURING THE CONTINUITY OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SECONDARY AND HIGHER EDUCATION

The article explores the problems of substantiation of conceptual theoretical and methodological provisions for ensuring continuity at the levels of general secondary and higher education in the context of digital transformation processes. The author justifies the ontological aspect and the content of the formulated principles as requirements for resource and procedural support for improving the system-environment organization of educational institutions, taking into account the technologization of the educational activities of its subjects on an information and communication basis.

Keywords: digitalization of education; continuity; secondary education; higher education; information and educational environment; continuity principles.

Вячеслав Лозицкий,
кандидат педагогических наук, доцент;
Полесский государственный университет
(Беларусь)
bakalaur@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье исследуется проблематика обоснования концептуальных теоретико-методологических положений обеспечения преемственности на уровнях общего среднего и высшего образования в условиях процессов цифровой трансформации. Автором обосновывается онтологический аспект и содержательное наполнение формулируемых принципов в качестве требований, предъявляемых к ресурсному и процессуальному обеспечению совершенствования системно-средовой организации учреждений образования с учетом технологизации образовательной деятельности ее субъектов на информационно-коммуникационной основе.

Ключевые слова: цифровизация образования; преемственность; общее среднее образование; высшее образование; информационно-образовательная среда; принципы обеспечения преемственности.

Теоретико-методологическое обоснование концептуальных положений, определяющих обеспечение эффективной организации образовательной деятельности ее субъектов в условиях цифровой трансформации процессов, является одним из важных направлений научного поиска в современной педагогике. Его актуальность целесообразно рассматривать как в аспекте междисциплинарности научной рефлексии при изучении тенденций развития образовательной сферы и ее технологизации, так и через содержание нормативно-правовых требований, отраженных в документах (в белорусских реалиях речь может идти о Кодексе Республики Беларусь об образовании [1], Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [2] и Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [3]). Анализ исследований, посвященных изучению организационно-педагогических основ обеспечения преемственности в сфере образования, позволяет выделить ряд ключевых позиций, которые по-прежнему требуют теоретико-методологического осмысления. В качестве одного из таких оснований мы определяем принципы обеспечения преемственного развития информационно-образовательной среды (далее – ИОС) общего среднего и высшего образования. Это предполагает решение задач по конкретизации применяемого в ходе научного поиска понятийно-терминологического аппарата.

Решение указанных задач обеспечивается накопленным в педагогической науке и образовании теоретико-методологическим и практическим базисом, в котором целесообразно выделять:

- разработанность концепта преемственности в образовании в исследованиях ученых-дидактов (данная проблематика рассматривалась нами ранее [4–6]);
- сформированность научных подходов в рассмотрении феноменологических особенностей информационно-образовательной среды учреждения образования;
- разработанность и совершенствование сферы нормативного правового обеспечения организации и осуществления преемственности в системе непрерывного образования в Республике Беларусь в условиях современной парадигмы образования на протяжении всей жизни;
- накопленность опыта развития потенциала, а также механизмов обеспечения и развития ИОС учреждений общего среднего и высшего образования в условиях формирования республиканской информационно-образовательной среды (далее – РИОС) и ее образовательного сегмента.

Нами учтены позиции белорусских дидактов (исследования Н. В. Аксенчик, Т. Н. Канашевич, С. Н. Рягина, А. П. Сманцера, И. Л. Шевляковой-Борзенко [7–11]), нашедшие отображение в дискурсе обсуждения теоретико-методологических аспектов процессуальной реализации преемственности в части принципов ее осуществления. Важным представляется рассмотрение онтологического аспекта в понимании сущности определяемых принципов обеспечения преемственного развития ИОС. С позиций методологии исследования сами понятия «обеспечение принципов» и «реализация принципов» не тождественны. В первом случае (он важен с позиций системно-средового подхода) трактовка понятия опирается на императивность разработанности и наличия ресурсных средств, инструментария обеспечения и функциональную направленность компонентов ИОС, что позволяет говорить о принципах обеспечения преемственного развития информационно-образовательной среды общего среднего и высшего образования. Данные принципы определяются нами как концептуальные положения теоретико-методологического характера, которые в своей практикоориентированности обосновывают императивную ресурсную обеспеченность преемственного развития ИОС в условиях цифровой трансформации образования и формирования в Республике Беларусь РИОС. С позиций системно-средового подхода принципы обеспечения преемственного развития ИОС общего среднего и высшего образования отображают систему требований к создаваемому и развиваемому ресурсному потенциалу среды, совершенствуемой с учетом представляемых требований. Под потенциалом информационно-образовательной среды нами понимается совокупность возможностей применяемых инструментальных и иных ресурсных средств в комплексном обеспечении преемственности для достижения целей непрерывного образования в условиях цифровизации. Речь идет не только об определении, но и о содержательном наполнении принципов обеспечения преемственного развития ИОС, что позволяет акцентировать внимание на их применении в изменяющихся условиях процессов цифровизации образовательной сферы, рассматриваемой синергетично (в рамках системы непрерывного образования – образования через всю жизнь).

Реализация *принципа целостной системной интеграции* заключается в выполнении требования по обеспечению преемственного развития ИОС учреждений общего среднего и высшего образования как интегративной системы, объединяющей в единое целое взаимосвязанные сегменты обеспечивающего механизма:

– нормативно-правовой (включает в себя законодательные и иные нормативно-правовые акты, которые определяют специфику образовательного

процесса и содержание образования, а также силой закона и нормативных требований обеспечивают функционирование всех составляющих механизмов);

- организационно-педагогический (объединяет в систему направления, формы и организационный инструментарий, выполняющие функцию обеспечения целей образования и решения актуальных педагогических задач в условиях реализации потенциала ИОС с учетом специфики институциональной организации);

- учебно-методический (интегрирует адаптированные учебно-методические информационные ресурсы ИОС, а также технологии, методы и приемы обучения, позволяющие эффективно осуществлять образовательную деятельность и решать ее актуальные задачи при учете уровней образования);

- инструментальный (включает для эффективной образовательной деятельности инструментальные средства ИОС, с помощью которых ее субъекты осуществляют свое поэтапное продвижение в избираемой траектории образования на основе осуществляемого личностного профессионального выбора).

Обеспечение единства интегрируемых сегментов создает важные условия эффективного функционирования среды, реализации ее технико-технологического и дидактического потенциала. В такой взаимосвязи актуальным представляется и выполнение требований *принципа обеспечения функционального разнообразия*, который реализуется через применение всего многообразия функций ИОС как полифункциональной системы, в рамках которой применим широкий спектр форм и средств организуемой образовательной деятельности. В качестве функций, обеспечивающих реализацию накапливаемого и развиваемого потенциала среды (на примере РИОС и ее образовательного сегмента), целесообразно выделять:

- управленческую (компоненты являются технико-технологическим и дидактическим инструментарием, с помощью которого осуществляется эффективное управление образовательной деятельностью ее субъектов);

- информационную (системно-средовые компоненты являются носителями и источниками учебной и иной информации, в том числе и той, которая раскрывает в доступной для обучаемых форме предусмотренное образовательным стандартом и учебными программами содержание);

- обучающую (реализуется в дидактическом процессе формирования у обучаемых функциональной грамотности, а также системных знаний);

- развивающую (применяемый методический и технологический инструментарий позволяет формировать и развивать в ходе образовательной деятельности не только знаниевую, но и деятельностьную составляющие, закрепляемые в личностном социальном опыте умения и навыки, которые актуальны для профессионального самоопределения школьников и студентов);

– воспитательную (применение системно-средовых компонентов позволяет через образовательную деятельность воздействовать на формирование и развитие личностных качеств, способствующих успешной социализации);

– мотивационную (обеспечивает высокую мотивацию пользователей к образовательной деятельности с помощью интегрируемых инновационных информационно-коммуникационных технологий и высокотехнологичных технических решений);

– контрольно-оценочную (инструментарий предусматривает осуществление текущего, промежуточного, итогового контроля, оценивание уровня усвоения учебных знаний, сформированность общеучебных и специальных умений, а также компонентов функциональной грамотности, которые, будучи закрепленными в социальном опыте, проявляются в профессиональных компетенциях у обучаемых);

– корректирующую (механизмы инструментария позволяют осуществлять коррекцию уровней усвоения содержания и результатов образовательной деятельности);

– функцию самообразования (применение системно-средовых компонентов предоставляет возможность самостоятельного изучения содержания учебного материала, а также выстраивания обучаемыми индивидуальной траектории обучения и развития).

Результативность реализации представляемых принципов видится в эффективном процессуальном обеспечении преемственного развития потенциала и самой функциональности ИОС в достижении целей совершенствуемой системы непрерывного образования.

Осуществление требований выделяемого нами *принципа императивной педагогической обусловленности коммуникации* в условиях полифункциональности ИОС предполагает обеспечение обязательности многообразия взаимодействия субъектов образовательной деятельности (педагогов, учащихся учреждений общего среднего образования и студентов учреждений высшего образования). Формы и методы взаимодействия избираются в зависимости от максимизации эффективности коммуникации, ее результатов в обеспечении решения актуальных педагогических задач. Важным при этом представляется и обеспечение обратной связи в любое удобное для субъектов образовательной коммуникации время.

Осуществление *принципа открытости* предполагает обеспечение структурного развития и качественное совершенствование содержательного ресурсного наполнения ИОС учреждений общего среднего и высшего образования. Реализация данного принципа предусматривает императивную целесообразность модернизации соответствующих сегментов механизма

обеспечения преемственного развития среды как открытой, незамкнутой системы. Так, например, совершенствование структуры и содержательного наполнения нормативно-правового сегмента осуществляется через разработку и совершенствование законов и иных нормативных актов, которые в совокупности с практикой в сфере информационного права создают правовые основания эффективного развития ИОС и регуляторы соответствующих правоотношений. Содержание инструментального сегмента в рамках реализации принципа открытости предполагает обеспечение образовательной деятельности наиболее эффективными дидактическими средствами (как традиционными, так и высокотехнологичными инновационными), встраиваемыми в модели обучения школьников и студентов. В реализации представляемого принципа создаются условия обеспечения разнообразия ресурсного потенциала ИОС в поступательном развитии среды, ее совершенствовании.

В таком контексте реализация в развитии ИОС учреждений общего среднего и высшего образования *принципа адаптивности* предполагает обеспечение функциональной способности структуры и содержания среды адаптироваться к изменяемым условиям (институциональная эволюция учреждений образования, совершенствование нормативно-правовых регулятивов, изменения в содержании образования и т. д.). Примером может являться ситуация введения ограничительных мероприятий весной и летом 2020 года, связанных с опасностью распространения пандемии *COVID-19*, что обусловило существенные изменения в методах, приемах и формах организации образовательной деятельности ее субъектов. Актуализация использования элементов дистанционного обучения в образовательном процессе опиралась на разнообразие разработанного инструментария ИОС, применение потенциала образовательной платформы *MOODLE* и сервиса *Microsoft Teams*. В условиях применения элементов дистанционного обучения и компонентов ИОС в учреждениях высшего образования получил развитие проект «Цифровой университет». Возросла нагрузка на технико-технологическую составляющую среды при росте количества пользователей (студентов и преподавателей). Объективно ситуация способствовала развитию технико-технологического и дидактического потенциала ИОС учреждений общего среднего образования, позволила продемонстрировать адаптивные возможности системно-средовой организации.

Обеспечение *принципа структурированной ресурсной избыточности* реализуется в процессуальном наполнении компонентов среды заведомо избыточной информацией, которая аккумулируется и обновляется. На момент признания системой (например, при создании и использовании больших баз данных с помощью искусственного интеллекта), подобная информация

становится востребованной и применяется в рамках организации и осуществления образовательной деятельности субъектов педагогического взаимодействия.

Таким образом, что системное исследование вопросов обеспечения преемственного развития ИОС учреждений общего среднего и высшего образования является актуальным направлением научного поиска. Четкое понимание онтологической сути обеспечения преемственности целесообразно выделять в качестве одного из методологических оснований в определении принципов – концептуальных положений, обосновывающих требования к ресурсной и процессуальной обеспеченности преемственного развития ИОС (в том числе, в условиях формирования в Беларуси РИОС). Данный аспект актуализирует проблематику вопросов ресурсного и инструментального обеспечения механизмов реализации преемственного развития ИОС как специально организуемой на информационно-коммуникационной основе среды педагогического взаимодействия субъектов образовательной деятельности – педагогов, учащихся и студентов. В качестве важной для педагогической теории и практики задачи актуальным представляется определение основных организационно-педагогических условий реализации принципов обеспечения преемственного развития ИОС между уровнями общего среднего и высшего образования (особенно в условиях страновой информационно-образовательной среды, функцию которой в белорусских реалиях выполняет РИОС).

Список использованных источников

1. Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. № 154-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12200154>. – Дата доступа: 19.01.2025.

2. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: утв. Министром образования Респ. Беларусь 15.03.2019. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Дата доступа: 19.01.2025.

3. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 нояб. 2021 г., № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=-3871&p0=C22100683>. – Дата доступа: 19.01.2025.

4. Лозицкий, В. Л. Теоретико-методологическое обеспечение преемственности общего среднего и высшего образования Республики Беларусь в

условиях цифровизации / В. Л. Лозицкий // Педагогическая наука и образование. – 2023. – № 3. – С. 70–73.

5. Лозицкий, В. Л. Обеспечение преемственности общего среднего и высшего образования в условиях цифровизации образовательной сферы и ее диверсификации как научная проблема / В. Л. Лозицкий // Multi-cultural research / Мультикультурные исследования / 跨文化研究. – 2023. – № 4 (17). – С. 84–95.

6. Лозицкий, В. Л. Концепт преемственности уровней общего среднего и высшего образования в условиях цифровой трансформации / В. Л. Лозицкий // Адукацыя і выхаванне. – 2024. – № 11. – С. 38–43.

7. Аксенчик, Н. В. Научные принципы функционирования и развития информационно-образовательной среды современного УВО / Н. В. Аксенчик // Выш. школа. – 2021. – № 1. – С. 51–54.

8. Канашевич, Т. Н. Теоретические аспекты реализации преемственности между уровнями дошкольного и общего среднего образования / Т. Н. Канашевич // Педагогическая наука и образование. – 2016. – № 2. – С. 36–44.

9. Рягин, С. Н. Преемственность общего среднего и высшего профессионального образования в условиях их системных изменений / С. Н. Рягин. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 242 с.

10. Сманцер, А. П. Теория и практика реализации преемственности в обучении школьников и студентов / А. П. Сманцер. – Минск: БГУ, 2013. – 270 с.

11. Шевлякова-Борзенко, И. Л. Образовательная среда как экосистема: монография / И. Л. Шевлякова-Борзенко; под науч. ред. В. Ф. Русецкого. – Минск: Академия образования, 2024. – 288 с.

References

1. Ob izmenenii Kodeksa Respubliki Belarus' ob obrazovanii [Elektronnyi resurs]: Zakon Resp. Belarus' ot 14 yanv. 2022 g. № 154-Z // Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200154>. – Data dostupa: 19.01.2025.

2. Kontseptsiya tsifrovoi transformatsii protsessov v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus' na 2019–2025 gody [Elektronnyi resurs]: utv. Ministrom obrazovaniya Resp. Belarus' 15.03.2019. – Rezhim dostupa: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Data dostupa: 19.01.2025.

3. O Kontseptsii razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2030 goda [Elektronnyi resurs]: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 30 noyab. 2021 g., № 683 // Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683>. – Data dostupa: 19.01.2025.

4. Lozitskii, V. L. Teoretiko-metodologicheskoe obespechenie preemstvennosti obshchego srednego i vysshego obrazovaniya Respubliki Belarus' v usloviyakh tsifrovizatsii / V. L. Lozitskii // *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. – 2023. – № 3. – S. 70–73.

5. Lozitskii, V. L. Obespechenie preemstvennosti obshchego srednego i vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovatel'noi sfery i ee diversifikatsii kak nauchnaya problema / V. L. Lozitskii // *Multi-cultural research / Mul'tikul'turnye issledovaniya / 跨文化研究*. – 2023. – № 4 (17). – S. 84–95.

6. Lozitskii, V. L. Kontsept preemstvennosti urovnei obshchego srednego i vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovoi transformatsii / V. L. Lozitskii // *Adukatsyya i vykhavanne*. – 2024. – № 11. – S. 38–43.

7. Aksenchik, N. V. Nauchnye printsipy funktsionirovaniya i razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy sovremennogo UVO / N. V. Aksenchik // *Vysh. shkola*. – 2021. – № 1. – S. 51–54.

8. Kanashevich, T. N. Teoreticheskie aspekty realizatsii preemstvennosti mezhdu urovnyami doskol'nogo i obshchego srednego obrazovaniya / T. N. Kanashevich // *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. – 2016. – № 2. – S. 36–44.

9. Ryagin, S. N. Preemstvennost' obshchego srednego i vysshego professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh ikh sistemnykh izmenenii / S. N. Ryagin. – M.: Flinta; Nauka, 2009. – 242 s.

10. Smantser, A. P. Teoriya i praktika realizatsii preemstvennosti v obuchenii shkol'nikov i studentov / A. P. Smantser. – Minsk: BGU, 2013. – 270 s.

11. Shevlyakova-Borzenko, I. L. Obrazovatel'naya sreda kak ekosistema: monografiya / I. L. Shevlyakova-Borzenko; pod nauch. red. V. F. Rusetskogo. – Minsk: Akademiya obrazovaniya, 2024. – 288 s.

UDC 91:378.016+91(072)+91:378.4(476-25)096

Alena Kalmakova,
PhD, Associate Professor;
Belarusian State University
(Belarus)
kalmakova@bsu.by

Nataliya Pisarchuk,
Senior lecturer;
Belarusian State University
(Belarus)
pisarchuk@bsu.by

DESIGNING AND IMPLEMENTING THE GEOGRAPHICAL COMPONENT IN THE INTERDISCIPLINARY MASTER'S PROGRAM "JOURNALISM IN INTERCULTURAL AND GEOPOLITICAL COMMUNICATION"

The innovative interdisciplinary Master's program with the geographical component "Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication" was designed by the authors. It was implemented for the first time at the Belarusian State University for the humanitarian specialty "Journalism". The methodological approaches to designing this educational program are described. The Master's curriculum includes some interdisciplinary courses. The electronic methodological digital resource for the course "Goeconomics of the Countries" teaching support was designed and applied using innovative pedagogical technologies.

Keywords: interdisciplinary; geography; journalism; communications; innovations; Master's programs; cross-cultural education.

Introduction. Humanity is the main driving force transforming the environment in the modern world. The changes taking place consist not only of a radical change in the natural landscapes of the planet but also in the redrawing of the political map of the world, changes in the technological structure of production, digitalization of the economy, social transformation of society, anthropological evolutionary changes in man himself, etc. Such fundamental transformations of the natural environment and society itself represent a global challenge to all humanity and require a comprehensive, coordinated response from the scientific community to effectively manage them [1].

It is common knowledge that geography is divided into two large scientific branches: physical geography studies the structure, functioning, and transformation of natural ecosystems; social and economic geography – population and its economic

activities. Thus, geography acts as a unique “focus” of the natural social and humanities sciences. Geographical knowledge in this context can be effectively integrated not only with closely related natural science disciplines such as biology, chemistry, physics, astronomy, mathematics, ecology, and others but also with humanities fields of knowledge, for example, economics, journalism, management, design, logistics, etc. So, geographical disciplines can be deeply and effectively used in training specialists as a connecting component in the “nature – man – society” system.

Materials and research methods. The first author came up with the idea of designing and implementing some interdisciplinary educational programs with a geographical component for higher education. These interdisciplinary Master’s programs are particularly interested in the humanities specialties and have been implemented jointly by several faculties of Belarusian State University (BSU).

One of the “pilot” programs – “Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication” (for the humanitarian specialty 7-06-0321-01 “Journalism”) – has been designed for a full-time form of education and a Master of Sciences as an awarded qualification. The innovative educational program has been compiled in full accordance with the Education Code of the Republic of Belarus [2] the Educational Standards of the specialties [3] and exemplary curricula [4] taking into account the Methodological recommendations for the development and approval of curricula and individual work plans for Master’s students [5]. The program is designed for 1 year and 60 credits. This program was aimed at training in English [6]. The target audience for this interdisciplinary program is international students, primarily Chinese.

The program was implemented jointly by several faculties of BSU – the Faculty of Journalism and the Faculty of Geography and Geoinformatics for the first time in the 2023/2024 academic year. A total of 28 students studied in the program. The majority of the students graduated from Chinese universities. It should be stressed that not all of them had bachelor’s degrees in journalism, and there was not a single student with a geographical education. Besides these students had different levels of foreign language proficiency (from basic to fluent).

Results and their discussions. The authors’ experience in designing and implementing of interdisciplinary Master’s program with a geographical component – profiling “Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication” (for the humanitarian specialty 7-06-0321-01 “Journalism”) – is presented below.

The relevance of studying this discipline is determined by the need to obtain knowledge about the connections between modern economic reality and geographic space, the influence of physical and geographical conditions on the economic activity of territories, the diversity of the natural resource potential of regions, the reasons for the formation and development of one or another economic and political system in the countries of the world, the place of individual countries in the international geographical

division of labor, which is an important condition for the training of specialists in the field of journalism specializing in intercultural and geopolitical communication [1].

The choice and inclusion of geographical disciplines in the curriculum for the humanitarian specialty was justified by the necessity to develop future masters of journalism in the field of intercultural and geopolitical communication knowledge of the following blocks of issues:

- 1) natural resources and the economies of the world based on them;
- 2) nations and ethnocultural differences;
- 3) global problems of humanity;
- 4) geopolitics and geopolitical conflicts.

The knowledge from these geographical subject areas is necessary for future journalists, especially in the field of international journalism, from the standpoint of developing their competencies not only in the ways of writing articles, preparing reports, or conducting interviews but also in what to write and what to discuss and do it in a reasoned and professional manner.

The selected list of potentially popular geographical academic disciplines is aimed at developing future journalists' understanding of:

- the differences in the natural resource base of different countries and regions of the world;
- historical and cultural features of the formation and communication of various ethnic groups and nations;
- the causes and geography of modern human problems (problems of maintaining peace and nuclear safety, terrorism, refugee, hunger, climate warming, environmental pollution, and others) at the global, regional, and local levels;
- dynamics of the geopolitical picture of the world, prerequisites for the emergence, consequences, and possible ways to resolve global and regional geopolitical conflicts [1].

According to this logic, the authors have developed the syllabus for the educational Master's program "Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication." 558 hours are allocated to geographical disciplines (38 % of all hours in the curriculum). They were combined into two semantic modules, including elective courses [7]:

1) the module "*Country Studies and Intercultural Communications*" includes the compulsory disciplines "Goeconomics of the Countries", "Geography of Nations" and elective disciplines "Cultural Geography and Sociocultural Communications" or "World Cultural Heritage";

2) the module "*Geopolitics and International Relations*" includes the disciplines "Geopolitical Problems and Foreign Policy Strategies" and "Global Problems of Humanity" or "Globalization and Problems of Sustainable Development."

Almost all of these innovations were suggested for training by students for the first time. The authors are the designers of educational and methodological support of one of the academic disciplines, “*Goeconomics of the Countries.*” The aim of the academic discipline “Goeconomics of the countries” is to develop in students the knowledge, skills, and abilities necessary for research and practical activities in the field related to the analysis of global goeconomic processes, identifying the geographic factors that determine them, as well as determining the features of goeconomic strategies of countries around the world.

Objectives of the academic discipline are as follows:

- 1) development and formation of the basic conceptual and terminological apparatus, concepts, methodology, and techniques for studying models of economic development of countries around the world;
- 2) establishing cause-and-effect relationships between the natural resource potential of territories and their socioeconomic development;
- 3) determination of the specifics of sectoral and spatial development of the world economic system;
- 4) reveal the essence, analyze, evaluate, and predict the development of global goeconomic processes and explain the positions of individual countries on the main problems of goeconomics;
- 5) identifying the country’s place in the international geographical division of labor, dynamics, trends, and development strategies of the countries of the world using authoritative sources of information, including Internet resources;
- 6) formation of skills in complex economic and geographical characteristics of the country.

Mastering the academic discipline “Goeconomics of the countries” should ensure the formation of the following competencies: universal – to be able to apply scientific cognition (analysis, comparison, systematization, abstraction, modeling, data authenticity checking, decision-making, etc.) in independent research activity, to generate and realize innovative ideas; specialized – to analyze the natural resource potential, geopolitical and socioeconomic processes in the world economy and individual countries, determine the conditions and drivers of their development).

As a result of mastering the academic discipline, the student must know: the content of basic concepts and terms of goeconomics; features of the modern political and economic structure of the world; main patterns and trends in the development of the world economy, and features of the location of the most important sectors of the economy; factors of development of countries and regions at the present stage; country differences in goeconomic models. After training the students should be able to analyze the current modern goeconomic situation; conduct a comprehensive analysis of the country’s socioeconomic development; assess the natural resource potential of

territories; determine economic and geographical advantages, identify geographical features and development trends of countries and regions of the world; identify geographical and structural shifts in the development and location of economic sectors [7]. Besides students should have skills in the economic and geographical analysis of the country, region, and world; methods of searching, selecting, systematizing, analyzing, and summarizing official statistical information on countries; methods of expert assessment of the dynamics of changes, geography and spatial structure of sectors of the world economy; skills in systematizing information from different sources about the main geoeconomic processes occurring in the world.

The discipline “Geoeconomics of the Countries” was successfully tested when teaching in the first term of the 2023/2024 academic year. It was studied for the first time by Master’s students of the Faculty of Journalism of BSU.

The content of the training material of the discipline curriculum was designed by A. Kalmakova and N. Pisarchuk [7]. The authors are responsible for teaching the first part of this discipline – topic 1 “Nature and Natural Resources of the World”. The first part of the course consists of the next topics: “Natural resources of Africa”, “Natural resources of Australia and Oceania”, “Natural resources of North America”, “Natural resources of South America”, “Natural resources of Eurasia”, “Natural resources of Antarctica.” It was teaching in the first term.

When organizing the educational process in the academic discipline “Geoeconomics of the countries” interdisciplinarity is extremely important. The following pedagogical methods and approaches were used to conduct the classes.

A *heuristic technology*, which involves undergraduates making personally significant discoveries of the world around them, demonstrating the diversity of solutions to most professional tasks and life problems in conditions of uncertainty, creative self-realization of students in the process of creating educational products, individualization of learning through the ability to independently set goals, reflect on their educational activities, searching for solutions to new problems associated with the lack of generally accepted algorithms. To implement the approach, discovery heuristic tasks have been developed that do not have a correct solution; they are unique and personality-oriented [8].

A *practice-oriented approach*, which involves mastering the content of education through solving research and innovation problems based on ICT, improving the skills of effectively performing various types of professional activities, focusing on the generation and implementation of innovative ideas, group Master’s projects, developing an entrepreneurial culture, using procedures, assessment methods that record the development of in-depth professional competencies. All developed tasks simulate tasks received in real professional conditions [9].

A *method of project-based learning*, which involves a way of organizing the educational activities of a Master student, developing skills of planning, self-organization, and cooperation that are relevant for educational and professional activities and involves creating your product, improving skills for solving research, creative, social, entrepreneurial and communication problems, including in a foreign language. Each task is part of a project, which acts as a strategy for promoting an object in the media space [10].

A *portfolio method*, is an effective means of implementing an individual educational program for students, as a result of the accumulation of completed work for further professional activity. Each task is part of a project that forms the journalist's methodological and professional portfolio [11].

A *method of educational discussion*, which involves the participation of masters in a targeted exchange of opinions and ideas to present and/or agree on existing positions on a particular issue. The method is implemented by organizing a press conference on current issues. The use of the method ensures the emergence of a new level of understanding of the topic under study, the application of knowledge (theories, concepts) in solving problems, and the identification of ways to solve them [12].

Smart technologies, which use online services internet information resources, and specialized software. The smart technology toolkit creates an integrated intelligent virtual learning environment; fast transfer of information is carried out using gadgets via the Internet connection [13].

The authors have created the original electronic educational and methodological resource of the BSU Educational Portal (on the platform LMS Moodle), it supports training on the discipline "Goeconomics of the Countries" (part 1) [14]. The electronic educational resource is available for users after registration. Compulsory and auxiliary materials are posted there: you will find all the training materials, including assignments for lectures and practical classes, additional materials, including books, maps, articles, videos, tests, forums, feedback, links on websites, etc.

During the 1st term of the 2023/2024 academic year, the first author was conducting lectures on the academic discipline "Goeconomics of the Countries" by the curriculum. The innovative information and communication technologies for teaching using Internet resources were applied, in particular:

- online service 3D-photo and 3D-video panoramas [15], which obtain a visual-spatial representation of the geographical objects being studied;
- web-cameras for real-time observations of geographic processes and phenomena;
- fragments of video documentaries to form a geographical worldview;
- web sites of organizations (for example, <https://www.unesco.org/en>, etc.) to analyze current information in the field of environmental management and environmental protection.

The second author was conducting the practical part of this discipline. Classical and innovative interactive methods and technologies for conducting classes were used. The main emphasis was on interdisciplinarity, practical groundwork, and the formation of a portfolio (own developments, reviews, and analytical reports). All assignments were personalized to take into account personal characteristics and preferences.

To complete the assignments, students were asked to:

- watch videos about the objects and phenomena being studied;
- study and analyze materials from professional figures and organizations (<https://www.nationalgeographic.com>, etc.);
- use data from official websites (<https://ru.climate-data.org>, <https://whc.unesco.org>, <https://mrdata.usgs.gov/mrds/map-graded.html>, etc.);
- use online services to update and consolidate materials (<https://mentimeter.com>, etc.);
- create written, photo, and video content;
- prepare reports and interviews;
- simulate professional activities at a press conference, etc.

The educational platform [14] for the academic discipline on the Educational Portal is an auxiliary educational and methodological resource. It contains lecture materials (lecture presentations), practical class materials (introductory presentations, open-ended assignments, necessary links to sources and databases), additional materials (educational and program documentation, links to online services, databases, video content, analytical articles from scientific journals and popular science publications) for each theme. The educational platform also contains materials for thematic assessment, mainly in the form of closed-type author's tests, which allows for assessment outside of class time. It also contains a forum for vertical communication between students and horizontal communication between students and the teacher. Questions are grouped by topic, which eliminates similar and frequently repeated questions.

The material on the BSU Educational Portal is structured by topics by the curriculum for the discipline. Using the author's educational platform helps to increase the effectiveness of training, in particular, due to the increased possibility of taking out additional materials for independent study. The sequence and content of the materials on the Educational Portal demonstrate the principle of didactic unity, logical coherence, and continuity within the framework of teaching the academic discipline.

Before our first intercultural activity, we had some stereotypes:

- sociocultural differences will not allow me to find a common language with international students in a short time,
- to teach international students is possible with only fluent English,
- a lack of basic geographical education will not allow students to master the course.

While teaching international students, we have faced some challenges:

- different levels of foreign language proficiency among Master's students,
- sociocultural differences of the target audience,
- lack of basic geographical education (bachelor's degree in different fields),
- necessity to integrate geographical knowledge into the professional competencies of future journalists.

But the practice has taught several tools for the most effective intercultural communication (applied to a group of Chinese students):

- preparing detailed presentations on all themes,
- duplication of basic theoretical theses and terms on the blackboard (for visuals),
- slow pace of speech, repetition of complex concepts, and explanation of patterns,
- using interactive information technologies,
- widespread introduction of heuristic learning with game-based learning elements,
- numerous interesting facts and examples,
- alternation of different teaching methods in the classroom,
- organizing group work (Chinese culture is collectivist),
- encouraging student activity in the classroom,
- numerous examples related to China and about China,
- extracurricular activities: visiting to museum and greenhouse of the Department,
- friendly atmosphere and humor.

From our point of view, the most important of them are digital smart technologies, the introduction of heuristic learning with game-based learning elements, and, certainly, group work. It should be stressed, that examples related to China and about China significantly increase Chinese students' motivation to learn.

What did we learn about the intercultural dialogue in this case? General practical recommendations for effective intercultural dialogue in teaching interdisciplinary programs to foreign, in particular Chinese, students:

- you should adapt theoretical content and level of lecturing to the needs of international students;
- it is necessary to search for optimal forms and methods of teaching natural science disciplines for students with a basic humanitarian (non-geographical) education;
- insufficient knowledge of the language is not an obstacle to communication;
- the practice-oriented heuristic practical classes help to achieve mastering professional competencies future professionals through interdisciplinary connections;
- it is extremely important to take into account the features of cross-cultural communication with international students, in particular with Chinese ones (Chinese culture as a culture with high context) [14].

After finishing the course (after passing the exam) students were suggested to answer the following questions for feedback: 1) whether you liked the course or not and

why? 2) what is your opinion about practical exercises? 3) is the course useful for your future professional activity? 4) if you have some recommendations or wishes for teachers, please, write down them. The positive feedback from the international students was received. As confirmation, we provide reviews from students who have completed this course [16].

“1) I really enjoyed this course. The reasons are as follows. First of all, the course content is interesting. Secondly, the teacher's teaching style is very attractive and will not make students feel bored. 2) I think practical exercises are very necessary. Through practical exercises, I can remember the knowledge I have learned more firmly. 3) The course plays a certain role in future learning. Through course study, you can better understand the geographical environment, population resources, etc. of each region. Lay the foundation for learning more professional knowledge in the future. Secondly, it also provides me with more choices in life. For example, when I choose where to travel, I can make choices based on what I have learned. 4) I think the teacher teaches this course very seriously and interestingly. No more suggestions” (Guo Yannan).

“Did you like the course ‘National Geoeconomics’ and why?”

Answer: I like this course very much. National geoeconomics is a subject that studies how geographical, political and economic factors respond. It is very helpful for understanding the dynamics of international relations and the global economy. I am interested in these factors, or my career goals involve international affairs or global economics, and I found this course very useful and engaging.

What information in this course was most interesting to you? What information would be useful for your future professional activities?

Answer: In the Geoeconomics of Nations course, a variety of interesting topics may be explored, such as resource allocation, territorial shares, trade routes, geopolitical risks, etc. Each student may be interested in different topics, depending on our personal interests and career goals. Understanding trade routes and geopolitical risks may be particularly useful for students who wish to work in the fields of international trade or foreign policy. Likewise, for those seeking a sense of cleanliness or sustainability, understanding trade routes and geopolitical risks may be particularly useful. Interested students indicated that resource allocation and the policy environment were likely to be their top topics of concern. As for what information is useful for future professional activities, this also depends on the individual's career goals. My future goal is to become a cardinal, then I may need to understand geopolitical dynamics and international relations theory. Overall, this course provides information and perspective that can help prepare students for their future careers, no matter what field I choose to work in” (Gong Caixia).

“Like, reason:

Interpreting global dynamics: geopolitics courses can help us understand important changes and trends in international affairs so that we can better interpret global political, economic and social dynamics. (2) I think that practical exercises can be added because they improve the effectiveness of our retention of knowledge. Through constant repetition and practical application, we can better consolidate and remember what we have learned. (3) Useful, for journalists this course provides a global perspective, helps to understand the economic context, strengthens cross-cultural communication skills, and delves into topical issues. By studying geoeconomics, they are able to provide their readers with more accurate, in-depth, and insightful reporting, enhancing their professional competitiveness and influence. (4) No suggestions, I really liked the teacher” (Liu Wanying).

Conclusions. One of the responses to the radical transformation of the environment and society in the scientific and educational space is the strengthening of interdisciplinarity. Geography, as a complex science about nature, population, and economic activity, can act as a focus in which the interpenetration and synthesis of sciences of both the natural sciences and social and humanitarian profiles take place. Following this logic, the interdisciplinary Master’s program “Journalism in Intercultural and Geopolitical Communication” was designed by the authors for the Journalism specialty. The program was implemented in BSU for the first time in the 2023/2024 academic year. It includes two geographical modules: “Geopolitics and International Relations” and “Country Studies and Intercultural Communications.” The last one includes the discipline “Geoeconomics of the countries.” The educational and methodological support for teaching the first part of this discipline was designed by the authors; it is dedicated to the natural resources of the World. The author also created the original electronic educational and methodological resource using heuristic technology, smart technologies, and other innovative methods. The positive feedback from the international students was received after finishing the course.

References

1. Кольмакова Е. Г. Опыт реализации междисциплинарного подхода при проектировании географических образовательных программ углубленного высшего образования / Е. Г. Кольмакова, Н. М. Писарчук // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества: материалы II Междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 16 ноября 2023 г. / БГУ, Каф. педагогики и проблем развития образования; [редкол.: Г. В. Пальчик (гл. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 265–270.

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь: 14.01.2022, № 154-Z: принято Палатой

Представителей 21.12.2021: одобрено Советом Республики 22.12.2021: в ред. Закона Республики Беларусь 14.01.2022 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2022.

3. Образовательный стандарт углубленного высшего образования по специальности 7-06-0321-01 Журналистика: утвержден Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 18.05.2023, № 160 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2023. – С. 149–15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edustandart.by/media/k2/attachments/decreed_160_18-05-2023.pdf. – Дата доступа: 01.09.2024.

4. Примерный учебный план по специальности 7-06-0321-01 Журналистика: утвержден Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 30.01.2023, № 7-06-03-012/пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edustandart.by/media/k2/attachments/pl_7-06-0321-01_30012023.pdf. – Дата доступа: 01.09.2024.

5. Методические рекомендации по разработке и утверждению учебных планов и индивидуальных планов работ магистрантов для реализации содержания образовательных программ высшего образования II ступени: утверждено Министерством образования Республики Беларусь 18.11.2019. – Минск: Министерство образования Республики Беларусь, 2019. – 13 с.

6. Учебный план углубленного высшего образования по специальности 7-06-0321-01 Journalism (профилизация Журналистика в межкультурной и геополитической коммуникации): утвержден ректором Белорусского государственного университета 11.04.2023, № М26а-514-93уч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304750>. – Дата доступа: 1.09.2024.

7. Кольмакова, Е. Г. Geoeconomics of the countries. Учебная программа учреждения высшего образования для специальности 7-06-0321-01 Журналистика, профилизация Журналистика в межкультурной и геополитической коммуникации: утверждена 05.07.2023, № 1510/м [Электронный ресурс] / Е. Г. Кольмакова, Н. М. Писарчук, Л. О. Сушкевич. – Минск: БГУ, 2023. – 28 с. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/320393>. – Дата доступа: 01.09.2024.

8. Король, А. Д. Технология эвристического обучения в высшей школе: теория и практика / А. Д. Король. – Минск: Высшая школа, 2022. – 193 с.

9. Ялалов, Ф. Г. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию / Ф. Г. Ялалов // Высшее образование в России. – 2008. – № 1. – С. 89–93.

10. Новиков, А. М. Методология образования / А. М. Новиков – М.: Jegves, 2006. – 488 с.

11. Григоренко, Е. В. Портфолио в вузе: методические рекомендации по созданию и использованию: учебное пособие / Е. В. Григоренко. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 64 с.
12. Барнс, Л. Б. Преподавание и метод конкретных ситуаций / Л. Б. Барнс, К. Р. Кристенсен, Дж. Хансен; перевод с англ. – М.: Гардарики, 2000. – 502 с.
13. Тихомиров, В. П. Мир на пути к смарт-образованию. Новые возможности для развития / В. П. Тихомиров // Открытое образование: научно-практический журнал. Специальный выпуск “Смарт-технологии в образовании”. – 2021. – № 3. – С. 22–28.
14. Образовательный портал факультета географии и геоинформатики БГУ. Учебная дисциплина “Geoeconomics of the countries” [Электронный ресурс] / Е. Г. Кольмакова, Н. М. Писарчук, Л. О. Сушкевич. – Режим доступа: <https://edugeo.bsu.by/course/view.php?id=832>. – Дата доступа: 01.09.2024.
15. Виртуальные путешествия вокруг света Airpano [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://airpano.ru>. – Дата доступа: 10.01.2024.
16. Geoeconomics of the countries: feedback [Electronic resource]. – Access mode: https://edugeo.bsu.by/mod/feedback/show_entries.php?id=31690. – Access date: 26.01.2024.

References

1. Kol'makova E. G. Opyt realizatsii mezhdistsiplinarnogo podkhoda pri proektirovanii geograficheskikh obrazovatel'nykh programm uglublennogo vysshego obrazovaniya / E. G. Kol'makova, N. M. Pisarchuk // Diversifikatsiya pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, Minsk, 16 noyabrya 2023 g. / BGU, Kaf. pedagogiki i problem razvitiya obrazovaniya; [redkol.: G. V. Pal'chik (gl. red.) i dr.]. – Minsk: BGU, 2023. – S. 265–270.
2. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii // Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus': 14.01.2022, № 154-Z: prinyato Palatoi Predstavitelei 21.12.2021: odobreno Sovetom Respubliki 22.12.2021: v red. Zakona Respubliki Belarus' 14.01.2022 [Elektronnyi resurs] / Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Minsk, 2022.
3. Obrazovatel'nyi standart uglublennogo vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 7-06-0321-01 Zhurnalistika: utverzhden Postanovleniem Ministerstva obrazovaniya Respubliki Belarus' 18.05.2023, № 160 / Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Minsk, 2023. – S. 149–15 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://edustandart.by/media/k2/attachments/decreed_160_18-05-2023.pdf. – Data dostupa: 01.09.2024.

4. Primernyi uchebnyi plan po spetsial'nosti 7-06-0321-01 Zhurnalistika: utverzhden Postanovleniem Ministerstva obrazovaniya Respubliki Belarus' 30.01.2023, № 7-06-03-012/pr. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://edustandart.by/-media/k2/attachments/pl_7-06-0321-01_30012023.pdf. – Data dostupa: 01.09.2024.

5. Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke i utverzhdeniyu uchebnykh planov i individual'nykh planov rabot magistrantov dlya realizatsii sodержaniya obrazovatel'nykh programm vysshego obrazovaniya II stupeni: utverzhdeno Ministerstvom obrazovaniya Respubliki Belarus' 18.11.2019. – Minsk: Ministerstvo obrazovaniya Respubliki Belarus', 2019. – 13 s.

6. Uchebnyi plan uglublennogo vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 7-06-0321-01 Journalism (profilizatsiya Zhurnalistika v mezhdunarodnoi i geopoliticheskoi kommunikatsii): utverzhden rektorom Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta 11.04.2023, № M26a-514-93uch. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304750>. – Data dostupa: 1.09.2024.

7. Kol'makova, E. G. Geoeconomics of the countries. Uchebnaya programma uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya dlya spetsial'nosti 7-06-0321-01 Zhurnalistika, profilizatsiya Zhurnalistika v mezhdunarodnoi i geopoliticheskoi kommunikatsii: utverzhdena 05.07.2023, № 1510/m [Elektronnyi resurs] / E. G. Kol'makova, N. M. Pisarchuk, L. O. Sushkevich. – Minsk: BGU, 2023. – 28 s. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/320393>. – Data dostupa: 01.09.2024.

8. Korol', A. D. Tekhnologiya evristicheskogo obucheniya v vysshei shkole: teoriya i praktika / A. D. Korol'. – Minsk: Vysshaya shkola, 2022. – 193 s.

9. Yalalov, F. G. Deyatel'nostno-kompetentnostnyi podkhod k praktiko-orientirovannomu obrazovaniyu / F. G. Yalalov // Vysshee obrazovanie v Rosii. – 2008. – № 1. – S. 89–93.

10. Novikov, A. M. Metodologiya obrazovaniya / A. M. Novikov – M.: Jegves, 2006. – 488 s.

11. Grigorenko, E. V. Portfolio v vuze: metodicheskie rekomendatsii po sozdaniyu i ispol'zovaniyu: uchebnoe posobie / E. V. Grigorenko. – Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2007. – 64 s.

12. Barns, L. B. Prepodavanie i metod konkretnykh situatsii / L. B. Barns, K. R. Kristensen, Dzh. Khansen; perevod s angl. – M.: Gardariki, 2000. – 502 s.

13. Tikhomirov, V. P. Mir na puti k smart-obrazovaniyu. Novye vozmozhnosti dlya razvitiya / V. P. Tikhomirov // Otkrytoe obrazovanie: nauchno-prakticheskii zhurnal. Spetsial'nyi vypusk «Smart-tekhnologii v obrazovanii». – 2021. – № 3. – S. 22–28.

14. Obrazovatel'nyi portal fakul'teta geografii i geoinformatiki BGU. Uchebnaya distsiplina «Geoeconomics of the countries» [Elektronnyi resurs] / E. G. Kol'makova, N. M. Pisarchuk, L. O. Sushkevich. – Rezhim dostupa: <https://edugeo.bsu.by/course/-view.php?id=832>. – Data dostupa: 01.09.2024.

15. Virtual'nye puteshestviya vokrug sveta Airpano [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://airpano.ru>. – Data dostupa: 10.01.2024.

16. Geoeconomics of the countries: feedback [Electronic resource]. – Access mode: https://edugeo.bsu.by/mod/feedback/show_entries.php?id=31690. – Access date: 26.01.2024.

UDC 378.1

Natallia Aksenchyk,
Polessky State University
(Belarus)
aksenchik.n@polessu.by

INDICATORS OF EFFICIENCY OF DEVELOPMENT OF INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A REGIONAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The subject of analysis is the criteria and performance indicators for the development of the information and educational environment of a higher education institution, displayed in the functionality of the components of the system and environmental organization. When determining the characteristics, the regional specifics of the institutional organization of the modern university model 3.0 in the context of the processes of digital transformation of education were taken into account. The author identifies the tools for quantitative measurement and qualitative assessment of the formation and development of the information and educational environment.

Key words: digitalisation of education; information and communication technologies; higher education institution; information and educational environment; regional educational institution.

Наталья Аксенчик,
Полесский государственный университет
(Беларусь)
aksenchik.n@polessu.by

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Предметом анализа являются критерии и показатели эффективности развития информационно-образовательной среды учреждения высшего образования, отображаемые в функциональности компонентов системно-средовой организации. При определении характеристик учтена региональная специфика институциональной организации современного университета модели 3.0 в условиях процессов цифровой трансформации образования. Автором обозначен инструментарий количественного измерения и качественной оценки сформированности и развития информационно-образовательной среды.

Ключевые слова: цифровизация образования; информационно-коммуникационные технологии; учреждение высшего образования; информационно-образовательная среда; региональное учреждение образования.

В условиях процессов цифровой трансформации современной системы образования важной тенденцией ее развития является интеграция в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и совершенствование институциональной организации современных университетов, а также их информационно-образовательной среды (далее – ИОС). Мониторинг качественных изменений, как и разработка инструментария для оценивания сформированности и развития ИОС учреждения высшего образования (далее – УВО) являются важными направлениями научного поиска. При этом, учет специфики региональных УВО, развивающихся в рамках модели 3.0 при обеспечении триады «образование – наука – производство», представляется одним из условий решения актуальных задач изучения потенциала ИОС в качестве организуемой на информационно-коммуникационной технологической основе системно-средовой организации. Анализ исследований в данной области (публикации Е. Н. Бабина, Г. И. Ефимова, А. И. Жука, И. В. Зубриной, В. Л. Лозицкого, О. А. Минич, В. З. Сулейманова, И. А. Тавгенья, А. А. Ушакова, И. Л. Шевляковой-Борзенко, О. К. Шевченко [1–12]) позволяет сделать вывод о недостаточной разработанности заявляемой нами проблематики с учетом важности изучения информационно-образовательной среды регионального УВО, в том числе, как одного из ресурсных компонентов образовательного сегмента создаваемой в Республике Беларусь Республиканской информационно-образовательной среды (далее – РИОС), в соответствии с Концепцией цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [13].

В широком понимании эффективность образовательной системы определяется степенью максимизации результатов в достижении поставленных перед ней целей. При этом осуществление оценочной деятельности по выявлению уровня эффективности ИОС, на наш взгляд, целесообразно через анализ созданных в УВО организационных, методических, материальных и кадровых условий с учетом специфики институциональной организации учреждения образования и процессов цифровой трансформации образовательной сферы. Важен учет направленности, специфики содержания, методов и форм организации образовательного процесса в соответствии с нормативно заданными целями. С таких позиций эффективность ИОС целесообразно определять через осмысление интеграции факторов (технологического, и организационно-педагогического) в логическом единстве технико-технологических, информационных и образовательных характеристик. Сам процесс развития ИОС требует надежного и валидного диагностического инструментария, позволяющего дать такой среде комплексную оценку на основании выделения ряда избираемых индикаторов.

Определяемые нами критерии и показатели эффективности ИОС УВО рассматриваются через функциональность выделяемых компонентов (организационно-управленческий, учебный, научно-инновационный, коммуникативный, технологический) в информационной системно-средовой организации регионального УВО. При определении подходов к оцениванию ИОС УВО учтены функции ее структурных компонентов, которые в своем исследовании выделил В. Л. Лозицкий [5]. Согласимся с положениями, изложенными в публикации данного автора, отмечая следующие функции: управленческая, информационная, обучающая, развивающая, воспитательная, мотивационная, контрольно-оценочная, корректирующая, самообразования [5, с. 51–52].

Анализ исследований в области оценивания эффективности функционирования ИОС (Е. Н. Бабин, Г. И. Ефимов, В. З. Сулейманов, А. А. Ушаков, О. К. Шевченко) [1; 2; 8; 10; 12] позволил разработать методы и инструментарий количественного измерения и качественной оценки сформированности и развития ИОС учреждения образования «Полесский государственный университет» (далее – ПолесГУ) на основе выделения критериев содержательного наполнения компонентов информационно-образовательной среды [14]. В исследовании основных характеристик ИОС данного регионального университета, развивающегося в рамках модели 3.0, решалась задача определения их значимости с позиций оценивания профессорско-преподавательским составом и студентами. Это позволило определить показатели эффективности функционирования, то есть характеристики результатов образовательной деятельности по критерию их соответствия компонентам среды. Под понятием «эффективность» функционирования ИОС УВО нами понимается интегративный показатель, отражающий степень продуктивности применения технико-технологического и дидактического потенциала, а следовательно, организации и осуществления образовательного процесса в современном университете.

Интегративный показатель эффективности функционирования структурных компонентов среды (на основе нахождения медианного значения) формируется на основании разработанной карты критериальных показателей качественного развития ИОС как инструментального средства оценивания, что позволяет процессуально определять в соответствии с показателями уровень сформированности системно-средовой организации [14, с. 148].

Обозначим основные критерии, по которым проходило оценивание сформированности ИОС регионального университета, исходя из ее структурных компонентов:

– критерии оценивания организационно-управляющего компонента (администрирование программно-аппаратного обеспечения; ИКТ-компетентность

сотрудников; нормативно-правовое обеспечение системы информационного обмена (доступ и актуализация технических нормативных правовых актов) и др.);

– критерии оценивания учебного компонента (мотивация к профессиональной и учебной деятельности обучающихся; использование элементов дистанционного обучения в образовательном процессе, внедрение в образовательный процесс современных информационных технологий; информационная культура и грамотность обучающихся; мониторинг уровня и качества знаний обучающихся и др.);

– критерии оценивания научно-инновационного компонента (организация научно-исследовательской деятельности, функционирование субъектов инновационной инфраструктуры, готовность студентов к предпринимательской деятельности и др.);

– критерии оценивания коммуникативного компонента (посещаемость сайта учреждения образования; организация электронной коммуникации всех субъектов образовательного процесса и др.);

– критерии оценивания технологического компонента (возможность представления учебных материалов средствами мультимедиа; аудиторный фонд; доступ к глобальным и к информационным ресурсам учреждения образования и др.).

Основными средствами контроля и оценивания уровней (в качестве таковых в исследовании выделены подготовительный, допустимый, оптимальный, активно-деятельностный) в ходе эксперимента, осуществленного в ПолесГУ, являлись:

– количественные и качественные показатели, их сравнительный пропорциональный анализ по годам, включая данные мониторинга внутри учреждения образования, экспертные оценки по основным направлениям: программно-аппаратное обеспечение; использование электронных образовательных ресурсов, технических средств обучения, облачных технологий и лицензионных программных продуктов; данные по успеваемости студентов; реализация научно-исследовательских проектов, внедренных инновационных идей, бизнес-проектов и стартапов; функционирование центров развития инновационных территориальных кластеров, научно-технологических парков, центров трансфера технологий, отраслевых лабораторий, бизнес-инкубаторов; процентное соотношение участвующих в научно-исследовательской (инновационной) и проектной деятельности студентов от их общего количества; данные о работе библиотечного фонда и др.;

– диагностический инструментарий: диагностическая анкета «Оценка ИОС с учетом ее структурных компонентов» (для преподавателей и студентов); диагностическая карта сформированности информационно-коммуникационной

компетентности педагога; методика изучения мотивов учебной деятельности (модификация А. А. Реана, В. А. Якунина); диагностическая карта сформированности информационной культуры и грамотности обучающихся; анкета «Готовность студентов к предпринимательской деятельности»; матрица комплексного анализа сайта учреждения образования и др.

Экспериментальная апробация разработанного комплексного ресурсного обеспечения с учетом специфики регионального университета 3.0, а также инструментария оценивания поэтапного развития ИОС УВО проходило на базе ПолесГУ с соответствующей сравнительной корреляцией показателей региональных учреждений высшего образования: учреждения образования «Барановичский государственный университет» (далее – БарГУ) и учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (далее – МГПУ имени И. П. Шамякина). Осуществленная на экспериментальных площадках (ПолесГУ, БарГУ и МГПУ имени И. П. Шамякина) диагностика позволила фиксировать динамику изменения показателей развития ИОС региональных УВО на основе разработанной карты критериальных показателей ее качественного развития. По выделенным автором критериям определялось медианное значение, подсчитывалась достоверность разности показателей от первой к финальной диагностике, определялись средние значения изменений полученных результатов. На основании полученных данных были выявлены уровневые значения, которые составили основу для построения агрегированных показателей развития среды и вычисления интегративного значения по каждому из предложенных критериев содержательного наполнения компонентов ИОС. Это позволило на единой критериальной основе определить уровневые характеристики развития ИОС региональных вузов (рисунок 1).

Таким образом, сопоставительный анализ приращения интегративного показателя по итогам проведенного в ходе исследования эксперимента позволил подтвердить эффективность развития ИОС регионального УВО и разработанного диагностического ресурсного обеспечения. Полученные данные дают возможность проводить мониторинг для выявления сформированного уровня развития среды по каждому из ее структурных компонентов. Получаемые данные позволяют осуществлять прогнозирование развития ИОС в краткосрочной перспективе, исходя из целевых ориентиров, а также имеющихся организационно-управленческих механизмов.

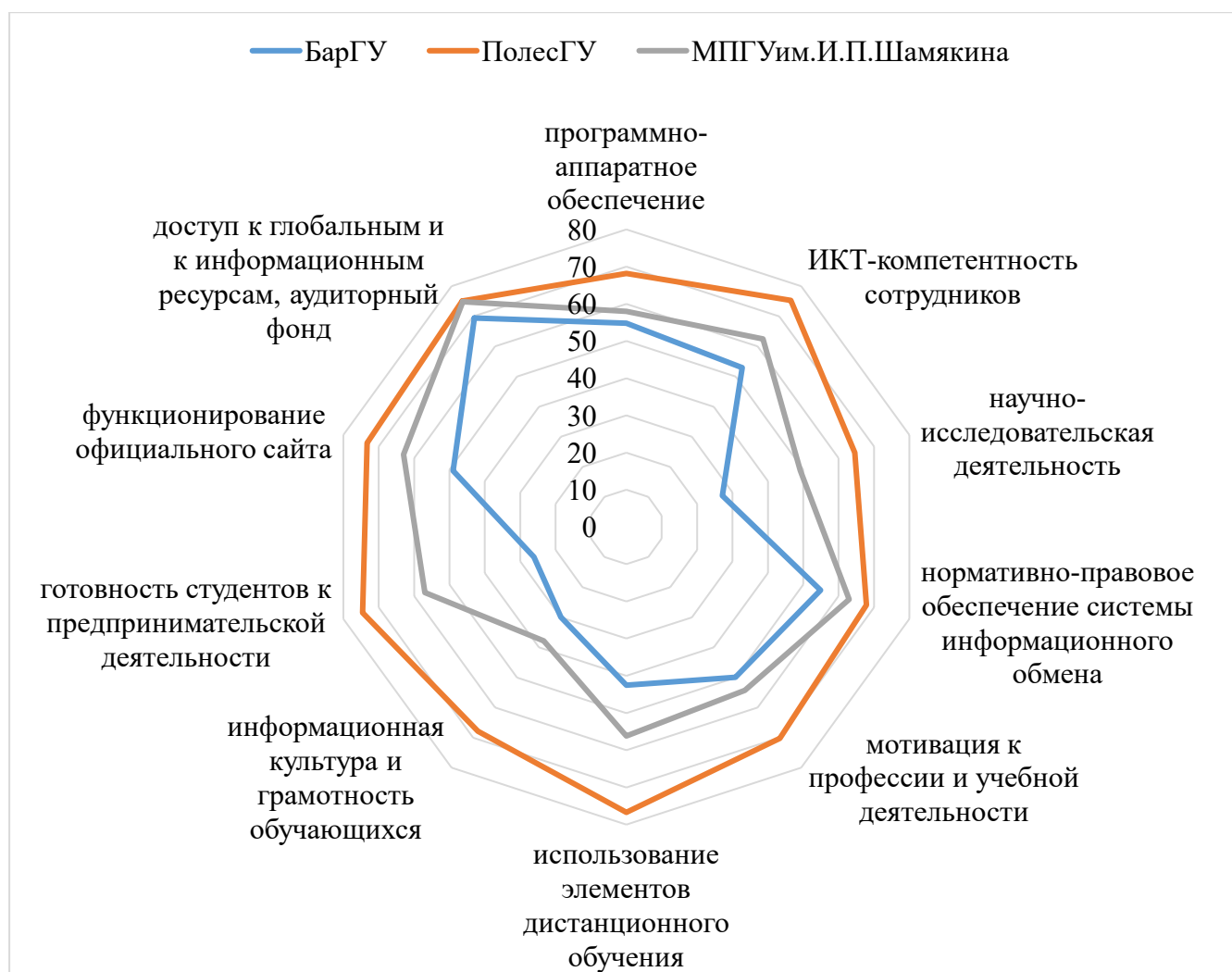

Рисунок 1. Агрегированные показатели развития информационно-образовательной среды ПолесГУ, БарГУ, МГПУ имени И. П. Шамякина

Разработанный инструментальный оценивания развития ИОС регионального УВО отвечает требованиям критериальной валидности и позволяет обеспечить ее комплексный всесторонний анализ развития, который актуален в условиях эволюции развития современного учреждения образования модели «Университет 3.0» к модели «Университет 4.0».

Список использованных источников

1. Бабин, Е. Н. Индикаторы инновационности образовательных услуг в сетевой среде университета / Е. Н. Бабин // Университетское управление: практика и анализ. – 2013. – № 1 (83). – С. 70–77.
2. Ефимов, Г. И. Информационно-образовательная среда. Методика экспертной оценки качества информационно-образовательной среды образовательного процесса в военном вузе / Г. И. Ефимов // Вестник военного образования. – 2023. – № 1 (40). – С. 74–77.

3. Жук, А. И. Информатизация образовательного процесса учреждения высшего образования: от дистанционных технологий к электронному обучению (опыт Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка) / А. И. Жук // Выш. шк. – 2016. – № 6. – С. 3–8.

4. Зубрилина, И. В. Информационная образовательная среда как средство оптимизации образовательного процесса / И. В. Зубрилина // Информационно-образовательный потенциал инновационного развития дополнительного педагогического образования: коллектив. моногр.; под ред. Н. Н. Кошель. – Минск: Изд-во АПО, 2016. – С. 204–213.

5. Лозицкий, В. Л. Информационно-образовательная среда вуза в аспекте ее полифункциональности / В. Л. Лозицкий // Выш. шк. – 2013. – № 5. – С. 51–56.

6. Лозицкий, В. Л. Дидактическая роль компонентов образовательного сегмента Республиканской информационно-образовательной среды / В. Л. Лозицкий // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – № 8 – С. 154–158.

7. Минич, О. А. Цифровая среда как неотъемлемый компонент педагогической подготовки в области методик электронного обучения / О. А. Минич // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2023. – № 1 (61). – С. 86–93.

8. Сулейманов, В. З. Организационно-педагогические условия развития информационно-образовательной среды учреждения общего среднего образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В. З. Сулейманов. – Минск, 2015. – 29 с.

9. Тавгень, И. А. О концептуальной модели информационно-образовательной среды системы открытого образования / И. А. Тавгень // Информатизация образования. – 2004. – № 4. – С. 46–53.

10. Ушаков, А. А. Оценка интегративной образовательной среды педагога как профессионально-развивающей систем / А. А. Ушаков // Интернет-журнал «Мир науки»: World of Science. Pedagogy and psychology. – 2018. – № 3, Том 6. – С. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35576379>. – Дата доступа: 22.01.2025.

11. Шевлякова-Борзенко, И. Л. Образовательная среда как экосистема: монография / И. Л. Шевлякова-Борзенко; под науч. ред. В. Ф. Русецкого. – Минск: Академия образования, 2024. – 288 с.

12. Шевченко, О. К. Метод анализа критериев и показателей эффективности информационно-образовательной среды в образовательном процессе вуза / О. К. Шевченко, Г. И. Ефимов // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-4. – С. 272–275.

13. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: утв. Министром образования Респ. Беларусь 15.03.2019. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Дата доступа: 22.01.2025.

14. Аксенчик, Н. В. Критерии содержательного наполнения структурных компонентов информационно-образовательной среды современного учреждения высшего образования / Н. В. Аксенчик // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей / Республиканский ин-т высш. школы; под ред. В. А. Гайсенка. – Минск: РИВШ, 2021. – Вып. 21: в 4 ч. – Ч. 3. – С. 145–152.

References

1. Babin, E. N. Indikatory innovatsionnosti obrazovatel'nykh uslug v setevoi srede universiteta / E. N. Babin // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. – 2013. – № 1 (83). – S. 70–77.

2. Efimov, G. I. Informatsionno-obrazovatel'naya sreda. Metodika ekspertnoi otsenki kachestva informatsionno-obrazovatel'noi sredy obrazovatel'nogo protsessa v voennom vuze / G. I. Efimov // Vestnik voennogo obrazovaniya. – 2023. – № 1 (40). – S. 74–77.

3. Zhuk, A. I. Informatizatsiya obrazovatel'nogo protsessa uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya: ot distantsionnykh tekhnologii k elektronnomu obucheniyu (opyt Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni Maksima Tanka) / A. I. Zhuk // Vysh. shk. – 2016. – № 6. – S. 3–8.

4. Zubrilina, I. V. Informatsionnaya obrazovatel'naya sreda kak sredstvo optimizatsii obrazovatel'nogo protsessa / I. V. Zubrilina // Informatsionno-obrazovatel'nyi potentsial innovatsionnogo razvitiya dopolnitel'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya: kollektiv. monogr.; pod red. N. N. Koshel'. – Minsk: Izd-vo APO, 2016. – S. 204–213.

5. Lozitskii, V. L. Informatsionno-obrazovatel'naya sreda vuza v aspekte ee polifunktsional'nosti / V. L. Lozitskii // Vysh. shk. – 2013. – № 5. – S. 51–56.

6. Lozitskii, V. L. Didakticheskaya rol' komponentov obrazovatel'nogo segmenta Respublikanskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy / V. L. Lozitskii // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. – 2023. – № 8 – S. 154–158.

7. Minich, O. A. Tsifrovaya sreda kak neot'emlemyi komponent pedagogicheskoi podgotovki v oblasti metodik elektronnoho obucheniya / O. A. Minich // Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk. – 2023. – № 1 (61). – S. 86–93.

8. Suleimanov, V. Z. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sredy uchrezhdeniya obshchego srednego obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / V. Z. Suleimanov. – Minsk, 2015. – 29 s.

9. Tavgen', I. A. O kontseptual'noi modeli informatsionno-obrazovatel'noi sredy sistemy otkrytogo obrazovaniya / I. A. Tavgen' // Informatizatsiya obrazovaniya. – 2004. – № 4. – S. 46–53.

10. Ushakov, A. A. Otsenka integrativnoi obrazovatel'noi sredy pedagoga kak professional'no-razvivayushchei sistem / A. A. Ushakov // Internet-zhurnal «Mir nauki»: World of Science. Pedagogy and psychology. – 2018. – № 3, Tom 6. – S. 4 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35576379>. – Data dostupa: 22.01.2025.

11. Shevlyakova-Borzenko, I. L. Obrazovatel'naya sreda kak ekosistema: monografiya / I. L. Shevlyakova-Borzenko; pod nauch. red. V. F. Rusetskogo. – Minsk: Akademiya obrazovaniya, 2024. – 288 s.

12. Shevchenko, O. K. Metod analiza kriteriev i pokazatelei effektivnosti informatsionno-obrazovatel'noi sredy v obrazovatel'nom protsesse vuza / O. K. Shevchenko, G. I. Efimov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2020. – № 68-4. – S. 272–275.

13. Kontseptsiya tsifrovoy transformatsii protsessov v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus' na 2019–2025 gody [Elektronnyi resurs]: utv. Ministrom obrazovaniya Resp. Belarus' 15.03.2019. – Rezhim dostupa: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view. – Data dostupa: 22.01.2025.

14. Aksenichik, N. V. Kriterii sodержatel'nogo napolneniya strukturnykh komponentov informatsionno-obrazovatel'noi sredy sovremennogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya / N. V. Aksenichik // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. statei / Respublikanskii in-t vyssh. shkoly; pod red. V.A. Gaisenska. – Minsk: RIVSh, 2021. – Vyp. 21: v 4 ch. – Ch. 3. – S. 145–152.

PHILOLOGY
ФИЛОЛОГИЯ

UDC 811.581'366.584: 161.12 (045)

Pavel Gibkij,
Minsk State Linguistic University
(Belarus)
pavel.gibkiy@bk.ru

THE FUTURE TENSE CATEGORY
IN THE CHINESE LANGUAGE

The future tense is a linguistic universal, and it also exists in the Chinese language, which has its specific means of explication. This article examines the language means (lexical and syntactic) of denoting the category of the future tense in the Chinese language, as well as the future tense effect, the means of its creation are presented and described – the following combinations of syntax alphabet signs (functional linguistic units), that execute this role: the semi suffix 了 (le) and the modal particle 了 (le); the sign of syntax alphabet 再 (zài) and the modal particle 了 (le); the amplifier 就 (jiù) and two modal particles 了 (le).

Keywords: syntax; Chinese language; future tense; future tense effect; lexemes; modus yogens; signs of syntax alphabet.

Павел Гибкий,
Минский государственный
лингвистический университет
(Беларусь)
pavel.gibkiy@bk.ru

КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Будущее время, являясь языковой универсалией, присутствует и в китайском языке, в котором существуют свои специфические средства его экспликации. В данной статье рассмотрены языковые (лексические и синтаксические) средства обозначения категории будущего времени в китайском языке, в том числе эффект будущего времени, представлены и описаны средства его создания – комбинации знаков алфавита синтаксиса (служебных языковых единиц), выполняющих данную роль: полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le); знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le); амплификатора 就 (jiù) и двух модальных частиц 了 (le).

Ключевые слова: синтаксис; китайский язык; будущее время; эффект будущего времени; лексемы; модусные ёгены; знаки алфавита синтаксиса.

Введение

В каждом языке существуют собственные специфические средства обозначения будущего времени, причем данная категория не всегда представлена эксплицитно. К примеру, по мнению Д. Эверетта, в языке племени *пираха* нет ни четкого деления на времени на прошедшее, настоящее, будущее, ни понятия *завтрашнего дня* [1, с. 290].

Китайский язык является аморфным (нет словоизменения) и аппликативным (доминирующим способом словообразования является аппликация или корнесложение) [2]. По этой причине в нем отсутствуют морфологические обозначения будущего времени типа русских *найду*, *буду искать*.

В данной статье рассматриваются лексические средства обозначения категории будущего времени в китайском языке, а также такое синтаксическое явление, как эффект будущего времени, выявлены и описаны средства его создания.

Методологической основой исследования является комбинаторная семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая отображение естественным языком ролей индивидов в событии [3]. Ниже приведены ключевые термины из данной научной парадигмы, используемые в статье.

Знаки алфавита синтаксиса (ЗАС) – «вспомогательные средства синтаксиса, служащие для соединения составных частей языковых структур и образования морфологических парадигм»¹ [4, с. 11] (на макроуровне – предлоги, послелогии, союзы, частицы и др., которые относятся ко всему предложению, на микроуровне (уровне лексических единиц) – флексии, префиксы, постфиксы, инфиксы, полусуффиксы² и др.) [2]. Данные языковые единицы не играют ролей в предложении и характеризуются сугубо служебным значением.

Мы называем 了 (*-le*) и 过 (*guo*) полусуффиксами, поскольку лексическое значение данных формантов полностью не стерто: известно, что и полусуффикс 了 (*-le*), и модальная частица 了 (*le*) произошли из ёгена 了 (*liǎo*, завершать). В современном китайском языке 了 (*liǎo*) употребляется в другом значении, указывает на возможность / невозможность осуществления процесса: 我记得得了 ('могу запомнить'); 我忘不了 ('не могу запомнить'). Полусуффикс 过 (*guo*) в свою очередь, восходит к ёгену 过 (*guo*, 'проходить, миновать'), который продолжает

¹ Термин «морфологическая парадигма» применим к синтетическим флективным языкам, в которых присутствует морфология, например, к белорусскому, русскому и т. д.

² У полусуффиксов лексическое значение практически полностью стерто (стерто семантическое ядро и ближняя периферия, присутствует только дальняя) [2].

использоваться в этом значении до сих пор. Рассматривая различия в употреблении полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), следует также отметить, что полусуффикс всегда находится после ёгена, обозначающего процесс, модальная частица – после тайгена. Как указано в «Основах китайской грамматики», модальная частица 了 (le), прежде всего, сигнализирует об изменении ситуации, обозначает не только то, что процесс уже был завершен, но и то, что он будет осуществлен в дальнейшем [5; 6, с. 9].

Амплификатор – знак алфавита синтаксиса, который усиливает (акцентирует) семантику лексемы в роли члена предложения [2].

Амплификатор 就 (jiù) может акцентировать быструю смену событий / их суперпозицию (причинно-следственную связь между ними) / то, что событие произойдет вскоре после момента речи / в определенный момент времени и др. [2].

再 (zài) обозначает итерацию (повторное осуществление) незавершенного процесса, а также процесс, который больше не будет произведен, и, следовательно, не будет завершен [2]. Исходя из процедуры разграничения интенсивных и экстенсивных ёгенов, данный ЗАС определяется как *экстенсификатор*, так как обозначает многократный (как минимум, двухкратный), то есть, итеративный (повторяющийся), а значит, экстенсивный процесс [7, с. 23].

Поскольку в статье, кроме прочего, исследуется обозначение будущего времени лексическими единицами и их комбинациями, целесообразно также привести определение термина «лексема».

Лексема – «тайген или ёген конкретного естественного языка» [8, с. 35].

Далее рассмотрим декларативное и процедуральное обозначение языковых явлений.

Согласно А. Н. Гордею, множества могут задаваться двумя способами: декларативным – прямым перечислением составляющих множество элементов или процедуральным – указанием процедуры составления множества из элементов [9, с. 6]. Применительно к лингвистике декларативно обозначать какое-либо языковое явление может одна языковая единица, непосредственным образом указывающая на него (либо в рассматриваемом, либо в предыдущем / последующем предложении). Декларативно (прямым образом) на будущее время указывают лексемы / модусные ёгены (要 (yào) / 会 (huì)³ и др.) / контекст. Процедурально обозначать какую-либо лингвистическую категорию, в том числе

³ «В комбинаторной семантике лексемы, обозначающие признаки, уточняемые другими лексемами, но не уточняющие других лексем, называют модальными ёгенами» [10]. В их состав входит модусная подгруппа.

времени, может парная комбинация каких-либо языковых единиц [2], каждая из которых в изолированном употреблении такую роль не выполняет.

Следует отметить, что *отдельно взятый знак алфавита синтаксиса не включает событие в план прошедшего / настоящего / будущего / будущего в прошлом* [11, с. 35], только комбинация данных служебных языковых знаков может процедурально обозначать время [2]. По этой причине ни 再 (zài), ни 就 (jiù), которые являются ЗАС макроуровня, не указывают на будущее время.

То, что данные языковые единицы *не являются временными показателями*, подтверждается их встречаемостью в контекстах, относящихся к прошлому и настоящему (см. примеры из электронной версии Большого китайско-русского словаря [12] ниже).

1. 原希望通过实行法治和任用贤能把楚国变成一个富强的大国, 但是, 屈原的做法得罪了贵族势力, 楚怀王听信了这些人的谗言, 不再信任他 (‘Цюй Юань надеялся, проведя в использование управление на основе законов и наняв способных специалистов, превратить королевство Чу в богатейшую державу, единственное, то, как действовал Цюй Юань (буквально: ‘способ действия Цюй Юаня’), оскорбило аристократические силы, король Хуай поверил клевете этих людей, больше не доверял ему’): в данном примере нет лексем, которые могли бы декларативно (прямым образом) обозначать временные отношения, но, судя по контексту, предложение вплетено в нить исторического повествования об уже произошедших событиях. Более того, парной комбинацией полусуффиксов 了 (-le) создан эффект прошедшего времени: каждый из данных языковых знаков указывает на завершенность двух описываемых процессов, которые были последовательно завершены в прошлом, то есть один процесс был выполнен вслед за другим.

2. 我不想再工作了, 今天要结束了吗? (‘Я больше не хочу работать. Когда уже кончится этот день?’): на настоящее время декларативно указывает лексема 今天 jīntiān (этот день / сегодня). Говорящий утверждает, что больше не желает выполнять *работу*. Соответственно, исходя из контекста, данный процесс, скорее всего, больше не будет осуществлен, на что указывает экстенсификатор 再 (zài) в сочетании с негатором 不 (bù).

3. 老王昨天就踩点儿去了 (‘Лao Ван как раз вчера отправился изучать местность’): лексема 昨天 zuótiān (‘вчера’) декларативно (прямым образом) относит предложение к плану прошедшего времени. Амплификатор 就 (jiù) подчеркивает, что описываемое событие произошло в указанный момент времени, то есть, по словам рассказчика, Лao Ван отправился изучать местность именно вчера.

4. 现在就去吧, 时间紧迫 (‘А теперь иди, время терять нельзя’): настоящее время декларативно обозначается лексемой 现在 *xiànzài* (сейчас). Говорящий побуждает слушающего осуществить описываемый процесс (*пойти*) прямо сейчас. Соответственно, амплификатор 就 (*jiù*) подчеркивает, что описываемое событие должно произойти в *определенный момент времени*.

Основная часть

В приведенных в таблице примерах из электронной версии Большого китайско-русского словаря [12] и Лингвистического корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [13] лексемы декларативно (прямым образом) обозначают будущее время в китайском языке.

Таблица 1 – Обозначение будущего времени декларативными средствами китайского языка

Пример	Перевод	Интерпретация
1. 他明天来了, 我们再说 [12]	Он завтра придет, тогда и поговорим ⁴	Лексема 明天 (<i>míngtiān</i> , ‘завтра’) указывает на то, что процесс <i>прихода</i> осуществится в течение последующего дня, то есть в ближайшем будущем. Экстенсификатор 再 (<i>zài</i>) обозначает повторное осуществление процесса <i>разговора</i>
2. 此项工程明年即能完成 [12]	Это строительство может быть закончено в следующем году	Лексема 明年 (<i>míngnián</i> , ‘в следующем году’) указывает на то, что процесс <i>завершения строительства</i> будет выполнен в следующем году, то есть в течение длительного промежутка времени в недалеком будущем.
3. 如果这个周末你们去野餐, 把我也算上 [12]	Если вы идете на пикник на этих выходных, на меня	Комбинация лексем 这个周末 (<i>zhè ge zhōu mò</i> , ‘на этих выходных’) не является типичным декларативным

⁴ Дословно: ‘еще раз поговорим’.

Пример	Перевод	Интерпретация
	тоже рассчитывайте	лексическим средством китайского языка, обозначающим будущее время. К плану будущего данное событие относит контекст. Фраза 把我也算上 (<i>bǎ wǒ yě suàn shàng</i> , ‘на меня тоже рассчитывайте’) выражает намерение говорящего осуществить описываемый процесс (<i>пойти на пикник</i>) в будущем
4.既然如此，过几年后我再告诉你们 [12]	Раз уж на то пошло, поговорим через несколько лет ⁵	Комбинация лексем 几年 (<i>jǐ nián</i> , ‘несколько лет’) в сочетании с ёгеном 过 (<i>guo</i> , ‘проходить, миновать’) и послелогом 后 (<i>hòu</i>) указывает на то, что процесс <i>разговора</i> совершится через определенное время в обозримом будущем. Экстенсификатор 再 (<i>zài</i>) указывает на <i>итерацию</i> процесса, то есть в данном контексте на то, что <i>разговор</i> будет снова осуществлен
5.你可能会在将来累垮的 [12]	Тебе грозит выгорание в будущем ⁶	Лексема 将来 (<i>jiāng lái</i>) обозначает, что описываемое событие может произойти в неопределенный момент в будущем. Модусный ёген 会 (<i>huì</i>) указывает на высокую степень вероятности осуществления процесса <i>выгорания</i>
6.下次我再问问其他人，不过可能要好几天之后了 [12]	Я спрошу в следующий раз, когда буду говорить с остальными. Но не	Комбинация лексем 好几天 (<i>hǎo jǐ tiān</i> , ‘не менее нескольких дней’) в комбинации с послелогом 之后 (<i>zhīhòu</i> , ‘после, в последующем’)

⁵ Буквально: ‘еще раз поговорим через несколько лет’.⁶ Другими словами, ‘ты можешь выгореть в будущем’.

Пример	Перевод	Интерпретация
	ранее, чем через несколько дней' ⁷	указывает на то, что рассказчик запросит информацию, необходимую слушающему не ранее, чем <i>через несколько дней</i>. Другими словами, определен минимальный временной порог для наступления события. «<i>Не ранее</i>» исключает возможность осуществления события до определенного момента. «<i>Через несколько дней</i>» обозначает определенный промежуток времени в будущем, отсчитываемый от момента произнесения высказывания. Следовательно, событие произойдет только после истечения нескольких дней, но точный момент его осуществления не указан
7.等下个月我手头松一些, 再给你寄钱去 [12]	Подожди до следующего месяца — как только у меня станет несколько легче с деньгами, я вновь пошлю тебе денег	Комбинация лексем 下个月 (<i>xià gè yuè</i>, ‘в следующем месяце’) указывает на то, что, согласно говорящему, описываемое событие произойдет с наступлением следующего месяца, то есть в обозримом будущем. Описывается временной интервал, начинающийся с момента завершения данного месяца и продолжающийся в его пределах. Говорящий отсылает слушающего к периоду, который наступит после текущего месяца, обещает, что <i>пошлет ему денег, как только станет легче с деньгами</i>. Экстенсификатор 再 (<i>zài</i>) демонстрирует итерацию или

⁷ Буквально: ‘должно пройти еще несколько дней после этого’.

Пример	Перевод	Интерпретация
		повторное совершение <i>отправления денег</i> . Нужно подчеркнуть, что 给 (<i>gěi</i>) в данном предложении является полупредлогом, то есть знаком алфавита синтаксиса, обозначает направленность процесса на собеседника (给你, <i>gěi nǐ</i> – ‘тебе’, в русском языке данную роль выполняет форма дательного падежа)
8. 二十年之外, 吴其为沼乎! [12]	А через двадцать лет княжество У станет болотом!	Комбинация лексем 二十年之外 (<i>èr shí nián zhī wài</i>) обозначает следующее: по словам рассказчика, данное событие произойдет через длительный период времени (через двадцать лет) в будущем
9. 爸爸, 我明天出差, 下星期四回来, 您记得按时吃药 [12]	Папа, завтра я уезжаю в командировку, вернусь в следующий четверг, не забывай своевременно принимать лекарство	Комбинация лексем 下个星期四 (<i>xià xīngqísì</i> , ‘в следующий четверг’) указывает на то, что описываемый процесс будет реализован <i>в следующий четверг</i> , то есть в определенный момент в ближайшем будущем
10. 上午上党课, 晚上开班会, 下个星期天 上午还要考试! [13]	У меня утром (дословно: ‘до полудня’) будут вечерние занятия, вечером классные собрания, еще и экзамены утром в следующее воскресенье! ⁸	Рассказчик перечисляет события, которые, согласно его планам, ожидают его в будущем. Судя по контексту, лексемы 上午 (<i>shàngwǔ</i> , ‘до полудня, т. е. утром’) и 晚上 (<i>wǎnshang</i> , ‘вечером’) указывают на то, что первые два описываемых события (<i>вечерние занятия и классные собрания</i>) будут проходить в ближайшем будущем, то есть в тот же день, через

⁸ Говорящий, скорее всего, является школьным учителем и классным руководителем.

Пример	Перевод	Интерпретация
		определенные промежутки времени после момента речи, которые в данном высказывании не указаны говорящим. Комбинация лексем 下个星期天 xià gè xīngqī tiān ('в следующее воскресенье' обозначает отнесенность третьего рассматриваемого события к недалекому будущему (<i>следующей неделе</i>). Лексема 上午 (shàngwǔ, 'до полудня') подчеркивает то, что оно должно осуществиться <i>до 12.00</i>

Дадим некоторые пояснения к таблице. Что касается 将 (*jiāng*), в большинстве случаев, в том числе и в тех, что представлены в таблице 1, этот языковой знак является лексической единицей (свернутый вариант 将来, *jiānglái*), то есть лексемой, но мы не исключаем возможность его употребления в роли знака алфавита синтаксиса. В первом и пятом предложениях в таблице 过 (*guo*) является ёгеном, поскольку обладает самостоятельным значением ('проходить, миновать') и ролью в предложении (является сказуемым). Будучи полусуффиксом и знаком алфавита синтаксиса микроуровня, 过 (*guo*) не имеет самостоятельного значения и роли в предложении, а только навешивается на ёген, обозначая долгий завершённый процесс [2], в комбинации с негатором 没 (*méi*) означает, что данный процесс никогда не был осуществлен, и, соответственно, завершен.

Эффект будущего времени в китайском языке, который также является объектом нашего внимания в данной статье, рассматривается как временной промежуток, возникающий между завершёнными процессами в будущем [14; 15], представляемый процедурально, то есть комбинацией знаков алфавита синтаксиса. Ниже приведем предложения из электронной версии Большого китайско-русского словаря [12] и Лингвистического корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [13], иллюстрирующие названное синтаксическое явление.

他走了, 你自然就放下了 [13] ('Когда он уйдет, ты, естественно,пустишь его'): описываются два процесса (*уйдет* и *отпустишь*), которые будут последовательно завершены в будущем (сначала первый, потом второй).

Амплификатор 就 (*jiù*), с одной стороны, акцентирует быструю смену событий (имеется в виду то, что одно событие сменяет другое, то есть происходит вслед за ним), с другой стороны, суперпозицию (причинно-следственную связь между ними): собеседник, по мнению говорящего, *сразу же после отъезда* второго участника события отпустит его. Полусуффикс 了 (*-le*) обозначает завершенность процесса, модальная частица 了 (*le*) в конце второго предложения указывает на изменение ситуации (до момента речи оба были вместе, а после него один покинет другого).

你把材料整理好了再动笔 (‘Как приведешь в порядок материалы, снова начинай писать’) [12]. Рассказчик инструктирует слушающего, то есть в императивной форме сообщает, что нужно будет сделать в будущем. В первую очередь необходимо *привести в порядок* материалы; после того, как это произойдет, ситуация изменится, на что указывает модальная частица 了 (*le*), и можно будет *снова начинать писать*. Экстенсификатор 再 (*zài*) указывает на *итерацию* описываемого процесса [2], в данном случае речь идет о том, что слушающий должен *вновь начинать писать*.

好它, 别弄丢了。过段时间我再来拿 (‘Хорошо, не потеряй. Через некоторое время вернусь и заберу’) [12]. Во-первых, говорящий в императивной форме побуждает собеседника не осуществлять определенный процесс (*не потерять предмет*), не устанавливая конкретные временные рамки. Во-вторых, через недолгий, но неопределенный промежуток времени рассказчик собирается вернуться (再来, *zàilái* буквально переводится как ‘снова прийти’). Модальная частица 了 (*le*) в конце первого предложения обозначает нежелательное изменение ситуации, делается акцент на том, что его нужно избежать. Экстенсификатор 再 (*zài*) указывает на то, что процесс прихода будет осуществлен повторно, то есть на его *итерацию*.

去问她好了。我可不能中断手中的实验, 不然这么多工夫就白费了! (‘Ступай и спроси ее об этом. Я не могу сейчас оторваться от эксперимента, иначе вся работа пойдет насмарку!’) [12]. Говорящий выражает свое недовольство и нежелание отвлекаться от занятия (эксперимента), в которое он вовлечен в момент речи, поэтому побуждает слушающего к тому, чтобы он сам *пошел и задал вопрос*. Другими словами, согласно первому предложению, ситуация должна измениться по инициативе рассказчика для достижения положительного результата события. Судя по контексту второго предложения, в противном случае, исход будет крайне неблагоприятным: *这么多工夫就白费了* (*zàilái*, дословно: ‘так много работы будет сделано зря’). В первом предложении и во второй части второго модальная частица 了 (*le*) указывает на изменение ситуации (в обоих случаях оно еще не

осуществилось, согласно первому предложению, говорящий требует изменить положение дел сразу после завершения высказывания, согласно второму предложению, говорится о том, что ситуация может измениться не в лучшую сторону). Амплификатор 就 (*jiù*)⁹ акцентирует быструю смену событий и причинно-следственную связь между ними.

В рассмотренных выше предложениях эффект будущего времени создан процедуральными синтаксическими средствами китайского языка, которыми являются следующие комбинации знаков алфавита синтаксиса: в первом предложении – полусуффикса 了 (*-le*) и модальной частицы 了 (*le*); во втором и третьем – экстенсификатора 再 (*zài*) и модальной частицы 了 (*le*); в четвертом – амплификатора 就 (*jiù*) и двух модальных частиц 了 (*le*).

Заключение

Таким образом, в рамках данного исследования проанализировано 717 предложений из электронной версии Большого китайско-русского словаря и 51 предложение из Лингвистического корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры, в результате чего выявлено 8 случаев создания эффекта будущего времени, представлены 4 из них. В 72 примерах из 717 исследованных время обозначается лексемами либо на него указывает контекст.

Категория будущего времени, будучи языковой универсалией, существует в том числе и в китайском языке, в котором обозначать будущее время могут лексические единицы / их комбинации, контекст, а также модусные ёгены (要 (*yào*), 会 (*huì*) и др.). Кроме того, сочетанием двух знаков алфавита синтаксиса китайского языка (служебных языковых единиц) может создаваться эффект будущего времени. Выявлены следующие комбинации ЗАС, выполняющих данную роль: полусуффикса 了 (*-le*) и модальной частицы 了 (*le*), экстенсификатора 再 (*zài*) и модальной частицы 了 (*le*), амплификатора 就 (*jiù*) и двух модальных частиц 了 (*le*).

Список использованных источников

1. Everett, D. L. Pirahã / D. L. Everett // Derbyshire D. C., Pullum G. K. (eds). Handbook of Amazonian Languages. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – pp. 200–325.
2. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный

⁹ Находится перед ёгеном 白费 (*báifèi*, тратить зря / впустую), выполняющим в предложении роль сказуемого.

курс / А. Н. Гордей. Минск, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

3. Гордей, А. Н. Вновь о семантическом подходе к обработке данных на естественном языке / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / ФГБОУВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». – Рязань: Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2023. – Вып. 3 (66). – С. 5–18.

4. Гордей, А. Н. Части языка и члены предложения / А. Н. Гордей // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 окт. 2021 г. Минск: МГЛУ, 2021. – С. 9–11. – Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/8187>. – Дата доступа: 30.01.2025.

5. Ван, Ляо-и. Основы китайской грамматики / Ляо-и Ван; пер. с кит. Г. Н. Райской; под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-Юаня. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 262 с.

6. Москалева, А. Ю. Информационная семантика и комбинаторика инкорпоративного комплекса китайских предикативов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (китайский язык) / А. М. Москалева. – Минск, 2023. – 20 с.

7. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.

8. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.

9. Гордей, А. Н. О декларативном и процедуральном представлении знаний / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 3(58). – С. 5–12.

10. Гордей, Е. А. Парадигма модусных ёгенов в китайском языке / Е. А. Гордей // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2019. – № 2 (99). – С. 7–13.

11. Гибкий, П. В. Семантика и комбинаторика знаков алфавита синтаксиса 了 (le), 又 (yòu) и 再 (zài) в китайском языке / П. В. Гибкий // Материалы научно-практической конференции «Лингвистика, лингводидактика и переводоведение: настоящее и будущее»: сборник статей. – М.: МИЭТ, 2024. – С. 33–39.

12. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] // 大 БКРС. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 30.01.2024.

13. Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа: 26.01.2025.

14. Гибкий, П. В. Создание эффекта будущего времени синтаксическими

средствами китайского языка / П. В. Гибкий // Актуальные проблемы филологии: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. – Екатеринбург, 27 апреля 2023 г. – Вып. 27 / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 221–226.

15. Гибкий, П. В. Методическое построение занятия: «Эффект будущего времени в китайском языке [Электронный ресурс] / П. В. Гибкий // Материалы XVI Международной научно-практической конференции на английском языке «Диалог культур». В 3 ч. / Минобрнауки РФ; ФГБОУ ВО «С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна»; сост. Е. Н. Лашина, М. С. Липатов; под общ. ред. В. В. Кирилловой. – СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2023. – Ч. III. – С. 256–260. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-organizatsiya-zanyatiya-sozдание-effekta-proshedshego-vremeni-v-kitayskom-yazyke-kombinatsiey-polusuffiksov-i>. – Дата доступа: 19.09.2024.

References

1. Everett, D. L. Pirahã / D. L. Everett // Derbyshire D. C., Pullum G. K. (eds). Handbook of Amazonian Languages. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – pp. 200–325.

2. Hardzei, A. N. Teoreticheskaya grammatika vostochnykh yazykov: lektsionnyi kurs / A. N. Hardzei. Minsk, 2007. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).

3. Hardzei, A. N. Vnov' o semanticheskome podkhode k obrabotke dannykh na estestvennom yazyke / A. N. Hardzei // Inostrannye yazyki v vysshei shkole / FGBOUVO «Ryazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina». – Ryazan': Redakts.-izd. tsentr RGU im. S. A. Esenina, 2023. – Vyp. 3 (66). – S. 5–18.

4. Hardzei, A. N. Chasti yazyka i chleny predlozheniya / A. N. Hardzei // Semanticheskii potentsial yazykovykh edinit i ego realizatsiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 20–21 okt. 2021 g. Minsk: MGLU, 2021. – S. 9–11. – Rezhim dostupa: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/8187>. – Data dostupa: 30.01.2025.

5. Van, Lyao-i. Osnovy kitaiskoi grammatiki / Lyao-i Van; per. s kit. G. N. Raiskoi; pod red. A. A. Dragunova i Chzhou Sun-Yuanya. – M.: Izd-vo inostr. lit., 1954. – 262 s.

6. Moskaleva, A. Yu. Informatsionnaya semantika i kombinatorika inkorporativnogo kompleksa kitaiskikh predikativov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: spetsial'nost' 10.02.22 Yazyki narodov zarubezhnykh stran Evropy, Azii, Afriki, aborigenov Ameriki i Avstralii (kitaiskii yazyk) / A. M. Moskaleva. – Minsk, 2023. – 20 s.

7. Hardzei, A. N. Metasemantika yazykovykh kategorii / A. N. Hardzei // Vtorye chteniya, posvyashchennye pamyati professora V. A. Karpova, Minsk: Izd. tsentr BGU, 2008. – S. 19 – 24.

8. Hardzei, A. N. Osnovaniya kombinatornoj semantiki / A. N. Hardzei // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. tr. po leksikografii / otv. red. L. V. Rychkova [i dr.]. – Grodno: GrGU, 2005. – S. 32–35.
9. Hardzei, A. N. O deklarativnom i protsedural'nom predstavlennii znanii / A. N. Hardzei // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – 2021. – № 3(58). – S. 5 – 12.
10. Hardzei, E. A. Paradigma modusnykh egenov v kitaiskom yazyke / E. A. Gordei // Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya. – 2019. – № 2 (99). – S. 7–13.
11. Gibkij, P. V. Semantika i kombinatorika znakov alfavita sintaksisa 了(le), 又(yòu) i 再(zài) v kitaiskom yazyke / P. V. Gibkij // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lingvistika, lingvodidaktika i perevodovedenie: nastoyashchee i budushchee»: sbornik statei. – M.: MIET, 2024. – S. 33–39.
12. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Elektronnyi resurs] // 大 BKRS. – Rezhim dostupa: <https://bkrs.info>. – Data dostupa: 30.01.2024.
13. Lingvisticheskii korpus kitaiskogo yazyka Pekinskogo universiteta yazyka i kul'tury. – Rezhim dostupa: <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Data dostupa: 26.01.2025.
14. Gibkij, P. V. Sozdanie efekta budushchego vremeni sintaksicheskimi sredstvami kitaiskogo yazyka / P. V. Gibkij // Aktual'nye problemy filologii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. – Ekaterinburg, 27 aprelya 2023 g. – Vyp. 27 / Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. – Ekaterinburg: UrGPU, 2023. – S. 221–226.
15. Gibkij, P. V. Metodicheskoe postroenie zanyatiya: «Effekt budushchego vremeni v kitaiskom yazyke [Elektronnyi resurs] / P. V. Gibkij // Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii na angliiskom yazyke «Dialog kul'tur». V 3 ch. / Minobrnauki RF; FGBOU VO «S.-Peterb. gos. un-t promyshlennykh tekhnologii i dizaina»; sost. E. N. Lashina, M. S. Lipatov; pod obshch. red. V. V. Kirillovoi. – SPb.: VShTE SPbGUPTD, 2023. – Ch. III. – S. 256–260. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-organizatsiya-zanyatiya-sozdanie-effekta-proshedshego-vremeni-v-kitayskom-yazyke-kombinatsiey-polusuffiksov-i>. – Data dostupa: 19.09.2024.

UDC 378.016:81'25

Yana Osipava,
Minsk State Linguistic University
(Belarus)
y.osipava@gmail.com

DOMINANT DIFFICULTIES OF INTERPRETER'S PERCEPTION OF ACCENTED ENGLISH SPEECH IN CONSECUTIVE INTERPRETING

The targeted training of translators in the perception of accent speech in English is one of the key components of the formation of professional competence. The report notes that interference caused by significant deviations in non-native English speakers' speech leads to excessive strain on interpreters' cognitive mechanisms, creating an intensive cognitive load on short-term memory. Based on the analysis of cognitive difficulties faced by interpreters in consecutive interpreting, phonetic peculiarities of regional variants of English, and components of the interpreter's perceptual competence, key factors determining the quality of interpreters' perception of accented English speech were identified. These include the interpreter's ability to allocate cognitive resources competently at all stages of the interpreting process, the interpreter's awareness of possible deviations in speech, and the speaker's level of English proficiency.

Keywords: consistent translation; phonetics; deviations; cognition; perceptual difficulties.

Яна Осипова,
Минский государственный
лингвистический университет
(Беларусь)
y.osipava@gmail.com

ДОМИНАНТНЫЕ ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ АКЦЕНТНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СИТУАЦИИ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Целенаправленное обучение переводчиков восприятию акцентной речи на английском языке является одним из ключевых компонентов формирования профессиональной компетентности. В статье отмечается, что девиации в речи носителя английского языка становятся причиной повышения когнитивной нагрузки на память переводчика. На основании анализа когнитивных трудностей, возникающих у переводчика в ситуации устного

последовательного перевода, произносительных характеристик вариантов английского языка и компонентов перцептивной компетенции переводчика, были выделены факторы, определяющие качество восприятия переводчиком акцентной речи на английском языке в ситуации устного последовательного перевода: способность переводчика грамотно распределять когнитивные ресурсы на всех этапах процесса перевода, уровень владения адресантом английским языком; уровень сформированности у переводчика перцептивно-фонетических навыков.

Ключевые слова: последовательный перевод; фонетика; девиации; когнитивность; трудности восприятия.

Введение

Согласно данным Кембриджского академического центра оценки уровня владения английским языком, около 85 % международных компаний используют английский язык в качестве одного из своих рабочих языков [1]. Более того, только в 4 % случаев в общении на английском языке участвуют исключительно носители языка [2]. В остальных беседах присутствует как минимум один неноситель английского языка. Согласно исследованию С. Чанга и К. Ву, проведенному среди специалистов, осуществляющих перевод 25 международных конференций в Тайване, перевод речи выступающих на английском языке, который не является для них родным, стал неотъемлемой частью профессиональной деятельности современного переводчика [3, с. 170].

Кроме того, в исследованиях З. Г. Прошиной, В. В. Алимова, Д. Жилия высказывается мысль о том, что девиации на разных уровнях языка (фонетическом, морфемном, лексическом и синтаксическом) представляют собой одну из наиболее актуальных проблем для процесса устного перевода [4–7]. Это подтверждается и данными проведенного нами анкетирования 30 профессиональных переводчиков, где 83,2 % опрошенных сталкивались с нарушением говорящими норм английского языка, что мешало достичь требуемого качества перевода. Согласно данным анкетирования, больше всего трудностей в процессе устного перевода вызывает у респондентов смешение говорящим фонемных признаков (2,66 баллов из 5 по степени трудности). В исследованиях А. Мартин и И. Марти опрошенные переводчики указывали, что среди причин трудностей, которые возникают в процессе перевода, главной является речь адресанта, значительно искаженная акцентом [8, с. 203–204]. Кроме того, в экспериментальных исследованиях Е. Сабатини [9, с. 62] и И. Курц [10, с. 183] доказано, что качество устной речи переводчика ухудшается, если у говорящего на английском языке присутствует сильный акцент. И. Лин, Л. Чанг и Х. Куо [11, с. 17] отмечают, что в ситуации устного перевода акцентная речь приводит к значительно большей потере информации по сравнению с восприятием переводчиком речи носителя английского языка.

Влияние акцентной речи на процесс устного последовательного перевода

Несмотря на наличие в отечественных и зарубежных исследованиях емких и удачных, на наш взгляд, определений понятий «акцент», «иноязычный акцент», «фонетический акцент», *'foreign accent'*, *'non-native accent'*, мы обратили внимание на то, что, за исключением единичных работ, в научной литературе не принято разграничивать понятия «акцент» и «акцентная речь». Однако, когда используется понятие «акцент», авторы концентрируются на результативной стороне, не затрагивая процесс порождения звуков. Между тем, акцентная речь – это не только результат, но и процесс порождения речи с использованием девиантных вариаций фонологического и просодического характера. Если акцентная речь рассматривается именно как процесс говорения, его результатом выступает устное высказывание, характеризующееся наличием девиаций на сегментном (звуковом) и супraseгментном (просодическом) уровне. Данные девиации являются специфическими для определенной национально-языковой группы и распознаются носителями языка в качестве отклонений от общепринятых фонетических норм. Кроме того, как отмечают Ж. Багана и Е. В. Хапилина, акцентная речь «характеризуется не только искажением произносительной стороны речи, в ней также может быть отражено стремление неносителя языка к сверхгенерализации, к упрощению используемых ресурсов произносительной системы приобретенного языка, которое возникает вследствие недостаточно свободного владения им» [12, с. 55]. Отклонения от нормативного произношения могут иметь универсальный (нарушение качества реализации звуков, перенос интонационных структур родного языка на иностранный язык и др.) и специфический (индивидуальные особенности произношения слов в купе со смешением фонемных признаков контактирующих языков) характер [13, с. 18].

Вышеперечисленные характеристики акцентной речи вынуждают переводчика затрачивать дополнительные когнитивные ресурсы на обработку информации в процессе восприятия исходного сообщения на английском языке. Умственные усилия, которые переводчик прилагает для успешного восприятия, понимания и воспроизведение варианта перевода обозначаются термином «когнитивные усилия» [7, с. 161]. Потребность в дополнительных когнитивных усилиях появляется в ситуациях, когда акустические параметры поступающих сигналов не соотносятся с формами, которые содержатся в долговременной памяти. Причиной отсутствия совпадений между слышимыми словами и образами слов, которые хранятся в памяти переводчика, являются фонетические девиации, вызванные уровнем владения адресантом английским языком. Следует отметить, что неправильное распределение переводчиком когнитивных ресурсов и усилий на фазе восприятия и осмысления поступающего сообщения на иностранном

языке из-за фонетических девиаций в речи автора исходного сообщения может значительно затруднить переход к следующим фазам когнитивной обработки информации. Это, в свою очередь, может привести к неадекватной передаче исходного высказывания на языке перевода, либо и вовсе к отсутствию варианта перевода как такового. Соответственно, способность переводчика грамотно распределять когнитивные ресурсы позволит значительно снизить когнитивную нагрузку на память, что, в свою очередь, повысит качество перевода.

Роль интеръязыка в ситуации устного последовательного перевода

Успешность восприятия акцентной речи также будет зависеть от уровня владения адресантом сообщения английским языком. Ввиду недостаточной языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка говорящий намеренно или неосознанно смешивает элементы своей родной языковой системы с элементами системы изучаемого языка. В результате такого смешения обучающийся формирует некую новую языковую систему, в которой присутствуют характеристики как родного, так и иностранного языков. Такая переходная языковая система является подвижной, ее элементы склонны изменяться по мере совершенствования навыков и развития умений общения на иностранном языке. Р. Селингер первым дал название описанному выше явлению, обозначив его термином «интеръязык» и представив его как динамичный, варьируемый и систематизируемый языковой континуум [13, с. 172]. В данном континууме изучающий английский язык как иностранный осваивает следующие стадии: базилект (низкий уровень владения языком), мезолект (средний уровень) и акролект (высокий уровень, свойственный стандартному варианту иностранного языка). З. Г. Прошина отмечает, что интеръязык является индивидуальной характеристикой и фактическим отражением настоящего уровня владения иностранным языком учащимся [14, с. 244]. Нам представляется важным обратить внимание на то, что чем выше стадия интеръязыка у адресанта сообщения, тем меньшее количество когнитивных трудностей будет испытывать переводчик в процессе восприятия сообщения на иностранном языке. Еще одним важным фактом является то, что в отличие от проявлений грамматической, лексической и других видов интерференции, которые имеют свойство сокращаться по мере совершенствования иностранного языка, фонетический акцент у говорящего сохраняется в той или иной степени на всех уровнях владения языком.

Результаты анализа доминантных трудностей восприятия переводчиком акцентной речи на английском языке

Мы обратились к базе данных акцентной английской речи *The Speech Accent Archive* [15] для проверки идеи о влиянии параметров произношения родного языка на характеристики произношения второго языка. Это влияние может

приводить к девиациям в артикуляции и интонации английского языка. Дополнительно мы анализировали фонетические и фонологические особенности региональных норморазвивающих и нормозависимых вариантов английского языка расширяющегося круга. В анализируемой базе данных содержится 3305 образцов речи, каждый из которых принадлежит людям, которые представляют 77 стран и являются носителями 214 языков. Каждый собеседник говорит на английском языке. Испытуемые должны были прочесть один и тот же элективный абзац на английском языке, в текст которого включены английские слова, содержащие множество сложных английских звуков и звуковых последовательностей (*th, ths, ng, wr, sch* и т. д.).

Нами был проведен сравнительный анализ 102 образцов акцентной речи, где в качестве эталонного выступал образец речи, записанный носителем стандартного варианта английского языка. Анализ и систематизация данных проводились по следующим критериям: 1) качество реализации гласных звуков; 2) качество реализации согласных звуков; 3) качество реализации минимальных произносительных единиц (слогов); 4) соблюдение эталонного интонационного рисунка в высказываниях. Для сравнения использовался фонетический инвентарь родных языков говорящих.

В результате нами были выделены следующие виды универсальных фонетических девиаций, которые встречаются в любом варианте английского языка на базилектном и акролектном уровнях: 1) существенные девиации в согласных звуках; 2) девиации в гласных звуках; 3) девиации, связанные с изменением структуры слогов и 4) просодические девиации. Результаты проведенного анализа девиаций фонетического оформления исходного высказывания на английском языке соотнесены с норморазвивающими и нормозависимыми вариантами английского языка.

Нами было выявлено, что девиации в согласных звуках проявляются в:

- оглушении и озвончении согласных (например, оглушение / озвончение конечных звуков [s]; [p]/[b];
- субституции межзубного фрикативного звука (например, [θ]/[ð] → [t]/[d]; [θ]/[ð] → [s]/[z]; [θ]/[ð] → [f]/[v]);
- палатализации;
- ретрофлексии;
- субституции альвеолярного апроксиманта [ɹ] рычащим [r] / увулярным [ʀ] / (пост-) альвеолярным апроксимантом [ɻ] / одноударным [ɹ]/[ɻ];
- субституции лабиовелярного апроксиманта [w] губно-зубным фрикативным звуком [v] / губно-губным [ɸ]/[β];
- дентализации;
- субституции фрикативного глоттального [h] велярным фрикативным [x]/[χ];

- субституции заднеальвеолярного фрикативного [ʃ] альвеолярным фрикативным [s];
- субституции бокового (пост-)альвеолярного апроксиманта [l] рычащим [r];
- огубливании.

В анализируемых образцах наблюдались следующие девиации в произношении английских гласных звуков неносителями английского языка: изменение подъема и / или долготы гласного; замена монофтонов дифтонгами и наоборот.

Изменение структуры слога происходило из-за: вставки говорящим гласного / согласного звука (или плюс-сегментация); удаления согласного звука (или минус-сегментация); кластерной редукции (метатеза, глоттализация, эллизия).

Анализ базы данных также подтвердил, что просодические девиации проявляются через характеристики, описанные В. Л. Завьяловой: 1) несоответствие нормативной локализации фразового ударения; 2) большую дробность просодического членения (за счет формирования большего количества фонетических слов и появления внутрисинтагменных, часто – внутрисловесных пауз); 3) изрезанность мелодического контура; 4) сглаженность мелодического контура [17, с. 578].

Распределение универсальных фонетических трудностей представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Распределение универсальных фонетических трудностей

Подчеркнем, что уровень сформированности у переводчика перцептивно-фонетических навыков будет играть значительную роль в успешности восприятия акцентной речи в ситуации устного последовательного перевода.

Заключение

Сочетание искажения адресантом сообщения интонационной структуры предложения, а также девиаций на сегментном и супraseгментном уровнях приводят к значительным трудностям в восприятии переводчиком исходного сообщения, что позволяет говорить о необходимости обращать внимание студентов переводческих специальностей не только на грамматические особенности и культурно-маркированные лексические единицы, но и знакомить их с особенностями фонетической структуры языков, родных для участников акта коммуникации, учить анализировать причины и последствия отрицательных переносов при использовании иностранного языка в рамках коммуникации. Это поможет студентам понимать причины возникновения девиаций в английском языке и обрести необходимые навыки преодоления возможных трудностей перевода, которые данные девиации вызывают.

Доминантной трудностью восприятия переводчиком акцентной речи на английском языке в ситуации устного последовательного перевода является наличие интерферентных процессов, вызванных девиациями в речи говорящего на иностранном языке. К факторам, определяющим качество восприятия переводчиком акцентной речи на английском языке в ситуации устного последовательного перевода, мы относим способность переводчика грамотно распределять когнитивные ресурсы на всех этапах процесса перевода, уровень владения адресантом английским языком, уровень сформированности у переводчика перцептивно-фонетических навыков.

Список использованных источников

1. English at Work: Global Analysis of Language Skills in the Workplace [Electronic resource] // Cambridge English. Available at: <https://www.cambridge-english.org/images/english-at-work-full-report.pdf> (accessed: 22.04.2024).
2. English Language Statistics [Electronic resource] // LemonGrad. Available at: <https://lemongrad.com/english-language-statistics/> (accessed: 22.04.2024).
3. Chang C., Wu M. Non-native English at international conferences: Perspectives from Chinese–English conference interpreters in Taiwan // *Interpreting*. 2014. Vol. 16. P. 169–190.
4. Прошина З. Г. Межкультурная коммуникация и опосредованный перевод // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. Т. 4, № 1. С. 59–64.

5. Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории = World Englishes Paradigm. Москва: Флинта: Наука, 2017. 240 с.
6. Алимов В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2004. 320 с.
7. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2009. 278 p.
8. Martin A., Martí I. Community interpreter self-perception: A Spanish case study // Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2008. P. 77–96.
9. Sabatini E. Listening comprehension, shadowing and simultaneous interpreting of two ‘non-standard’ English speeches // Interpreting. 2000. Vol. 5, No 1. P. 25–45.
10. Kurz I. The impact of non-native English on students’ interpreting performance // Efforts and Models in Interpreting and Translation Research. 2008. P. 115–130.
11. Lin I. I., Chang F. A., Kuo F. The impact of non-native accented English on rendition accuracy in simultaneous interpreting // Translation & Interpreting. 2013. Vol. 5, No 2. P. 78–99.
12. Багана Ж., Хапилина Е. В. Акцент и ошибки как проявление интерференции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 55–58.
13. Selinker L. Interlanguage // IRAL: International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10, No 3. P. 209–231.
14. Прошина З. Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2010. Т. 12, № 2. С. 91–97.
15. The Speech Accent Archive [Electronic resource] // The Speech Accent Archive. Available at: <https://accent.gmu.edu/> (accessed: 14.02.2024).
16. Карачева О. Б. Реализация супraseгментных единиц в интерферирующей речи билингов (сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков): дис. ... канд. филол. наук. Благовещанск, 2022. 200 с.
17. Завьялова В. Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2018. 584 с.

References

1. English at Work: Global Analysis of Language Skills in the Workplace [Electronic resource] // Cambridge English. Available at: <https://www.cambridge-english.org/images/english-at-work-full-report.pdf> (accessed: 22.04.2024).

2. English Language Statistics [Electronic resource] // LemonGrad. Available at: <https://lemongrad.com/english-language-statistics/> (accessed: 22.04.2024).
3. Chang C., Wu M. Non-native English at international conferences: Perspectives from Chinese–English conference interpreters in Taiwan // *Interpreting*. 2014. Vol. 16. P. 169–190.
4. Proshina Z. G. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i oposredovannyi perevod // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya*. 2006. T. 4, № 1. S. 59–64.
5. Proshina Z. G. Kontaktnaya variantologiya angliiskogo yazyka: problem teorii = World Englishes Paradigm. Moskva: Flinta: Nauka, 2017. 240 s.
6. Alimov V. V. Interferentsiya v perevode (na materiale professional'no orientirovannoi mezhekul'turnoi kommunikatsii i perevoda v sfere professional'noi kommunikatsii): dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 2004. 320 s.
7. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2009. 278 p.
8. Martin A., Martí I. Community interpreter self-perception: A Spanish case study // *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2008. P. 77–96.
9. Sabatini E. Listening comprehension, shadowing and simultaneous interpreting of two 'non-standard' English speeches // *Interpreting*. 2000. Vol. 5, No 1. P. 25–45.
10. Kurz I. The impact of non-native English on students' interpreting performance // *Efforts and Models in Interpreting and Translation Research*. 2008. P. 115–130.
11. Lin I. I., Chang F. A., Kuo F. The impact of non-native accented English on rendition accuracy in simultaneous interpreting // *Translation & Interpreting*. 2013. Vol. 5, No 2. P. 78–99.
12. Bagana Zh., Khapilina E. V. Aktsent i oshibki kak proyavlenie interferentsii // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya*. 2006. № 1. S. 55–58.
13. Selinker L. Interlanguage // *IRAL: International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1972. Vol. 10, No 3. P. 209–231.
14. Proshina Z. G. Variantnost' angliiskogo yazyka i mezhekul'turnaya kommunikatsiya // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh i humanitarnykh nauk*. 2010. T. 12, № 2. S. 91–97.
15. The Speech Accent Archive [Electronic resource] // The Speech Accent Archive. Available at: <https://accent.gmu.edu/> (accessed: 14.02.2024).
16. Karacheva O. B. Realizatsiya suprasegmentnykh edinit v interferirovannoi rechi bilingvov (sopostavitel'noe issledovanie na materiale zvukovykh sistem russkogo i evenkiiskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Blagoveshchansk, 2022. 200 s.

17. Zav'yalova V. L. Zvukovoi stroi angliiskogo yazyka Vostochnoi Azii: kontseptsiya regional'nogo foneticheskogo var'irovaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. Vladivostok, 2018. 584 s.

UDC 821.161.3-1*

*Tatsiana Lozka,
Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus
(Belarus)
sandalka@mail.ru*

METAPHYSICS OF THE WORD IN THE STIKHOSKAZES OF ALES RYAZANOV

The article examines the stikhoskazes of Ales Ryazanov. In his stikhoskazes the poet reveals the essence of Belarusian words-concepts by comparing them with other words based on sound similarity, thus revealing their cultural potential. Ales Ryazanov strives to find the origins of the native word and shows how the content side of the language reflects the picture of the worldview of the people, the peculiarities of the mentality, cultural and historical development, and helps to understand the uniqueness of national cultures.

Keywords: Ales Ryazanov; metaphysical poetry; stikhoskaz; sound creation; alliteration.

*Татьяна Лозко,
Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси
(Беларусь)
sandalka@mail.ru*

МЕТАФИЗИКА СЛОВА В СТИХОСКАЗАХ АЛЕСЯ РЯЗАНОВА

В статье рассматриваются стихосказы Алеся Рязанова. В стихосказах поэт раскрывает суть белорусских слов-понятий путем сопоставления с другими словами на основе звукового сходства, выявляя таким образом их культурологический потенциал. Аlesь Рязанов стремится найти истоки родного слова и показывает, как содержательная сторона языка отражает картину мировоззрения народа, особенности менталитета, культурно-исторического развития, помогает понять уникальность национальных культур.

Ключевые слова: Аlesь Рязанов; метафизическая поэзия; стихосказы; звукотворчество; аллитерация.

Слово «метафизика» происходит из греческого языка и означает «то, что после физики». «Метафизикой» Андроник Родосский назвал трактаты

Аристотеля, посвященные вопросам космологии, бытия и сущего – так метафизика стала синонимом философии.

При разговоре о метафизическом в отношении поэзии нужно учитывать многоаспектность этого понятия. Одним из первых слово «метафизика», характеризуя поэзию, употребил представитель эпохи классицизма Д. Драйден, критически высказавшийся о творчестве английского поэта XVII века Д. Донна. По мнению исследователей того времени, поэты-метафизики злоупотребляли сложными метафорами, что делало поэзию непонятной и излишне философичной. Интерес к метафизической поэзии возобновился в XX веке. Т. Элиот в рецензии «Метафизические поэты» указывает на отдельные приемы метафизиков – неожиданный контраст, обилие ассоциаций: «...вместо простого разъяснения сути сравнения мы наблюдаем его разрастание путем быстрого ассоциативного хода мысли, требующего от читателя значительной сноровки и смекалки» [1, с. 549].

В современном литературоведении понятие метафизической поэзии расширяется. Е. Иконникова не ограничивает ее эпохой барокко и предлагает относить к метафизической философскую поэзию, которая «связана с умозрительными поисками сущего, открытием нематериальных истоков Бытия», а также духовно-религиозную, поскольку первые метафизики стремились к воспроизводству связи между земным и небесным, материальным и идеальным [2, с. 8]. О. Половинкина считает более правильным говорить о метафизическом стиле [3, с. 116]. И. Шайтанов также высказывает мысль, что метафизическая поэзия – явление языковое и стилистическое [4, с. 17]. О важности языкового аспекта говорил и И. Бродский, который привнес метафизическую традицию в русское поэтическое пространство: «Разница между метафизиками и неметафизиками в поэзии – это разница между теми, кто понимает, что такое язык (и откуда у языка, так сказать, ноги растут), – и теми, кто не очень об этом догадывается. Первые, грубо говоря, интересуются источником языка. И, таким образом, источником *всего*. Вторые – просто щебечут» [5, с. 159].

Вниманием к истокам языка отличаются стихосказы Алеся Рязанова, который, по мнению В. Акудовича, положил начало метафизической поэзии в белорусской литературе [6]. Стихосказы – авторская жанровая форма, в них через ассоциативные связи между словами раскрывается сущность той или иной вещи или явления. *Дуб, тропы, челн... Забор, дверь, веник... Птица, петух, волк... Дым, дождь, ветер... Жажда, шутка, беседа...* При рассмотрении стихосказов нельзя не провести аналогии с бестиарием, на что обращает внимание И. Штейнер [7, с. 154]. Имея свои истоки в греческом трактате «Физиолог» (II–III века), который содержал сведения о животных и птицах с символическими пояснениями, этот литературный жанр получил развитие в Средние века. Испанский энциклопедист И. Севильский в работе «Этимологии» (VII век) так

описывает птицу феникс: «Птица эта живет более пятисот лет, когда же состарится, собирает ароматические ветви, возводит себе погребальный костер и, повернувшись к лучу солнца, хлопаньем крыльев сама раздувает для себя пламя, и таким способом возрождается из пепла» [8]. Давая характеристику тому или иному существу, И. Севильский проводит анализ на уровне слова, которое его называет. Так, феникса он считает аравийской птицей, получившей название из-за своего пурпурного цвета (*phoeniceus* с латыни переводится как 'алый') либо потому, что является единственной таковой в мире, а всё уникальное арабы называют словом *phoenix*.

Развитие жанра и его переосмысление происходит и в современной литературе. Так, Х. Л. Борхес создает энциклопедию фантастической зоологии. В ней представлены придуманные существа, выступающие героями литературы и фольклора, объектом мысленных экспериментов философов. Приемы, которые использует Х. Л. Борхес, позволяют ему продуцировать новые смыслы. Аргентинский классик также обращается к образу феникса, который становится у него символом Вселенной: «Для большего сходства между космосом и Фениксом можно отметить, что, по учению стоиков, мир погибает в огне и возрождается в огне и что этому циклу нет начала и не будет конца» [9, с. 237].

Созданием новых смыслов занимается и А. Рязанов. Героями его энциклопедии, которую составляют стихосказы, являются не только и не столько представители животного мира, ими выступают и бытовые предметы, и явления природы, и даже абстрактные понятия – всё то, что нас окружает и, как отмечает сам А. Рязанов, хочет озвучиться и рассказать о себе: «По сути, стихосказы – своеобразный эпос, мозаика эпоса. Эпоса немного необычного, который соотносится как раз с бытом, в первую очередь с сельским, со всем нашим окружением. В этом окружении есть много явлений, предметов. И каждый предмет, каждое явление, имеющее своё название, свое слово, свое понятие – они, по сути, хотят озвучиться, они хотят рассказать о себе» [10, с. 68].

Стихосказы А. Рязанова возникают из бытового, поэтому его энциклопедия отражает бытие белорусов, содержит информацию о национальной культуре и истории народа. В стихосказе «Дуб» А. Рязанов описывает «здешнее древо знаний», которое выступает символом связи времен. Дерево дуб славится продолжительностью своей жизни, мера которой – века. Таким образом дуб выступает свидетелем прошлого, существует в настоящем и, вероятно, переживет не только своих соседей, но и несколько поколений людей, имевших возможность видеть его своими глазами. Сама структура дерева соответствует идеи времени. Корни – то, что скрыто, но является основой и фундаментом, – отождествляются с прошлым; ствол, ветви и крона – проявленные здесь и сейчас – со временем

нынешним; а плоды, содержащие потенциал новых деревьев, – со временем будущим:

З усіх дрэў дуб самы дужы, самы векавечны, самы даўні і самы будучы – ён увасабляе сабою трыяду часу: даўніну, цяпершчыну і будучыню і сваім існаваннем сцвярджае: быў, ёсць, буду [11, с. 5].

Из всех деревьев дуб самый крепкий, самый вековечный, самый давний и самый будущий – он олицетворяет собою триаду времени: старину, настоящее и будущее и своим существованием утверждает: был, есть, буду¹.

Дуб как мифологема присутствует в культурологическом пространстве различных славянских народов: он соотносится с мировым деревом, на котором держится земля, выступает древом богов и деревом, которому поклонялись, рядом с которым совершали обряды. А. Рязанов метко определяет особенности культурного кода «дуба»: дуб – самодостаточный, он думает только о том, чтобы остаться собой; дуб – особенный, это «дерево в две кроти, в два раза, в дубль». При этом интерпретация автора имеет национальную окраску: А. Рязанов не только находит уникальную языковую форму (дуб-дубль), но и помещает мифологему в национальный контекст:

Дуб – тутэйшае дрэва ведаў: на ім сядзіць вешчая птушка бусел, пад ім – сівы дзед: вясковы буда [11, с. 5].

Дуб – здешнее древо знаний: на нем сидит вещая птица аист, под ним – седой дед: деревенский будда.

Вместо мифической райской птицы Гамаюн, издревле упоминающейся в фольклоре, А. Рязанов обращается к образу аиста, который закрепился в сознании белорусского народа как символ чистоты и возрождения, символ самой Беларуси. Если на древе знаний мы видим аиста (имеющего отношение к настоящему и вместе с тем вещего, способного предсказывать будущее), то под ним, ближе к корням, сидит седой старик – образ мудрости, которая основывается на пережитом опыте. Важно отметить, что А. Рязанов называет его деревенским буддой: таким образом он, с одной стороны, делает отсыл к пониманию «дуба» как древа богов, с другой – отождествляет с Богом простого деревенского старика, потому что его жизнь приближена к природе и протекает в соответствии с природными, а значит, и с космическими ритмами. Мудрость таких людей идет от самой жизни,

¹ Здесь и далее подстрочный перевод сделан автором статьи.

накопленный ими «живой» опыт позволяет приблизиться к постижению мировых законов.

Вещи и явления окружающей действительности, которым посвящены стихосказы А. Рязанова, как видим, в процессе интерпретации раскрывают читателям всё новые измерения своего существования, новые смыслы. И прежде всего автор постигает суть понятий, попавших в поле его зрения, на языковом уровне – через само слово и его взаимодействие с другими словами. При этом большое значение А. Рязанов придает звуку, потому что звуки – это не только оболочки для содержания, звуки сами выступают как носители смысла: они несут собой определённую информацию, создают определённое настроение, тем самым воздействуют на читателя. О соотношении звука и малой формы автор высказывает такую мысль: «У миниатюр своя поэтика, свои особенности и свои задачи, которых не решить объемной форме. В микромире миниатюр не меньше тайн и возможностей, чем в макромире других жанров. В миниатюре начинает “звучать”, становиться более существенным не только отдельное слово, но и отдельная буква, звук. Звук – “электрон” стихотворения» [12, с. 223].

Именно в стихосказах наиболее полно реализована идея содержательности звука. В этих произведениях образы тех или иных явлений и вещей создаются с помощью звуков и их комбинации:

Шалі шануюць раўнавагу, і калі нехта яе парушае, яны хваляюцца, непакоюцца... [11, с. 122]

Весы ценят равновесие, и если кто-то его нарушает, они волнуются, беспокоятся...

Приведенный стихосказ строится на аллитерации: шипящий согласный «ш» повторяется в нем двадцать пять раз, к этому добавляется многочисленное употребление глухих *х, н, ц*. Такой звуковой рисунок создает тишину, в которой слышен любой шелест, поэтому нужно говорить шепотом, чтобы не нарушить равновесие весов.

Все стихосказы А. Рязанова строятся на созвучии, и многие из них содержат ключевое слово, которое выносится в название произведения. Это слово определяет интонацию всей миниатюры, оно – центр, который стягивает к себе остальные слова:

Калі гарыць свечка, яна гарыць век, калі расце дрэва, яно расце век, калі жыве чалавек, ён жыве век... [11, с. 80]

Когда горит свеча, она горит век, когда растёт дерево, оно растёт век, когда живет человек, он живет век...

Однако аллитерация, на которой строятся стихосказы, – не просто повторение одинаковых или близких звуков с целью достичь особой выразительности. Аллитерация у А. Рязанова – средство раскрытия смысла: стол обстоятельный и устойчивый, среди скамей он «толстолится», словно среди прочих существ слон; лебеда среди «лабудивого» зелья как лебедь; колода неуклюжая, лежит в колдобине, она и лентяй, и кладка, и клад. Сам А. Рязанов о смыслообразующем звуке говорил так: «По-моему, творца, поэта нет без чувствования слова, без чувствования звука. В поэзии звук – не просто звук, он становится звуко смыслом» [10, с. 64].

А. Рязанов раскрывает тайны слова через его функционирование в языке. Слово не является фиксированной языковой единицей с неизменным, единожды и навсегда определенным смыслом, оно живое и наполненное в контексте языка, в процессе существования в языке слово приобретает дополнительные оттенки. Белорусский, русский, украинский или любой другой язык питает слово и делает его особенным – это отчетливо видно на примере тех стихосказов А. Рязанова, которые построены на сопоставлении одного и того же слова в разных языках. Обратимся к стихосказам «Месяц» и «Солнце».

Українські м і с я ц ь , быццям велічезная міса, вісіць над местам: мешчанчуки цямяць, што гэта – поўня, і, што гэта талерка, нераспазнаны лятаючы аб'ект, – містыкі. <...>

Беларускі м е с я ц перамяшчаецца па нябесным скляпенні, шукаючы на ім сваё ўстойлівае, сваё пастаяннае месца.

Праславянскі т е с є с ь памятае – але нікому не наведамляе – пра сэнс свайго існавання.

Старажытнаіндыйскі т ā s a s масіўны, ён займае ўсё паднябессе, як маска, затуляючы ўсё сабою: сам – зоркі, сам – сонца, але і самота – таксама сам [11, с. 108].

Украинский м і с я ц ь , будто громадная миска, висит над местечком: мешчане смекают, что это – полная луна, и, что это тарелка, нераспознанный летающий объект, – мистики. <...>

Белорусский м е с я ц перемещается по небесному своду, ища на нем свое устойчивое, свое постоянное место.

Праславянский т е с є с ь помнит – но никому не сообщает – о смысле своего существования.

Древнеиндийский т ā s a s массивен, он занимает все поднебесье, как маска, прикрывая всё собою: сам – звезды, сам – солнце, но и тоска – тоже сам.

Одно и то же слово, как показывает А. Рязанов, в разных языках приобретает уникальное звучание, что подчеркивается через взаимодействие со словами подобного звукового ряда: *місяць – миска – висит над местечком – мешчане – мистики; місяц – место; месєсь – смысл; māsas – массивный – маска – сам – тоска*.

Одновременно с этим определяются и смысловые различия: новые смыслы слова рождаются в контексте языка, который на протяжении веков впитывает особенности существования народа, накапливает его культурный и духовный опыт. «В стихосказах, таким образом, проявляется не только исконная поэзия и мифология, заложенная в языкотворчестве, но и глубина смысла, всё богатство культуры в ее становлении и конечном итоге», – заметил В. Конон [13, с. 254]. Особенности развития различных культур через функционирование слова в языке А. Рязанов передает так:

Лацінське s o l – квінтэсенцыя свету, соль рэчаіснасці. <...>

Стараславянське слъньце сланяецца ад небасхілу да небасхілу: у ім тая няспешнасць, тая ленаць, якая дазваляе ўсім істотам адчуваць сябе далучанымі да лона вечнасці.

Італьянскае s o l е ў арыі жыцця выконвае сольную партыю.

Рускае сонце пасылае свае пацалункі ўсім абліччам (лицам), але сланечнікам (подсолнухам) найахвотней.

Беларускае сонца – бясконцы сон, які абяцае, што некалі ён увасобіцца ў яву [11, с. 58].

Латынскае s o l – квінтэсэнцыя міра, соль рэальнасці. <...>

Стараславянскае слъньце сланяецца ад небасвода да небасводу: у ім та неспешнасць, та ленаць, якая дазваляе ўсім істотам адчуваць сябе далучанымі да лона вечнасці.

Італьянскае s o l е ў арыі жыцця выконвае сольную партыю.

Рускае сонце пасылае свае пацалункі ўсім абліччам (лицам), але подсолнухам найахвотней.

Беларускае сонца – бяскончы сон, абяцаючы, што некалі ён увасобіцца ў яву.

На прымеры стихосказов вiдно, як на языковым узроўні адражаюцца чарты нацыянальнага характара, асабeннacтi културнага развiцця, iстoрыi i судбы этнaca. Ёcлi cooтнecтi iнтepпpетацiю бeлoруccкoгo coлнцa i мeсяцa, тo мoжнo нaйтi cooтвeтcтвyючiя пapaллeлi i в судбe нашeгo нaрoдa: бeлoруcы кaк нaцiя дo cix пop iшyт cвoe ycтoйчывoe мecтo, oжидая вoплoщeнiя cнa в рeальнocть.

Истолкование поэтом солнца через понятие сна может показаться парадоксальным: солнце в разных культурах мира выступает универсальным символом и отождествляется с созидательным началом и самой жизнью (бытием), сон же, наоборот, соотносится со смертью, пусть и условной, временной (небытием). На самом деле, противоречия здесь нет: в отношении белорусской действительности сон становится специфической формой жизни. Формирование и развитие белорусов как нации происходило в сложных исторических условиях, вопросы национального сознания и национальной идеи не потеряли своей актуальности и сегодня. Окончательного самоопределения и осмысления себя белорусами через освоение наследия, уникальных традиций, культуры и языка не происходит, поэтому объективная реальность заменяется сновидением, забвением, небытием: белорусское солнце – бесконечный сон.

В одном из интервью А. Рязанов отмечает: «В “белорусском” мире бытие и небытие не противопоставлены друг другу, а соприкасаются и совмещаются и даже меняются местами, и там, где бытие берedit и губит, небытие исцеляет и заживляет, и именно в этом обратном бытии человек ищет и потерянный смысл, и последнее спасение» [14, с. 39].

Существование-сон является способом, с помощью которого сглаживаются внутренние противоречивости, временно снимается ряд экзистенциальных вопросов, которые требуют, но не могут найти решения. Вместе с тем, в состоянии сна происходит восстановление сил, накопление энергии для дальнейшего действия. Небытие всегда содержит в себе потенциал бытия: сон когда-нибудь воплотится в явь.

Таким образом, в своем авторском жанре – стихосказах – А. Рязанов открывает новые измерения существования слова. Каждое произведение – это мир определенного слова-понятия: оно выступает главным действующим лицом и сращено с тем, что называет. Характеризуя поэзию А. Рязанова как метафизическую, В. Акудович отмечает, что его метафизика обращена к онтологическому бытию белорусского слова: «Это не метафизика звездного неба, астральных тел, трансценденции в целом, а метафизика зерна, глины, камня и самого слова» [6]. В стихосказах А. Рязанов создает своеобразную энциклопедию, посвященную вещам и явлениям, возникающим из каждодневного бытия белорусского народа. Поэт стремится найти истоки родного слова и показывает, как содержательная сторона языка отражает картину мировосприятия народа, особенности менталитета, культурного и исторического развития, помогает понять, чем отличаются национальные культуры друг от друга.

Список использованных источников

1. Элиот, Т. Избранное. Религия, культура, литература / Т. Элиот. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 752 с.
2. Иконникова, Е. Типология метафизического в поэзии: на материале английской и русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Е. Иконникова. – М., 2002. – 304 с.
3. Половинкина, О. «Метафизическая поэзия» и «метафизический стиль»: проблема терминологического переноса / О. Половинкина // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1/2. – С. 114–117.
4. Шайтанов, И. Метафизики и лирики / И. Шайтанов // *Арион. Журнал поэзии*. – 2000. – № 4. – С. 16–32.
5. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М.: Независимая газета, 2000. – 328 с.
6. Акудовіч, В. Уводзіны ў новую літаратурную сітуацыю / В. Акудовіч // Беларуская палічка [Электронны рэсурс]. – 1996. – Рэжым доступу: <https://knihi.com/storage/frahmenty/8akudovich.htm> – Дата доступу: 02.02.2025.
7. Штэйнер, І. Уводзіны ў невымоўнае: Філасофія паэзіі Алеся Разанава / І. Штэйнер. – Мінск: Выдавецкі дом «Звязда», 2013. – 352 с.
8. Севильский, И. Этимологии. Книга XII: О животных / И. Севильский // Азбука веры [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevilskij/etimologii-kniga-12-o-zhivotnyh/#0_8. – Дата доступа: 02.02.2025.
9. Борхес, Х. Л. Книга вымышленных существ / Х. Л. Борхес; [пер. с исп. Е. Лысенко; ст. и комм. Н. Горелова]. – СПб.: Азбука, 2003. – 384 с.
10. Разанаў, А. З апокрыфа ў канон: Гутаркі, выступленні, нататкі / А. Разанаў. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2010. – 138 с.
11. Разанаў, А. Маланка жне, гром малоціць: Вершаказы / А. Разанаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2020. – 158 с.
12. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне: Версэты. Паэмы. Пункціры. Вершаказы. З Вяліміра Хлебнікава. Зномы / А. Разанаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1995. – 287 с.
13. Конан, У. Узыходжанне / У. Конан // *Полымя*. – 1997. – № 12. – С. 239–256.
14. Разанаў, А. Невядомая велічыня. Гутаркі, артыкулы, згадкі / А. Разанаў. – Мінск: Логвінаў, 2017. – 254 с.

References

1. Eliot, T. Izbrannoe. Religiya, kul'tura, literatura / T. Eliot. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004. – 752 s.

2. Ikonnikova, E. Tipologiya metafizicheskogo v poezii: na materiale angliiskoi i russkoi literatury: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.08 / E. Ikonnikova. – M., 2002. – 304 s.
3. Polovinkina, O. «Metafizicheskaya poeziya» i «metafizicheskii stil'»: problema terminologicheskogo perenosa / O. Polovinkina // Filologicheskaya regionalistika. – 2009. – № 1/2. – S. 114–117.
4. Shaitanov, I. Metafiziki i liriki / I. Shaitanov // Arion. Zhurnal poezii. – 2000. – № 4. – S. 16–32.
5. Volkov, S. Dialogi s Iosifom Brodskim / S. Volkov. – M.: Nezavisimaya gazeta, 2000. – 328 s.
6. Akudovich, V. Uvodziny w novuju litaraturnuju situacyju / V. Akudovich // Belaruskaja palichka [Elektronny rjesurs]. – 1996. – Rjezhym dostupu: <https://knihi.com/storage/frahmenty/8akudovich.htm> – Data dostupu: 02.02.2025.
7. Shtejner, I. Uvodziny w nevymownae: Filasofija pajezii Alesja Razanava / I. Shtejner. – Minsk: Vydavecki dom «Zvjazda», 2013. – 352 s.
8. Sevil'skii, I. Etimologii. Kniga XII: O zhivotnykh / I. Sevil'skii // Azbuka very [Elektronnyi resurs]. – 2005. – Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevil'skij/etimologii-kniga-12-o-zhivotnyh/#0_8. – Data dostupa: 02.02.2025.
9. Borkhes, Kh. L. Kniga vymyshlennykh sushchestv / Kh. L. Borkhes; [per. s isp. E. Lysenko; st. i komm. N. Gorelova]. – SPb.: Azbuka, 2003. – 384 s.
10. Razanaw, A. Z apokryfa w kanon: Gutarki, vystuplenni, natatki / A. Razanaw. – Minsk: I. P. Logvinaw, 2010. – 138 s.
11. Razanaw, A. Malanka zhne, grom malocic": Vershakazy / A. Razanaw. – Minsk: Mastackaja litaratura, 2020. – 158 s.
12. Razanaw, A. Paljavanne w rajskej daline: Versjety. Pajemy. Punkciry. Vershakazy. Z Vjalimira Hlebnikava. Znomy / A. Razanaw. – Minsk: Mastackaja litaratura, 1995. – 287 s.
13. Konan, U. Uzyhodzhanne / U. Konan // Polymja. – 1997. – № 12. – S. 239–256.
14. Razanaw, A. Nevjadamaja velichynja. Gutarki, artykuly, zgadki / A. Razanaw. – Minsk: Logvinaw, 2017. – 254 s.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ**

Aksenchyk Natallia is a Head of the Department of International Relations; a lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication of the Polessky State University (Belarus). She is the author of 17 scientific publications, 1 monograph (co-authored), and 7 educational publications for students. Her research interests encompass information and communication technologies in education, the development and implementation of electronic educational resources in educational practice, information, and the educational environment of a regional university.

Аксенчик Наталья Владимировна – начальник отдела международных связей, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Учреждения образования «Полесский государственный университет» (Беларусь). Автор 17 научных публикаций, 1 монографии (в соавторстве), 7 учебных изданий для студентов. Сфера научных интересов: информационно-коммуникационные технологии в образовании, разработка и внедрение в образовательную практику электронных образовательных ресурсов, информационно-образовательная среда университета регионального типа.

Gibkij Pavel is a lecturer at the Department of Theory and Practice of the Chinese Language; a PhD student at Minsk State Linguistic University (Belarus). He is the author of more than 70 scientific publications (including articles in scientific journals included in the list of scientific publications for publishing the results of dissertation research, articles in collections of scientific articles and scientific papers, abstracts, and conference materials), as well as two educational programs. His research interests encompass linguistics (time category, time relations, theory and practice of translation), pedagogy, philosophy, and artificial intelligence.

Гибкий Павел Валерьевич – преподаватель кафедры теории и практики китайского языка, аспирант Минского государственного лингвистического университета (Беларусь). Автор более 70 научных публикаций (в том числе статей в научных изданиях, включенных в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, статей в сборниках научных статей и научных трудов, тезисов и материалов конференций), а также двух учебных программ. Сфера научных интересов: лингвистика (категория времени, временные отношения, теория и практика перевода), педагогика, философия, искусственный интеллект.

Kalmakova Alena is PhD (in Geography), Associate Professor; Dean of the Faculty of Geography and Geoinformatics of the Belarusian State University (Belarus); the curator of the UNESCO Chair in Science Education. She is the leading specialist in the field of physical geography of the world and methods of teaching geography. Her research interests include physical geography, methods of teaching geography, biogeography, hydrochemistry, and natural heritage. She develops continuous geographical education in the Republic of Belarus and pays attention to the integration of geographical science and secondary and higher education. She is the author of more than 250 publications, including about 100 educational and methodical manuals.

Кольмакова Елена Геннадьевна – кандидат географических наук, доцент; декан факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета (Беларусь). Куратор кафедры ЮНЕСКО по естественно-научному образованию. Ведущий специалист в области физической географии мира и методики преподавания географии. Сфера научных интересов: физическая география, методика преподавания географии, биogeография, гидрохимия, природное наследие. Развивает непрерывное географическое образование в Республике Беларусь, уделяет внимание интеграции географической науки и среднего и высшего образования. Автор более 250 публикаций, из них около 100 учебных и учебно-методических пособий.

Labanava Anastasiya is a senior lecturer at the Department of Oriental Studies, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Belarus). She has completed a Master's program in oriental studies and a PhD program in theory and history of culture. She researches the role of sleep and dreams in traditional Chinese culture. Her research interests include linguoculturology and the culture, religion, and philosophy of China.

Лобанова Анастасия Эдуардовна – старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь). Окончила магистратуру по специальности «Востоковедение» и аспирантуру по специальности «Теория и история культуры». Занимается исследованием роли сна и сновидений в традиционной культуре Китая. Сфера научных интересов: лингвокультурология; культура, религии, философия Китая.

Liu Tingting is a PhD student at the Institute of International and Comparative Education of Beijing Normal University (China). She is engaged in the research of Soviet and Russian educational ideas and policies of higher education.

Лю Тинтин – аспирант Института международного и сравнительного образования Пекинского педагогического университета (Китай). Занимается

исследованием советских и российских образовательных идей и политики высшего образования.

Lozitsky Vyacheslav is PhD (in Pedagogy), Associate Professor; Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Polessky State University; and a doctoral student of the Academy of Education (Belarus). He is the author of 200 scientific publications, including 4 monographs, and 19 educational publications for students and schoolchildren. His research interests include problems of testology, information and communication technologies in education, development and implementation of electronic educational resources in educational practice, formation and development of personal information culture.

Лозицкий Вячеслав Леонтьевич – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Полесский государственный университет»; докторант государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Автор 200 научных публикаций, в том числе 4 монографий, 19 учебных изданий для студентов и школьников. Сфера научных интересов: проблематика тестологии, информационно-коммуникационные технологии в образовании, разработка и внедрение в образовательную практику электронных образовательных ресурсов, формирование и развитие информационной культуры личности.

Lozka Tatsiana is a Master of Philology, PhD student at the Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus; her scientific supervisor is Doctor of Sciences (in Philology), Professor Angela Melnikova. T. Lozka is the author of several scientific articles devoted to the work of Ales Ryazanov. Her research interests include the history and theory of literature, Belarusian poetry of the 20th century, and metaphysical poetry.

Лозко Татьяна Александровна – магистр филологических наук, аспирант Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Анжела Николаевна Мельникова. Автор ряда научных статей, посвященных творчеству Алеся Рязанова. Сфера научных интересов: история и теория литературы, белорусская поэзия XX века, метафизическая поэзия.

Osipava Yana is a PhD student at the Department of Linguodidactics and Methods of Teaching Foreign Languages at Minsk State Linguistic University (Belarus). Her research interests include studying of language contact theory in the context of translation and interpreting didactic, as well as developing and implementing teaching methods for interpreting accented English at higher education institutions.

Осипова Яна Эдуардовна – аспирант кафедры лингводидактики и методики обучения иностранным языкам Минского государственного лингвистического университета (Беларусь). Сфера научных интересов включает исследование теории языковых контактов в русле дидактики перевода, а также разработку и реализацию в образовательном процессе учреждений высшего образования методики обучения студентов устному переводу интерферирующей речи носителей английского языка.

Pirozhenko Victor is PhD (in Philosophy); an expert at the Multicultural Research Center of Huzhou University (China). He is the author of more than 500 scientific and journalistic articles published in Ukraine, Russia, and China. He worked as a columnist for the newspaper *Izvestia* (Russia), and a regular contributor to the online publication Foundation for Strategic Culture (Russia).

Пироженко Виктор Алексеевич – кандидат философских наук; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу (Китай). Автор более 500 научных и публицистических статей, опубликованных в изданиях Украины, России, Китая. Работал обозревателем газеты «Известия» (Россия), постоянный автор интернет-издания «Фонд стратегической культуры» (Россия).

Pisarchuk Natallia is the Vice Dean for Academic Affairs and Educational Innovations at the Faculty of Geography and Geoinformatics and Senior Lecturer at the Department of Physical Geography of the World and Educational Technologies of the Belarusian State University (Belarus). She is a specialist in the field of palynology and evolutionary geography. Her research interests include palynology, methods of teaching geography, regional physical geography, biogeography, and landscape design. She is the author of more than 110 scientific publications.

Писарчук Наталья Михайловна – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям факультета географии и геоинформатики, старший преподаватель кафедры физической географии мира и образовательных технологий Белорусского государственного университета (Беларусь). Специалист в области палинологии и эволюционной географии. Сфера научных интересов: палинология, методика преподавания географии, региональная физическая география, биogeография, ландшафтный дизайн. Автор более 110 научных публикаций.

Xiao Su is a PhD (in Psychology), Professor at the Institute of International and Comparative Education of Beijing Normal University; Chairman of the National Association of V. A. Sukhomlinsky Studies at the Department of Comparative Education of the Chinese Society of Education (China). She has been researching

comparative pedagogy for a long time, paying special attention to Soviet and Russian theories and the educational system, as well as the pedagogical legacy of V. A. Sukhomlinsky. She is the author of several books and more than 100 scientific articles, including “70 Years of Successes and Failures of Soviet Education”, “Ten-year Changes in Russian Education”, “A Study of the education system and educational policy of Russia”, etc.

Сяо Су – кандидат психологических наук, профессор Института международного и сравнительного образования Пекинского педагогического университета, председатель Национальной ассоциации исследований В. А. Сухомлинского при Отделении сравнительного образования Китайского общества образования (Китай). Долгое время занимается исследованием проблем сравнительной педагогики, уделяя особое внимание советским и российским теориям и системе образования, педагогическому наследию В. А. Сухомлинского. Автор ряда книг и более 100 научных статей, в том числе «70 лет успехов и неудач советского образования», «Десятилетние перемены в российском образовании», «Исследование системы образования и образовательной политики России» и др.

Shauliakova-Barzenka Iryna is PhD (in Philology), Associate Professor; an expert at the Multicultural Research Center of Huzhou University (China). She has been involved in some international research projects. She is the author of more than 300 scientific and methodological works; published four collections of literary articles and literary critical reviews and the scientific monograph “Educational Environment as an Ecosystem” (2024). Her scientific papers were translated into English, German, Polish, Turkish, and Ukrainian, and were published in Belarus, Austria, Azerbaijan, Hungary, China, Moldova, Poland, Russia, Turkey, and Ukraine. Her research interests encompass the methodology of modern scientific research, theoretical foundations and practices of cross-culturalism, conceptual and methodological foundations of the development of modern educational systems, processes of formation and transformation of identity (national, cultural, artistic), problems of history, and theory of literature.

Шевлякова-Борзенко Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу (Китай). Участник ряда международных научно-исследовательских проектов. Автор более 300 научных и методических работ; издала четыре сборника литературоведческих статей и литературно-критических рецензий; автор научной монографии «Образовательная среда как экосистема» (2024). Статьи были переведены на английский, немецкий, польский, турецкий, украинский языки, печатались в Беларуси, Австрии, Азербайджане, Венгрии, Китае, Молдове, Польше, России, Турции, Украине. Сфера научных интересов: методология современного научного поиска; теоретические основы и практики кросс-

культурности; концептуально-методологические основы проектирования, реализации и развития современных образовательных систем; оценка качества образования; процессы формирования и трансформации идентичности (национальной, культурной, художественной); проблемы истории и теории литературы.

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语区国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月，湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语区国家，逐渐辐射至沿线其他俄语区国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语区国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语区国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语区国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语区国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校100年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语区国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语区国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语区国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走出国门。积极开展“一带一路”重点俄语区国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4个研究部”+“2个展示馆”+“1个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

